

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ООО «Учебный центр “Информатика”»

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Часть 3

**Филология, лингвистика, современные иностранные языки,
психология, социология и социальная работа,
история и музейное дело**

Материалы второй заочной международной
научно-практической конференции (25–28 февраля 2013 г.)

Пермь 2013

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008
ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Научные редакторы – к. филос. н. *К.В. Патырбаева, А.В. Попов, Е.Ю. Мазур*

Современное социально-гуманитарное знание в
С 56 России и за рубежом: материалы второй заочной междунар.
науч.-практ. конф. (25–28 февраля 2013 г.) : в 4 ч. Ч. 3.
Филология, лингвистика, современные иностранные языки,
психология, социология и социальная работа, история и
музейное дело / науч. ред. К.В. Патырбаева, А.В. Попов,
Е.Ю. Мазур; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. –
246 с.

ISBN 978-5-7944-2084-5
ISBN 978-5-7944-2088-3 (ч.3)

В сборнике публикуются материалы второй заочной международной научно-практической конференции (25–28 февраля 2013 г.) «Современное социально-гуманитарное знание в России и за рубежом», организованной Пермским государственным национальным исследовательским университетом при партнерской поддержке ООО «Учебный центр “Информатика”».

В сборник включены статьи, посвященные решению актуальных вопросов современного социально-гуманитарного знания – философии, культурологии, психологии, педагогики, филологии, юриспруденции и др.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами развития науки, современного социально-гуманитарного знания.

УДК 101.1:316 + 159.9 + 37.01 + 33 + 93/94 + 008
ББК 87.6 + 88 + 74 + 65 + 63 + 73

Печатается по решению оргкомитета конференции

Организационный комитет конференции:

Канд. филос. наук, доцент каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА, докторант каф. философии ФГБОУ ВПО ПГНИУ *К.В. Патырбаева (г. Пермь)*; д. филос. н., профессор, зав. каф. философии *В.В. Орлов (г. Пермь)*; эксперт в области территориального развития, магистр социально-экономической географии *А.В. Попов (г. Пермь)*; к. культурологии, зав. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА *Л.Л. Леонова (г. Пермь)*; д. филос. н., проф. каф. философии ФГБОУ ВПО Пермской ГСХА *Кукьян В.Н. (г. Пермь)*; ст. преп. каф. спец. психологии ФГБОУ ВПО ДВГГУ *Е.Ю. Мазур (г. Хабаровск)*; д-р физ.-мат. наук, проф., зав. каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *С.В. Русаков (г. Пермь)*; педагог-психолог высшей квалификационной категории *М.И. Патырбаева (г. Пермь)*; д. пед. наук, проф. каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *И.Г. Семакин (г. Пермь)*; д. техн. н., профессор каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *Л.Н. Ясницкий (г. Пермь)*; канд. физ.-мат. наук, доц. каф. прикл. матем. и информ. ФГБОУ ВПО ПГНИУ *А.П. Шкаранута (г. Пермь)*; MA in Philosophy *Constantinos Maritsas (Bulgaria)*.

ISBN 978-5-7944-2084-5
ISBN 978-5-7944-2088-3 (ч.3)

© Пермский государственный
национальный исследовательский
университет, 2013

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА

Катунина Н.С.

*Д. филос. н., профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского
государственного университета
г. Владимир, Россия*

РОЛЬ ВРЕМЕНИ В ПОЗНАНИИ ПСИХИКИ ЧЕЛОВЕКА

Проблема исследования психического пространства и времени требует анализа результатов классического эксперимента В. Вундта с метрономом для определения границ ясного сознания. Следует сказать, что со времён Р.Декарта в метафизике и одной из её преемниц – психологии – закрепилось представление о том, что в психике нет пространства и времени [3, с. 219]. Л.М. Веккер пишет: “Приятно и привычно говорить о беспространственности психики, но не принято и гораздо более непривычно говорить о безвременности. По существу дело обстоит аналогичным образом в обоих случаях, различия же создаются лишь гораздо меньшей разработанностью проблемы психического времени и вызываемой этим иллюзией его отождествления с физическим временем протекания психических процессов в мозгу [3, с. 219]. В учебниках психологии свойство ощущений отражать локализацию в пространстве анализируется безотносительно к психофизиологическим механизмам отражения самого пространства. Особенность психического пространства воплощена в таком его парадоксальном свойстве, как внеположность по отношению к пространству самого человека и прямой отнесённости к внешнему, физическому пространству [3, с. 216].

Л.Веккер считает, что если психическое пространство, психическое время и связанная с ними психологическая специфичность памяти является реальностью, её основы и закономерности следует искать в области не мышления, а сенсорно-перцептивных процессов. Представляется необходимым рассмотреть проблему психического времени с точки зрения нейрофизиологических процессов, протекающих в мозгу в момент мышления. Это даёт возможность комплексно исследовать психическое пространство и психическое время с точки зрения взаимодействия чувствования и мышления. Специфику психического времени Аристотель связывал не с абстрактно-мыслительным отсчётом времени, а с ощущением движения. “Ощущение, – писал он – происходит от внешних предметов, а припоминание – из души, направляясь к движениям или остаткам их в органах чувств”[3, с. 220]. Движение, связанное с припоминанием, согласно Л. Веккеру, оставляет в душе след, природа которого подчиняется тем же самым общим закономерностям, что и процессы ощущения. Этот след

воплощает в себе “реализацию того же общего принципа чувствительности, благодаря которому мы воспринимаем и понятие времени” [3, с. 220]. Таким образом, Аристотель связывал припоминание (память как запечатление, сохранение и воспроизведение прошлого опыта), ощущение движения и ощущение времени в один концептуальный узел. Память органически связана у него с отсчётом времени. Сам же отсчёт времени осуществляется посредством движения, свойством которого является время. Именно оценка движения и изменения чувств делает возможным реальное измерение времени. Объективное физическое время и функция его измерения также воспроизводятся в субъективном психическом времени.

Вопрос о природе психического, в частности сенсорного времени не ограничивается анализом соотношения прошедшего, настоящего и будущего в их теснейшей связи с организацией человеческого опыта. В гносеологической литературе поставлен вопрос о сочетании основных временных параметров – последовательности, длительности и одновременности – в структуре сенсорного времени. Дж. Уитроу пишет: “Сначала нам необходимо отметить тот факт, что прямое восприятие изменения, хотя оно определено обнаруживается в виде последовательности, требует одновременного присутствия в нашем сознании событий в другой фазе представлений. Комбинация одновременности и последовательности в нашем восприятии означает, что время нашего сознательного опыта больше похоже на движущуюся линию, чем на движущуюся точку [8, с. 102].

Между тем Б. Рассел обратил внимание на то, что слуховой образ последовательного ряда ударов маятника метронома (эксперимент В. Вундта) в своей структуре представляет парадоксальную комбинацию одновременности, последовательности и длительности. Каждый по опыту знает, что мы порой так отчетливо слышим отзвучавшие, то есть ставшие уже прошлым, удары часов, и можем с достаточной точностью определить их число. Анализируя восприятие испытываемого последовательного ряда ударов метронома и сопоставляя величины двух таких рядов, В. Вундт пришел к выводу, что “такое непосредственное воспризнание равенства последующего ряда с предшествующим возможно лишь в том случае, если каждый из них был дан в сознании целиком” [4, с. 13–14]. Данное заключение подтверждает констатацию комбинации последовательности с одновременностью, о которой шла речь в описанных наблюдениях Б. Рассела.

В.М. Бехтерев, экспериментально повторив результаты В. Вундта, обнаружил, что объем ясного сознания колеблется в зависимости от частоты, с которой следуют впечатления друг за другом. Наиболее благоприятна в этом отношении скорость, при которой апперцепция едва приспосабливается к впечатлениям. Она равняется 0,3–0,5 сек. Начиная отсюда, число представлений, входящих в сферу сознания как целая группа, будет уменьшаться как при увеличении, так и при уменьшении скорости представлений. Следовательно, объем ясного осознания есть функция

скорости (времени, длительности), смены впечатлений друг за другом. Наибольший объем ясного осознания равен двенадцати ударам маятника. При скорости впечатлений 0,1–0,2 сек. ясное восприятие прекращается[2, с. 213]. Лишь малая их часть достигает сознательной сферы, большая часть остается в темном поле сознания и за его порогом. Большая часть содержания сознания – это впечатления прошедшего. Причем у взрослого человека, по данным Бехтерева, содержание сознания обязано своим происхождением не столько внешним впечатлениям настоящего, сколько впечатлениям прошедшего, возникающим из глубин бессознательной сферы.

Новые открытия, сделанные мюнхенской группой исследователей под руководством Эрнста Пёппеля, положили начало выяснению роли слуховой иерархии в структуре и функции мозга. Дар зрения – это восприятие не самих электромагнитных волн, но различия между ними. В случае слуха речь идет о временных различиях. Время подразделено на периоды с различными звуковыми частотами, и слух подвергает эти частоты очень тонкому сравнению. В этом состоит различие звуков по высоте. Восприятие тембра, звуковой ткани состоит в распознавании сочетаний частот. Слуховая иерархия включает события, разделенными промежутками короче 0,003 сек., воспринимаемыми слуховой системой как одновременные (это низшая категория иерархии). Следующая за ней – простая временная разделенность, не позволяющая установить порядок событий (ощущение безвременной слитности). Затем идет пространственно-подобное, когда невозможно установить, какое событие случилось раньше, то есть отсутствует восприятия причинно-следственной связи. Если звуки разделены 0,03 сек., испытуемый может воспринять их последовательность и безошибочно указать, который из них раздался первым. Такова третья ступень временной иерархии: она включает в себя одновременности и разделенности, тем самым организует их.

Значит можно оценить последовательность двух звуков, разделенных 0,1 сек, однако невозможно отозваться на первый звук еще до поступления второго, ибо мал промежуток времени между ними. Здесь невозможно изменить предстоящее: порядок событий очевиден, но вмешаться нам не дано. Если промежуток длиннее 0,3 сек., восходим на новую временную ступень – становимся способными на отклик. Здесь обнаруживается важное обстоятельство, а именно: любое обусловленное временем соотношение – случайность, закономерная последовательность, причинность или устремленность к цели – становится осуществимым лишь тогда, когда может уложиться в отпущенное время. Например, для существования электрона необходимо, по меньшей мере, 10^{-21} сек. (период его спина) и он должен занимать 10^{-10} см. пространства (комптоновская длина волны электрона). Следовательно, описываемые пространственно-временные отношения не менее реальны, чем материальные объекты. Такое соотношение – будь то случайность, причинность или функциональная зависимость – всегда наблюдается на каком-то отрезке времени. Он может быть достаточен для

распознавания уже знакомого соотношения, но слишком коротким для составления представления о еще неизвестном.

Транслируя априорное знание на новый объект, можно впасть в заблуждение. Осознание причинно-следственных или целевых отношений приходит не сразу: для этого нужно сопоставить ряд примеров последовательности событий. Для сопоставления же требуются свои порции опыта. Поскольку все сопоставляемые события имеют временную природу, они должны занимать равные промежутки времени. На отклик уходит 3 сек. При этом для сравнения ощущений нужно больше времени, чем для самого ощущения. Здесь мелодия узнается не так быстро как отдельные ноты. Основная порция опыта, о которой идет речь, занимает около трех секунд. Трехсекундный отрезок это то, что воспринимается человеком как "текущий момент" (во всяком случае, для слуховой системы, обладающей наибольшей разрешающей способностью во времени). В философии для обозначения "текущего момента" используется понятие "кажущегося настоящего". Выше изложенные данные экспериментально подтверждают его.

Психологи зафиксировали, что примерно каждые три секунды говорящий человек делает перерыв для принятия решения относительно словаря синтаксиса следующего трехсекундного отрезка своей речи (перерыв несколько миллисекунд). Используя словарь кибернетики, можно сказать, что человек располагает накопителем ("буфером") для слуховой информации емкостью равной трем секундам речи. Когда эти три секунды истекают и накопитель полон, то информация переправляется в вышестоящие центры переработки информации. Фактически накопитель вмещает 60 разделенностей и семь ответов (теоретически может содержать до 1000 одновременностей, 100 разделенностей и 10 ответов). При этом информация разного типа перерабатывается с различными скоростями, а поступать в вышестоящие центры должна "связками". Все подлежащее объединению должно нести общую метку и попадать в одну связку. Для этого, как показывает опыт, необходим ритм, в соответствии с которым сенсорная кора "дождалась" бы, пока самая медленная информация достигнет самую быструю, чтобы можно было переслать все разом. Такой ритм складывается из чередования трехсекундных интервалов. За пределами текущего момента простираются два периода, образующие вместе длительность. Это высший уровень интеграции в человеческом восприятии времени, так как частота его самая низкая. Первый период – прошлое, область памяти, второй – будущее, область прогнозирования и планирования; они составляют самое широкое поле человеческой мысли [6, с. 82-85].

Все сказанное позволяет сделать вывод: во-первых, информация выступает в качестве образа реальных событий – ощущений; во-вторых, прошлое и будущее, в отличие от настоящего, – это сфера идеального (мысли). Следует отметить, что возникает соответствие между стихотворной строкой и ритмом передачи и переработки информации слуховой системой. Между тем Барбара Лекс в книге "Нейробиология ритуального транса",

опираясь на исследования мюнхенской группы Пёппеля, подчеркивает, что все методы воздействия на состояние сознания объединяются в общую категорию "вынуждающих форм поведения". Их назначение состоит в соединении "прямолинейных", словесно-аналитических возможностей левого полушария со способностью целостного постижения мира, свойственной правому полушарию в "настраивании" центральной нервной системы и снятии напряжения в ней.

Опираясь на могучие телесные и эмоциональные силы, в сознании утверждаются культурные ценности (эти силы приводятся в действие симпатической и парасимпатической нервной системой и управляемыми ею эрготропными и трофотропными реакциями)[6, с. 87]. Отсюда следует, что силы действуют посредством симпатической нервной системы, а правое полушарие мозга перерабатывает информацию о действии этих сил.

Следует также обратить внимание на то, что одновременность восприятия событий (ощущений, чувств) возникает при частоте от 0,003 до 0,03 сек., то есть значительно ниже уровня восприятия в 0,3 сек., когда становится возможным отклик сознания (мышления) на поступившую информацию о событиях (временной интервал в три секунды). Напоминаем, что речь идет о восприятии сознанием переживаемых ощущений, которые выступают в качестве объекта отражения для мышления. При этом при одновременности событий невозможно установить их последовательность.

Значит, одновременность – не только феномен восприятия психических событий сознанием, но и психическая реальность. Такая же реальность присуща одновременности протекания психических процессов чувствования, мышления, но их последовательность возникает при фиксации переживания чувств и передачи информации о них в мозг и получения отклика только через три секунды. Настоящее для чувствования составляет интервал времени от 0,003 до 0,3 сек., а для осознания – уже от 0,3 до 3 сек. Таким образом, настоящее переживание становится прошлым (воспоминанием) для сознания. Между реальным чувством и его образом, и откликом на него со стороны сознания, когда существует причинная связь, отсутствует одновременность. Прошое переживание идеально включается в качестве момента в настоящее сознания.

При сопоставлении соотношений временных параметров, а именно последовательности, длительности и одновременности, – в физическом и сенсорном времени обнаруживается их несоответствие. Общим для времени физического и времени сенсорного является сочетание последовательности с длительностью, ибо всякая длительность есть последовательность моментов. Что касается сочетания последовательности с одновременностью, то здесь дело обстоит радикальным образом по-другому. Природа физического времени как асимметричной однонаправленности исключает сочетание последовательности с одновременностью. Временная последовательность включает в себе отношения "до" и "после", "раньше" и "позже", но они есть отношения неодновременности. То, что в физическом времени

последовательно, не может быть одновременным, а сочетание последовательности с одновременностью, имеющее место в сенсорном времени, не осознается как сочетание парадоксальное. Парадоксальность психического времени возникает, по мнению Л.М. Веккера, в механизмах памяти. Сенсорное время представляет собой отраженную в психике человека временную характеристику воздействующего на него объекта-отражателя. Сенсорное время – это психически отраженное физическое время.

Возможен и альтернативный подход к решению проблемы психического времени, если за основу взять концепцию живого вещества и биологического времени В.И. Вернадского, рассматриваемую в книге Г.П. Аксенова "Причина времени". По мнению В.И. Вернадского, живое может возникнуть только из живого, обоснование чего он видит в современном естествознании. Открытие А. Левенгука заключается в том, что бактериальный мир является самым мощным проявлением жизни на планете.

Существует коренное отличие живого от неживого во всем Космосе (по принципу Гюйгенса) заключающееся в том, что современное живое вещество связано со всем живым веществом прошлых эпох, тем самым генетически едино. Из этого следует, что физико-химические условия прошлого планеты близки к современным. Отмечается однообразие геохимического влияния живого вещества на окружающую среду в течение всего геологического времени. Неизменность массы живого вещества в течение нескольких миллиардов лет приводит к выводу, что атмосфера планеты создана живым веществом [1, с. 187-188].

Можно выделить особенности живого и косного вещества: *во-первых*, необратимость времени; *во-вторых*, дисимметрия пространства. Новая логика естествознания исходит из реальности времени. В качестве базового процесса для биологического времени рассматривается деление клеток (как периода жизни), где квант жизни – период равный 0,001 сек. Для живой молекулы – это неразложимая далее единица настоящего, как лимит дискретности времени и пространства. Деление микроорганизмов – процесс астрономической точности, связанный с фотосинтезом [1, с. 244], процессом усвоения энергии света в делящемся, долгоживущем состоянии молекулы. Длительность в 0,001 сек. достаточна, чтобы цепочка реакций началась. Процесс усвоения энергии в первичном акте – целостное событие. Он квантован, происходит целиком и тогда включается вся дальнейшая цепочка превращений до самого конца процесса. Процесс идет однонаправленно, или не идет вовсе, и фотон излучается в пространство.

В биологическом процессе только с определенного уровня дискретности время является временем собственного дления, не завися от измерительных процедур. Оно само длится и само делится, будучи числом и порядком, который нельзя ни в чем нарушить, строгой последовательностью событий на данном уровне простейших форм жизни. Время – единство процесса дления и его прерывания, единого акта течения дления и "дырки" в длении.

Умозрительно дробить время можно как угодно, относя к безжизненным процессам или к теоретическим процессам. Но тогда время теряет объективный биологический смысл, превращаясь в числовой ряд, в математическую абстракцию. Согласно В.И. Вернадскому, именно живое вещество биосферы является причиной времени, создающегося длением жизни. Длительность жизни глубоко переживается человеком, ибо он - живой организм.

Нейрофизиологические процессы являются материальным субстратом психических процессов. Предел времени жизни единичного чувства души человека составляет, как уже отмечалось согласно экспериментам Э. Пёппеля, 0,003 сек., что близко к базовой единице биологического времени, и по аналогии этот целостный процесс жизни чувства может быть назван "квантом жизни чувства". Л.М. Веккер рассматривает в качестве базовой единицы психического времени акт восприятия чувств, ощущений ясным сознанием равный 0,3–0,5 сек., (отношение носителя психики и объекта-раздражителя), считая, что в интервале 0,3–3 сек. содержатся одновременность и последовательность. Акт восприятия мышлением ощущения является отражением в сознании первичного для нервной системы процесса чувствования.

Следовательно, одновременность объективно существует в процессе чувствования и не является кажимостью настоящего. Во время аффекта возникает блокировка сознания – это значит, что чувства протекают с такой быстротой и интенсивностью, что не воспринимаются сознанием. Осознаваемое чувство имеет частоту в среднем, согласно В.М. Бехтереву, 0,5 сек. Оно воздействует на ясное сознание и в течение 2,5 сек. получает отклик. Необходимо отметить, что "квант жизни мысли в сознания" действительно составляет 3 сек. Его содержание составляют образы пережитых чувств. Если в качестве базового психического процесса рассматривать процесс переживания, а в качестве единицы психического времени квант жизни чувства, то очевидна неодновременность актов чувств и актов сознания.

В книге К.Э. Изарда "Психология эмоций" отмечается экспериментально установленный факт, что эмоциональная (аффективная) и когнитивная системы могут функционировать более или менее независимо друг от друга. Факторный анализ показателей когнитивных и эмоциональных реакций обнаружил тесную взаимосвязь между когнитивными показателями и их относительную независимость от аффективных. Точно так же аффективные показатели тесно связаны между собой, но относительно независимы от когнитивных. Из этого следует, что чувства и мысли имеют разные истоки, которым соответствуют душа и сознание. Результаты данного исследования подтверждают мысль о том, что аффективная и когнитивная системы выполняют разные функции и могут функционировать до некоторой степени независимо друг от друга. Эмоции позволяют человеку мгновенно (минуя сознание) реагировать на стимул, руководствуясь лишь соматической информацией органов чувств. Затем включаются когнитивные функции

логического анализа и планирования [5, с. 92]. Сознание же при посредстве памяти, мышления и воображения работает с накопленными образами уже пережитых чувств.

Из экспериментов Э. Пёппеля следует, что основная порция опыта занимает около трех секунд – это текущий момент для сознания. Теоретически отрезок содержит 1000 одновременностей ощущений; 100 разделенностей и только 10, а практически лишь семь, ответов сознания на множество эмоций. Возникает вопрос, каким органом осуществляется отбор ощущений, на которые дается всего семь ответов? Сознание только отвечает, анализируя полученную информацию о чувствах. В.М. Бехтерев однозначно отмечает, что введение представлений в сферу ясного сознания зависит прежде всего от переживания. При этом из ряда одновременно воспринимаемых впечатлений, независимо от объективных свойств самого впечатления, в сферу ясного сознания с большей вероятностью будет введено то, которое сопряжено с наиболее сильным чувствованием [2, с. 219]. В.М. Бехтерев подчеркивает, что живая сила психики находится в сфере ощущений, чувствований, желаний, стимулируя превращения скрытой энергии. Образование запасной скрытой энергии связано с переживанием, где чувство служит важнейшим руководителем поступков и направления мыслительной деятельности [2, с. 70].

Таким образом, если Э. Пёппель говорит о множестве одновременностей чувств, которые не воспринимаются ясным сознанием, ибо время их жизни от 0,003 до 0,1 сек., а Л.М. Веккер показывает возможность одновременного восприятия сознанием ряда из 7–12 чувств, то необходимо обратить внимание на следующие моменты: *во-первых*, аффективные, эмоциональные процессы и когнитивные процессы качественно различны; *во-вторых*, между ними существует интервал, отрезок времени в 0,3–0,5 сек. до поступления сигнала о чувстве в ясное сознание. На основании этих фактов можно сделать вывод о том, что чувствование и мышление протекают неодновременно (чувства переживаются раньше, а их осознание протекает позже). При этом физиологические процессы ощущения и мышления протекают одновременно, ибо осуществляются в разных подсистемах параллельно, но относительно независимо. Стрела времени связана с необратимостью жизни чувств. Обратимы понятия о чувствах, которыми оперирует мышление в идеальной сфере. Поэтому сознание, как показывает опыт, невозможно без памяти, ибо его настоящее должно содержать в определенном временном интервале интеграцию прошедшего, настоящего и будущего [3, с. 281]. Из этого следует, что обратимость времени в сознании основана на механизмах памяти, мышления, воображения.

К. Мегрелидзе в работе "Основные проблемы социологии мышления", ссылаясь на протокольные записи В. Хохгеймера, наблюдавшего больного, потерявшего память отмечает, что субъект ни способен ни оживить в своем сознании прошлое, ни представить будущего. Его сознание ограничено узкой полосой непосредственно наличного момента. Однако он сохранил речевой

аппарат в форме словесных автоматизмов, который служит ему для связи непосредственно прошлого и настоящего в сознании. Если же наступает афазия утраты речи, то субъект совершенно теряет способность всякого целеполагания (за пределами отрезка настоящего), и начинает жить только настоящей минутой, реагируя лишь на то, что непосредственно задевает его чувства[7, с. 110–111].

На основании описанного исследования можно сделать выводы: *во-первых*, необходимо различение в психике переживания и мышления как самостоятельных психических процессов; *во-вторых*, в качестве настоящей душевной жизни рассматривать квант жизни чувства (интервал времени от 0,003 до 0,5 сек.); *в-третьих*, настоящее сознания есть оперирование образами, смыслами прошлых или будущих чувств (о переживании в настоящий момент времени в душе в интервале времени от 0,003 до 0,5 сек. сознание не знает, ибо еще не получило информацию об этом чувстве). Для осмысления переживания сознанию необходим отрезок времени в три секунды, а то и больше, если это сложный случай; *в-четвертых*, в психике человека, рассматриваемой как единство переживания и мышления, *обратимости времени нет*, поскольку *настоящим моментом выступает квант жизни чувства*, а пережитое и умершее чувство не возвращается в своей единичности, отражающей особенности восприятия и настроения прошлой жизни человека, ибо в новой ситуации можно пережить нечто похожее, например, новую любовь, однако это будет уже не та первая, неповторимая, связанная с юностью; *в-пятых*, живые чувства не могут существовать в сознании; *в-шестых*, неправомерно идентифицировать переживание и мышление, ибо это разные отношения: эмоциональное и познавательное; *в-седьмых*, настоящее жизни чувства – это бессознательный процесс, новое чувство, возникшее в душе через 0,1–0,2 сек. времени – протекает в новом интервале настоящего и так далее. Поэтому прошлое и будущее у чувства может существовать лишь идеально в сфере сознания (по одной версии) или же в эмоциональной памяти, а точнее, потенциально в душе (согласно второй версии); *в-восьмых*, сильные, яркие чувства определяют работу сознания; *в-девятых*, сознание воздействует на чувства опосредованно, воспоминаниями прошлого, вызывая производные, вторичные чувства; *в-десятых*, отсутствие одновременности для отдельного, единичного чувства и его осмысления, с одной стороны, и наличие одновременности существования потоков чувствования и мышления как процессов соответствующих подсистем нервной системы человека – с другой стороны. Следовательно, человек не может обдумать квант жизни чувства ни сознательно, ни бессознательно, поэтому в момент стресса человек действует эмоционально, импульсивно при полном отсутствии логического мышления; *в-одиннадцатых*, сторонами внутреннего психического пространства выступают психические процессы переживания, возникающие в душе и мышления, протекающего в головном мозгу. Расстояние между ними преодолевается за некоторый отрезок времени нервным импульсом,

действующим с определенной скоростью и затрачивающим определенное количество энергии; *в-двенадцатых*, необходимо рассмотрение субъект-субъектных отношений, где каждый из субъектов (поэт и читатель) представляет единство души и сознания, чувств и мыслей. Чувства поэта первичны и выражаются в образах поэзии, чувства слушателя вторичны, ибо вызваны образами чувств поэта. Отсюда следует, что вторичные чувства вызваны первичными, а не сознанием как таковым, которое выступает в качестве буфера между чувствами разных субъектов.

Литература

1. Аксенов Г.П. Причина времени. М., 2001.
2. Бехтерев В.М. Избр. труды по психологии личности: В 2 т. Т.1. СПб, 1999.
3. Веккер Л.М. Психические процессы. Соч. в 3-х т. Т.3. Л., 1981.
4. Вундт В. Введение в психологию. М., 1912.
5. Изард К.Э. Психология эмоций. СПб, 2000.
6. Красота и мозг / Под ред. Ренчлера и др. М., 1995.
7. Мегрелидзе К. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973.
8. Уитроу Дж. Естественная философия времени. М., 1964.

Яковлев В.А.

*Д.м.н., профессор кафедры общей и практической психологии
Московского государственного гуманитарного
университета имени М.А. Шолохова,
г.Москва, Россия*

Филатова И.Ю.

*соискатель кафедры общей и практической психологии
Московского государственного гуманитарного
университета имени М.А. Шолохова,
г.Москва, Россия*

ВЛИЯНИЕ САМООЦЕНКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Самооценка – это оценка человеком собственных качеств, достоинств и недостатков [1, С.676]. Она выполняет регуляторную и защитную функции, влияет на поведение, деятельность и развитие личности, определяет ее взаимоотношения с другими людьми. Становление самооценки приходится на подростковый возраст, и является сложным центральным процессом.

В возрасте 12–13 лет, она формируется за счет оценок окружающих, но прежде всего сверстников. В последующем, в возрасте 14–16 лет, самооценка формируется за счет сопоставления подростками своих личностных особенностей и форм поведения с теми нормами, которые выступают для него как идеальные и приемлемые среди окружения, в котором он живет.

Самооценка может являться одной из причин отклоняющегося поведения подростков женского пола или оказывать влияние на его формирование. В связи с этим, изучение самооценки девочек старшего

подросткового возраста представляет важное теоретическое и практическое значение. Особенности самооценки в подростковом возрасте необходимо учитывать для разработки программ профилактической и коррекционной работ этой категории подростков.

Цель настоящего исследования состояла в изучении влияния самооценки на формирование отклоняющегося поведения подростков женского пола.

Выборку исследования составили 172 испытуемые старшего подросткового возраста 15–17 лет, обучавшиеся в общеобразовательных и средних профессиональных учреждениях. В соответствии с особенностями поведения и формами отклоняющегося поведения подростки были разделены на несколько групп.

Группа подростков с гармоничным поведением (КГ) состояла из 49 испытуемых. В эту группу мы включили подростков, которые обладали чувством ответственности за совершаемые поступки, руководствовались в своей жизни нравственными законами, и не обнаруживали клинически значимых форм отклоняющегося поведения.

Группа подростков с отклоняющимся поведением (ЭГ-1) состояла из 48 испытуемых, обнаруживающих никотиновую зависимость, и употребляющих алкоголь. Подростки систематически пропускали учебные занятия без уважительных причин, были замечены в конфликтах с администрацией, педагогами, родителями и сверстниками. В связи с этим они состояли на контроле образовательного учреждения и относились к «группе риска».

Группа подростков с отклоняющимся поведением (ЭГ-2) в количестве 38 человек, поведение которых, имело делинквентную форму. Подростки привлекались к ответственности за совершение краж, участие в драках, нарушении общественного порядка. Они состояли на контроле образовательного учреждения и Отделения по делам несовершеннолетних ОМВД России.

Группа подростков с отклонениями в поведении (ЭГ-3), проявляющимися в неспособности контролировать свои сексуальные потребности и в связи с этим являющиеся несовершеннолетними беременными состояла из 37 испытуемых. Наряду с этим подростки курили и употребляли алкоголь с разной степенью частоты, часто не ночевали дома, систематически пропускали учебные занятия без уважительной причины. Они состояли на контроле образовательного учреждения и составляли «группу риска».

Для изучения самооценки была использована методика Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан. Методика основана на непосредственном оценивании испытуемыми ряда личных качеств, таких как здоровье, ум и способности, характер, авторитет у сверстников, умение многое делать своими руками, внешность, уверенность в себе. Подросткам предлагалось на вертикальных линиях отметить знаками уровень развития данных качеств (показатель самооценки)[2].

Математическая обработка полученных данных проводилась с использованием непараметрического Q – критерия Розенбаума. Критерий используется для оценки различий между выборками по уровню какого-либо признака, количественно измеренного [3]. В нашем исследовании оценивались различия особенностей самооценки подростков с отклоняющимся поведением с аналогичными показателями, полученными при обследовании подростков с гармоничным поведением.

Исследование самооценки подростков с гармоничным поведением выявило следующее: заниженная самооценка установлена у 10 испытуемых, адекватная самооценка у 22. Завышенная самооценка установлена у 17 обследуемых.

В группе подростков, обнаруживающих никотиновую зависимость, употребляющих алкоголь у 6 испытуемых выявлена заниженная самооценка, адекватная самооценка установлена у 21 обследуемого. У такого же количества (21) обнаружена завышенная самооценка.

В группе подростков с делинквентным поведением адекватная самооценка установлена у 14 подростков, завышенная самооценка выявлена у 24 испытуемых, заниженной самооценки у подростков этой группы нами не выявлено.

В группе подростков с отклонениями в поведении, проявляющимися в неспособности контролировать свои сексуальные потребности и в связи с этим являющиеся несовершеннолетними беременными показатели самооценки распределились следующим образом: 12 человек обладали заниженной самооценкой, в 10 случаях самооценка оценена как адекватная, у 15 подростков показатели самооценки расценены нами как завышенные.

Достоверность результатов проверялась нами при помощи непараметрического Q – критерия Розенбаума. Результаты математической обработки представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты математической обработки результатов с использованием Q – критерия Розенбаума

№ п/п	Qэмп.		
	Группа подростков с никотиновой зависимостью, употребляющих алкоголь, n=48	Группа подростков с противоправным поведением, n=38	Группа подростков-несовершеннолетних беременных, n=37
1.	$7 < 8 (p \leq 0,05)$	$20 > 10 (p \leq 0,01)$	$11 > 10 (p \leq 0,01)$

Примечание: Различия между двумя выборками можно считать достоверными ($p \leq 0,05$), если Qэмп. равен или выше критического значения Q 0,05, и тем более достоверными ($p \leq 0,01$), если Qэмп. равен или выше критического значения Q 0,01.

Нами получены достоверные различия между самооценкой подростков женского пола с отклоняющимся поведением и самооценкой подростков с

гармоничным поведением. Наибольшие различия в показателях самооценки установлены между подростками с гармоничным поведением и подростками с делинквентным поведением и в группе подростков-несовершеннолетних беременных.

Обобщенный анализ особенностей поведения испытуемых с заниженной самооценкой выявил следующие их особенности. У подростков экспериментальных групп отмечалась сниженная активность и инициатива. В результате они проявляли недоверчивость, недоброжелательность, что углубляло нарушение межличностных контактов.

В остальных группах пониженная самооценка проявлялась в повышенной тревожности, болезненному мнению о себе, что приводило к возможным нарушениям контактов с окружающими. Эти подростки остро реагировали на критику, ощущали чувство одиночества

Значительная часть испытуемых подростков ЭГ-2 и ЭГ-3 имели признаки неадекватной завышенной самооценки. Они переоценивали себя, выполняли работу, превышающую их физические и интеллектуальные возможности. Девочки обнаруживали такие качества личности как высокомерие, что значительно затрудняло их межличностные контакты. Часто они не реагировали на замечания окружающих, необъективно оценивали результаты своих действий и поступков. Все это способствовало развитию у них чрезмерной самоуверенности, некритичному отношению к самой себе. Эти особенности поведения подростков приводили к ситуации с незапланированной беременностью, дракам, нарушению общественных порядков.

Таким образом, показатели, отражающие особенности самооценки подростков женского пола с отклоняющимся поведением, имеют статистически достоверную зависимость от клинических форм этих проявлений. Такая зависимость в большей степени выражена в группе подростков с делинквентным поведением и в группе подростков, не способных контролировать свои сексуальные потребности, являющиеся несовершеннолетними беременными.

Полученные результаты дают основание предполагать, что самооценка может быть биологическим фактором, влияющим на возникновения отклоняющегося поведения этих подростков или быть одним из его проявлений.

Выявленные особенности самооценки могут быть использованы для разработки индивидуальных программ профилактической и коррекционной работ этой категории подростков, в зависимости от формы отклоняющегося поведения. Программы должны включать формирование адекватной самооценки, адекватного восприятия своей социальной роли, замена иррациональных убеждений на рациональные. Формирование этих качеств может проходить с участием подростков в различных формах тренингов. Исследования в этом направлении продолжаются.

Литература

1. Немов Р.С. Общая психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М: Гуманит. Изд. ВЛАДОС, 2001. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
2. Ратанова Т.А. Психодиагностические методы изучения личности: Учебное пособие / Т.А. Ратанова, Н.Ф. Шляхта. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 320 с.
3. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. – СПб.: Речь, 2010. – 350 с.
4. Яковлев В.А., Филатова И.Ю. Влияние самооценки на отклонения в поведении подростков женского пола. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 11 (46), ноябрь 2012. – С. 309–312.

Босс А.А.

*Студентка 5-го курса
факультета специальной психологии и педагогики
ФГБОУ ВПО ДВГГУ
г. Хабаровск, Россия*

ПАРАЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В рамках учебной дисциплины «Социальная и правовая защита лиц с ограниченными возможностями здоровья» на одном из занятий возникла необходимость подготовить доклад по паралимпийским играм, истории и становлении этих соревнований, обратиться к паралимпийцам, людям, которые, превзошли себя, показали невероятные примеры мужества, стойкости и упорства. Паралимпиада 2012 года вызывала огромное уважение к людям с ОВЗ, которые превозмогли себя и показали всему миру, что они, поистине, люди с «не-ограниченными возможностями».

Паралимпийские игры – это международные спортивные соревнования для инвалидов – лиц с ограниченными возможностями здоровья, кроме тех, кто является инвалидами по слуху. Традиционно они проводятся после главных Олимпийских игр.

Возникновение видов спорта, в которых могут участвовать инвалиды, связывают с именем английского нейрохирурга Людвиг Гуттмана, который, преодолевая вековые негативные стереотипы по отношению к людям с физическими недостатками, ввёл в процесс реабилитации больных с повреждениями спинного мозга спорт. На сегодняшний день ФЗ «О социальной защите инвалидов» определяет реабилитацию как «систему медицинских, психологических, педагогических, социально-экономических мероприятий, направленных на устранение или возможно более полную компенсацию ограничений жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма. Целью реабилитации являются восстановление социального статуса инвалида, достижение им материальной независимости и его социальная адаптация» [1]. Людвиг Гуттман на практике доказал, что спорт для людей с физическими недостатками создаёт условия для успешной жизнедеятельности, восстанавливает психическое равновесие, позволяет

вернуться к полноценной жизни независимо от физических недостатков, укрепляет физическую силу, необходимую для того, чтобы управляться с инвалидной коляской [2].

В 1948 году Людвиг Гуттман, будучи врачом Сток-Мандевилльского реабилитационного госпиталя, собрал британских ветеранов, вернувшихся после II Мировой Войны с поражением спинного мозга, для участия в спортивных соревнованиях. Первые Игры, которые стали прототипом Паралимпийских, назывались Сток-Мандевилльские игры колясочников. По времени проведения они совпадали с Олимпийскими играми в Лондоне.

Л. Гуттмана называли «отцом спорта для людей с ограниченными физическими возможностями». Врач имел далеко идущую цель - создание Олимпийских игр для спортсменов с ограниченными физическими возможностями. Британские Сток-Мандевилльские игры стали проводиться ежегодно. С 1952 года, когда к участию в соревнованиях подключилась голландская команда спортсменов-колясочников, Игры получили статус международных и насчитывали уже 130 участников. В 1960 году в Риме IX Сток-Мандевилльские игры стали открыты не только для ветеранов войны и считаются первыми официальными Паралимпийскими играми. Тогда соревновались 400 спортсменов на колясках из 23 стран. С этого времени началось бурное развитие паралимпийского движения в мире [2].

Во время II мировой войны на базе Сток-Мандевилльского госпиталя в Эйлсбери Л. Гуттман основал Центр лечения спинных травм. 28 июля 1948 года на базе Центра были проведены первые соревнования по стрельбе из лука для спортсменов на креслах-каталках. В этих соревнованиях приняла участие группа инвалидов, состоявшая из 16 парализованных мужчин и женщин, бывших военнослужащих, которые впервые за всю историю спорта взяли в руки спортивное снаряжение [3].

В 1952 году бывшие голландские военнослужащие присоединились к движению и основали Международную спортивную федерацию людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата [4]. В 1956 году Людвиг Гуттман создаёт хартию спортсменов, формирует основы для дальнейшего развития спорта инвалидов [3]. Под эгидой Всемирной Федерации Военнослужащих в 1960 году была создана Международная рабочая группа, которая изучала проблемы спорта для инвалидов [4]. В 1964 г была создана Международная спортивная организация инвалидов, которая включала уже 16 стран [3]. В этом же году в Токио проходили соревнования уже по 7 видам спорта, и самое главное к этому времени была создана и продемонстрирована символика: впервые был поднят флаг, сыгран гимн и была обнародована официальная эмблема игр. Графическим символом мирового паралимпийского движения стали красная, синяя и зеленая полусферы, которые символизируют ум, тело, несломленный дух [3].

В 1972 году в Торонто в соревнованиях приняло участие уже более тысячи инвалидов из 44 стран, правда, участвовали только спортсмены-инвалиды на колясках, а с 1976 года к спортсменам со спинными травмами

присоединились и спортсмены других групп повреждений - инвалиды по зрению и люди, перенесшие ампутацию конечностей [3].

С каждым следующими играми число участников возрастало, география стран расширялась, количество видов спорта увеличивалось.

В 1982 году появился орган, который способствовал расширению Паралимпийских игр – Международный Координационный Комитет Всемирной Организации спорта инвалидов. В 1992 году через 10 лет его правопреемником стал Международный Паралимпийский Комитет (МПК). Сейчас в Международный Паралимпийский Комитет входят 162 страны, а спорт инвалидов получил всемирное значение [5].

В 1976 году в Эрншёльдсвике в Швеции состоялись первые зимние Паралимпийские игры. В них впервые приняли участие не только колясочники, но и спортсмены с другими категориями инвалидности. В том же 1976 году летние Паралимпийские игры в Торонто вошли в историю, собрав 1600 участников из 40 стран, в числе которых были слепые и плоховидящие, параплегики, а также спортсмены с ампутированными конечностями, со спинномозговыми травмами и другими видами физических нарушений [2].

Таким образом, соревнования, целью которых изначально было лечение и реабилитация инвалидов, стали спортивным событием высшего уровня. С целью управления такими соревнованиями возникла необходимость создания управляющего органа – Координационного совета международных спортивных организаций для инвалидов — ИСС, который и был создан в 1982 году. Через семь лет был создан Международный паралимпийский комитет — International Paralympic Committee (IPC) и координационный совет передал ему свои полномочия [6].

Другим поворотным событием в паралимпийском движении стали летние Паралимпийские игры (1988г), для проведения которых использовались те же объекты, на которых проходили олимпийские соревнования. В 2001 году Международный олимпийский комитет и Международный паралимпийский комитет подписали соглашение, согласно которому Паралимпийские игры должны проходить в тот же год, в той же стране и использовать те же объекты, что и Олимпийские игры. Это соглашение официально применяется, начиная с летних игр 2012 года [6].

Лондонская Паралимпиада 2012 г вошла в историю как самая яркая и посещаемая. Организаторы продали 2,7 миллионов билетов [7]. К Играм в Лондоне была беспрецедентна усовершенствована транспортная инфраструктура, что обеспечило людям с ограниченными физическими возможностями практически полную свободу передвижения без посторонней помощи [7].

Девиз Лондонских Паралимпийских игр – «Вдохновить поколение». Действительно, глядя на успехи паралимпийцев, поражаешься их силе воли, упорству в достижении целей, преодолению себя, способностью, оказавшись в трудной жизненной ситуации, не просто выйти из неё, но найти себя, и,

главное, вдохновить других, подать пример мужества в достижении целей и любви к жизни. Имя английского врача нейрохирурга Людвиг Гуттмана сегодня прочно вошло в историю и, благодаря его вере, безграничному желанию помочь таким людям, он навсегда останется «отцом спорта для людей с ограниченными физическими возможностями».

Литература

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федеральный закон от 20 июля 1995 года №181-ФЗ [в ред. от 30.12.2012 № 296-ФЗ] // Российская газета № 234, 02.12.1995.
2. http://www.ltvnet.ru/content/show/paralimpiiskie-igri-istoriya-i-pravila_13973.html.
3. <http://www.myvibor.ru/spirituality/spirit/iz-istorii-paraolimpijskogo-dvizheniya.php>.
4. http://www.letopis.info/themes/olympic/istorija_paralimpiyskih_igr.html.
5. <http://www.dagpravda.ru/?com=materials&task=view&page=material&id=2886>.
6. http://ru.wikipedia.org/wiki/Паралимпийские_игры
7. http://www.bbc.co.uk/russian/sport/2012/09/120909_paralympic_closing_ceremony.shtml.

Музыченко Л.С.

*Преподаватель кафедры общих гуманитарных и социальных дисциплин НОУ ВПО
Института законоведения и управления ВПА
г. Тула, Россия*

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НАСИЛИЯ

Проблематика психологии насилия представляет собой обширную область, наиболее интенсивно разрабатывающуюся в мировой психологии последнюю четверть века (Д. Левинсон, Дж. Кобрин, Д. Финкелхор, Д. Иваниек, К. Брон, Р. Лэнг, Э. Миллер, и др.). В отечественной психологической науке данная проблематика сравнительно молода (Т.Я. Сафронова, Е.Т. Соколова, Е.И.Цимбал и др.). До настоящего времени не существует единого видения данной области в психологии, не сложился полноценный терминологический и концептуальный аппарат (В.Е. Каган, и др.; отечественные справочные издания по психологии). В англоязычной психологической литературе основными терминами в данной области являются собирательные термины “abuse” (обида, ругань, оскорбление, жестокое обращение, пренебрежение, злоупотребление, эксплуатация, совращение) и “neglect” (пренебрежение, игнорирование, забывание, лень, отсутствие заботы) [3].

Биогенетическое объяснение человеческой агрессивности исходит из того, что человек от своих древних предков частично унаследовал (сохранил) характер дикого зверя (О. Шпенглер). Человек сочетает в себе унаследованную инстинктивную агрессивность и приобретенные в ходе эволюции культурные традиции (знания, нормы, ценности), которые являются механизмами самоограничения агрессивности (К. Лоренц).

Психологическое направление объясняет человеческую агрессивность изначальной враждебностью людей по отношению друг к другу, стремлением решать свои внутренние психологические проблемы за счет

других, «необходимостью разрушить другого человека, чтобы сохранить себя» (З. Фрейд).

Социальная теория объясняет насилие и агрессивность социальными отношениями, существующими в обществе и в первую очередь борьбой людей за свое существование.

Очевидным является факт, что в одинаковых условиях разные люди ведут себя по-разному: одни более агрессивны, другие менее агрессивны. Этому обстоятельству также имеются несколько объяснений, которые можно свести к двум основным: психологическому и социальному.

По мнению Э. Фромма, различные типы характеров реализуются через действия психических механизмов. В психике индивидуума содержится конфликт двух начал: жизни и смерти. Первое — биофильство — выражается в ориентации на жизнь и созидание, второе — некрофильство — в страсти к разрушению и уничтожению. Доминирование одного из начал в психике человека и определяет тип характера индивида [4].

Современные исследования подтверждают факт наличия в психике отдельных индивидов предрасположенности к агрессивному поведению или насилию. Но все же решающим фактором формирования агрессивной личности является влияние социальной среды, в которой проходит социализация личности.

В обществе или социальной общности, где культивируется жестокость, насилие, отсутствие сострадания, сочувствия и милосердия, дети с раннего возраста «впитывают» навыки агрессивного поведения. Особенно негативное влияние оказывает на социализацию ребенка насилие в семейных отношениях, к примеру, агрессивное поведение отца по отношению к другим членам семьи.

В самом общем виде под насилием в психологии понимают все формы физического и/или эмоционального жестокого обращения, сексуальное насилие, пренебрежение, коммерческая или иная эксплуатация, которая ведет к реальному или потенциальному нанесению вреда здоровью человека, его жизни, ущемляет его развитие или достоинство в контексте отношений ответственности, доверия или силы.

И.А. Баева определяет насилие, как физическое, психическое, духовное воздействие на человека, которое правомерно понижает его нравственный, психический и жизненный статус, причиняя ему физические, душевные и духовные страдания, а также угроза такого воздействия [1].

Любое насилие характеризуется тем, что оно направлено в первую очередь на подавление индивидуальной воли человека, его возможности принимать решения. Субъект насилия при этом получает власть над объектом.

В исследованиях, посвященных изучению проблем насилия, приводятся различные социальные факторы эскалации насилия, такие как уровень безработицы, бедность, наличие гражданских войн и локальных военных действий, уровень преступности, слабость законов, отсутствие целостной и

действенной системы защиты детей. К социально-психологическим причинам насилия относят, прежде всего, содержание широких социальных установок, распространенных в обществе; содержание профессиональных и родительских установок.

Насилие, наряду с алкоголизмом и наркоманией, постепенно становится нормой поведения, передающейся от одного поколения другому. Условия окружающей среды являются причиной насилия среди молодежи и могут представлять угрозу безопасности общества в целом.

Самая большая вероятность стать жертвой насилия, согласно данным Американской психологической ассоциации, приходится на возраст 12-24 лет. Поэтому важно предупреждать насилие в сфере детей и молодежи. Для того, чтобы отказаться от насилия и создать безопасную окружающую среду, человек прежде всего должен иметь представление о том, что является насилием и уметь определять пути, в рамках которых опасное поведение может стать насильственным [2].

Литература

1. Баева, И.А., Волкова, Е.Н., Лактионова, Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: развитие личности/ под ред. И.А. Баевой. М.; СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2011, 272 с.
2. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении/ под ред. И.А. Баевой. СПб.: Речь, 2006, 287 с.
3. Орлов, А.Б. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи// Психолог в детском саду, 2000. – № 2–3. – С.182–187.
4. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности/ Э. Фромм. – М., 1994. – С. 22–29.

Фортунова Л. И.

*старший преподаватель кафедры
«Промышленная экология и охрана труда»
МГУТУ им. К.Г.Разумовского
г. Москва, Россия*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В современном мировом сообществе исследователи различных дисциплинарных направлений, практики, родители, общественность все больше акцентируют свое внимание на проблеме зависимого поведения молодежи. Окружающая нестабильная в социальном, экономическом и психологическом плане среда нередко порождает, особенно у подростков и юношей, искаженные формы адаптации, актуализирует развитие различного вида зависимостей: компьютерной, наркотической, алкогольной зависимости; шопоголизм; азартные игры и пр.

Изучение проблемы зависимого поведения личности носит междисциплинарный характер, хотя, само учение о зависимостях, или аддиктология, сформировалось на стыке психологии и медицины. Кроме

этого, существенный вклад в исследование данной проблематики вносят такие науки как: философия, педагогика, социология.

Термин «аддикция» использовался еще во времена древнего Рима, обозначая отношения должника по отношению к кредитору [1, с. 9]. С середины семнадцатого столетия данное понятие приобретает саморефлексивное сопутствующее значение, описывая следование неистребимой привычке, склонность или пристрастие, симпатию, сочувствие. На протяжении XIX в. термин «аддикция» использовался для описания приверженности, глубокого пристрастия, привязанности, поиска, стремления или склонности, например, «увлечения» ботаникой или написанием писем и т.п.. В конце XIX в. данное понятие стало включать также обозначение зависимости человека от наркотиков типа морфия, героина, хлорала и кокаина, как одну из многих склонностей и зависимостей [1, с. 9].

Современная интерпретация этого термина предполагает наличие у человека непреодолимого желания или стойкой потребности в веществе, объекте, действии или взаимодействии, которые вызывают психофизиологическое удовольствие.

Однако, в определение «аддиктивный», которое дает ВОЗ, заключено, на наш взгляд, более ограниченное содержание. Аддикция рассматривается «как состояния периодической или хронической интоксикации, вызванной повторным употреблением естественного или синтетического вещества, к которому имеется непреодолимое (компульсивное) влечение, сопровождаемое тенденцией к увеличению доз, повышением толерантности и синдромом отмены, при которых всегда имеется психическая и физическая зависимость от эффекта вещества» [10, с. 14].

Мы разделяем позицию таких исследователей как В.В. Кучеренко, В.Ф. Петренко, А.В. Госохин, которые отмечают: «Наряду с поиском и совершенствованием средств борьбы с развивающимися по эпидемической модели традиционными видами зависимостей, такими, как наркотическая (включая токсикоманию), алкогольная или табачная, наблюдается отчетливая тенденция к выработке более широкого представления о зависимости. Фактически ставится вопрос о многообразии способов «ухода» из реальной жизни путем изменения состояния сознания» [3, с.72-73].

Большой интерес вызывают работы Ц.П. Короленко и Н.В. Дмитриева, выделяющие химические и нехимические аддикции [4, с. 297]. Авторы анализируют следующие виды нехимических аддикций: к азартным играм (иначе, гемблинг), работогольная аддикция, аддикция к трате денег, аддикций отношений с другими людьми (сексуальная аддикция, любовная аддикция, аддикция избегания), ургентная аддикция (привычка к постоянной нехватке времени).

Причем аддикция подразумевает не только избыточную эксплуатацию внешних условий (повышенное, добавочное поведение), но и недостаток, завышенный отказ (например, отказ от пищи и т.п.).

По мнению Л. Хэттерна, аддиктом становится человек, который в детстве

испытал поляризованные эксцессы, непоследовательность или депривацию хотя бы в одной из следующих значимых областей:

- близость;
- дисциплина;
- родительские ролевые модели (гендерно-эротические);
- пассивность – агрессивность;
- функции работы и игры;
- фрустрационная толерантность и способность к контролю собственных побуждений [10, с. 15].

Следует отметить, что в современных научных и терапевтических подходах к проблеме зависимого поведения личности наблюдается достаточно высокая степень вариативности точек зрения относительно генезиса аддикции и факторов, провоцирующих ее развитие. Так, психоаналитическое направление трактует аддикцию как следствие актуализации защитных механизмов личности или способ преодоления базальной тревоги. Персонологический подход предполагает наличие специфических типов личности или личностных черт, определяющих склонность к аддиктивному поведению. Мотивационный подход развивает теории реактивного сопротивления и выученной беспомощности. Социально-когнитивный подход рассматривает аддикцию как вариант преодоления протрагированной социальной фрустрации. Гипотеза «самолечения» предполагает, что аддиктивное поведение возникает в ситуациях личностной саморегуляции психологической или социальной дезадаптации [5, с.5].

В настоящее время исследователи не могут с полной определенностью представить целостное понимание аддиктивного поведения как определенного социо-психолого-физиологического феномена. Необходим анализ многофакторной этиологии, изучение системы межличностных отношений, в которые включен человек с зависимым поведением, необходимо выявлять пусковые механизмы аддиктивного поведения.

Нельзя также упускать из виду реакцию общества и позицию средств массовой информации относительно демонстрации зависимого поведения, т.к. некоторые виды зависимости одобряются обществом (например, трудоголизм как основной фактор достижения жизненного успеха), другие виды зависимости интерпретируются как личностная проблема для индивида (например, курение), при этом, не являясь социально опасными, некоторые виды зависимого поведения имеют статус социально опасных [6, с.78].

Если обратиться, в частности, к работам одного из ведущих психологов XX в. Курта Левина, то можно найти положение, обосновывающее человеческое поведение как функцию, с одной стороны, личности, с другой – окружающей ее среды. Исследователь характеризовал жизненное или психологическое пространство индивида в виде единства и взаимодействия всех личностных и средовых компонентов [9, с.123].

Поэтому, столь важным в аддиктивном процессе является аддиктивный комплемент, т.е. любое лицо, группа или среда, которые поддерживают зависимое поведение индивида.

Как уже отмечалось, особенно сензитивен к развитию зависимого поведения подростковый возраст. По мнению К. Левина, важнейшими процессами переходного возраста выступает расширение жизненного мира подростка, круга его общения, групповой принадлежности и типа людей, на которых подросток ориентируется. Его поведение определяется, прежде всего, маргинальностью положения, т.к. переходя из детского мира во взрослый, подросток не принадлежит полностью ни к тому, ни к другому. Специфичность его социальной ситуации и жизненного мира проявляется и в специфическом развитии его психики, для которой типичны внутренние противоречия, неопределенность уровня притязаний, амбивалентность чувств и поведения, склонность принимать крайние позиции и точки зрения. Эта напряженность и конфликтность тем больше, чем резче различия между миром детства и миром взрослости и чем важнее разделяющие их грани [9, с.139].

К. Левин обозначил ряд важных для психологии подросткового возраста проблем, которые могут, по нашему мнению, провоцировать возникновение тех или иных видов зависимостей. Прежде всего, это проблема ориентации подростка в мире взрослых, проблема выбора среди сложных и противоречивых мировоззренческих образцов и ценностей, проблема конструирования подростком своих жизненных планов и целей.

Сходную точку зрения относительно специфики подросткового возраста высказал Э. Эриксон, который писал: «Подростковая стадия становится все более заметной, и, как это традиционно существовало в истории некоторых культур, эта стадия является каким-то особым способом существования между детством и взрослостью. На первый взгляд кажется, что подростки, зажатые в кольцо физиологической революцией полового созревания и неопределенностью будущих взрослых ролей, полностью заняты своими чудаковатыми попытками создать собственную подростковую субкультуру. Они болезненно, а чаще, по внешнему впечатлению, странно озабочены тем, что их собственное мнение о себе не совпадает с мнением окружающих их людей, а также тем, что их собственные идеалы не являются общепринятыми» [12, с.139]. Подростковый возраст, по Э. Эриксону, характеризуется появлением чувства своей неповторимости, индивидуальности, непохожести на других, в отрицательном же варианте возникает диффузное, расплывчатое «Я», ролевая и личностная неопределенность.

Рассматривая психологические аспекты взросления, известный немецкий психиатр Х. Ремшмидт, говоря о факторах, влияющих на развитие личности, отмечает, что структуру личности не определяют влияния генетической и конституциональной основы и биологической перестройки. Процесс созревания решающим образом зависит от окружающей среды, от

возможностей потенциалов развития претвориться в действительность. Определенную роль играют семья, социальное положение и референтная группа. Однако нельзя недооценивать характер трудностей, возникающих у подростков в связи с проблемами полового созревания [7, с. 121].

В отечественных концепциях подросткового возраста, разработанных Л.С. Выготским, Д.Б. Элькониным, Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейном, дается детальный анализ психологического содержания данного возраста и подчеркивается роль социальной ситуации развития.

Согласно биопсихосоциальному подходу, разработанному А.П. Сугоняко, все люди обладают уникальными физиологическими и психологическими свойствами и различаются особенностями социальной ситуации. При этом индивиды испытывают влияние со стороны своего окружения, и сами оказывают влияние на свою среду. Индивидуальный риск развития зависимого поведения варьирует в зависимости от этих жизненных обстоятельств. Если индивид испытывал или в настоящее время испытывает высокие уровни стресса и недостаточно владеет позитивными адаптивными стратегиями (навыками решения проблем, коммуникационными навыками, способностью формировать близкие взаимоотношения), то риск стать аддиктом может быть достаточно высоким [8, с. 311]. Исследователь выделила три фактора риска, имеющих комплексный характер: биологический, психологический и социальный.

Биологический фактор риска возникновения аддикции включает в себя: унаследованные генетические различия и индивидуальные физиологические особенности. Исследования в этой области были преимущественно сосредоточены на изучении роли генетических факторов в развитии алкоголизма [8, с. 313].

Психологический фактор включает: когниции (убеждения и ожидания) индивида, эмоциональные состояния (например, депрессивное или тревожное), а также личностные черты и поведение (например, агрессивное, рискованное, застенчивое) [8, с. 315].

Социальный фактор риска развития зависимого поведения выражается в особенностях ближайшего окружения подростка. Было эмпирически доказано, что позитивные и тёплые семейные взаимоотношения снижают вероятность аддиктивного поведения молодых людей даже при наличии других факторов риска. И напротив, неудовлетворительное общение между родителями и детьми, неэффективная дисциплина в семье, а также такие травмирующие переживания, как эмоциональное или физическое насилие, повышают риск возникновения аддиктивного поведения [5, с. 57].

Кроме отмеченных выше, исследователи и практики выделяют также следующие факторы риска возникновения аддикции: социальная нестабильность, нищета, бездомность, безработица, неграмотность, род занятий с высоким уровнем стресса, поддержание отношений с являющимися аддиктами сверстниками. Отмечается, что для молодых людей

наиболее важным фактором риска является референтная группа сверстников [8, с. 318].

Во многих зарубежных исследованиях также делались попытки выявить совокупность факторов, которые в каждой конкретной ситуации определяют степень риска формирования предрасположенности к аддиктивному поведению и трансформации его в зависимое поведение [6, с. 231]. Было выделено 4 группы факторов:

- демографические факторы: возраст, пол, национальность, раса, образование, занятость, доход семьи;
- психосоциальные факторы: семейные нарушения и дисфункции, уровень поддержки положительных школьных установок, дисфункции школьной среды, низкая мораль и нравственность учителей;
- макросоциальные факторы: терпимость общества к компьютерным аддикциям, общественные дисфункции (например, преступность), уровень общественной поддержки борьбы со злоупотреблением с зависимостями;
- биологические и генетические факторы: соматические заболевания, задержка психического развития, гиперактивность и дефицит внимания, поиск новых ощущений, чувствительность к боли, алкоголизм у родителей и родственников [6, с.233].

По мнению И.В. Ежова, В.Л. Малыгина, И.М. Туревского, аддиктивное поведение имеет сложную природу, обусловленную самыми разнообразными факторами, находящимися в сложном взаимодействии и взаимовлиянии. Авторами подчеркивалось, что человеческое развитие обусловлено взаимодействием многих составляющих: наследственности, среды, воспитания, собственной практической деятельности человека. Ими выделено пять основных факторов, обуславливающих склонность к аддикции: биологические, психологические, социально-педагогические, социально-экономические и морально-этические [4, с.45].

А.Е. Личко и В.С. Битенский выделили три фактора риска развития зависимости: социальные факторы (доступность, мода, степень грозящей ответственности, влияние группы подростков); психологические факторы (тип акцентуации характера, привлекательность возникающих ощущений и их переживание, выработка гедонических установок, страх причинить себе реальный вред, отсутствие социальных интересов, стремление к самоутверждению) и биологические факторы: (индивидуальная непереносимость, высокая устойчивость, отягощение наследственности, органические поражения мозга, хронические болезни, природа употребляемого вещества) [6, с. 35–36].

Итак, обобщая выше изложенное, можно констатировать следующее. В подростковом возрасте центральным этиологическим фактором возникновения и развития аддиктивного поведения у подростков является социальная среда, в частности, семейные взаимоотношения, референтная группа сверстников и СМИ.

Литература

1. Войскунский А.Е. Психологическое исследование феномена Интернет-аддикции //Тезисы докладов 2-й Российской конференции по экологической психологии. М.: Экопсицентр, РОСС. 2000. – С. 9-12.
2. Даренский И. Д., Акопян В.С. Болезненное пристрастие к азартным играм // Аддиктология. 2005. № 1. – С. 36-44.
3. Кучеренко В.В., Петренко В.Ф., Госсохин А.В. Изменение состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. 1998 № 3. С. 72-84.
4. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. - М., 2000.
4. Курек Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте. – СПб., 2001.
5. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Социодинамическая психиатрия. - М., 2000.
6. Курек Н.С. Нарушения психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте. – СПб., 2001.
7. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. - М., 1994.
8. Сугоняко А.П. Химиодистрессомания (Причины и последствия наркологических болезней и их профилактика). - Красноярск, 1988.
9. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М., 2001.
10. Психологическая энциклопедия /Под ред. Р. Корсини и А. Ауэрбаха. 2-е изд.– СПб., 2003.
11. Четвериков Д. Психологические механизмы и структура аддиктивного поведения личности. 2005. <http://www.flogiston.ru>.
12. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М., 2006.

Черемискина И.И., Леун Е.В.

*Морской государственный университет
им. адм. Г.И. Невельского
г. Владивосток, Россия*

ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ У АТТЕСТОВАННЫХ И НЕАТТЕСТОВАННЫХ СОТРУДНИКОВ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ ОХРАНЫ

Отношение к работе играет важную роль в трудовой деятельности. Можно сказать, что, чем лучше отношение сотрудника к собственной работе, тем лучше он проявляет себя в трудовой деятельности. Поэтому, для улучшения качества работы любого специалиста, необходимо более детальное изучение данного вопроса и проведение исследований в этой области. Особо значимым изучение отношения к работе, на наш взгляд, представляется в тех профессиональных группах, где деятельность специалистов протекает в особых или экстремальных условиях. Профессия пожарного, безусловно, одна из самых опасных, так как связана с риском для жизни и ответственностью за жизнь других людей. Актуальность эмпирического исследования, результаты которого представлены в данной статье, обусловлена недавними изменениями в структуре Государственной

противопожарной службы, которые, возможно, нашли отражение в отношении к работе ее сотрудников.

Эмпирическую базу исследования составили 40 сотрудников Государственной противопожарной службы г. Владивостока, 20 аттестованных сотрудников, 20 неаттестованных, в возрасте от 18 до 48 лет. Как уже стало понятным, в общей профессиональной группе пожарных существуют разные категории сотрудников по наличию аттестации. Аттестованные сотрудники ГПС имеют воинское звание, возможность карьерного роста с повышением в звании, социальные льготы и надбавки, уход на пенсию по льготному возрасту. Неаттестованные сотрудники ГПС не имеют воинского звания, социальных льгот и надбавок, но, как и аттестованным сотрудникам ГПС, им полагается льготный возраст ухода на пенсию.

Согласно идеям многих отечественных психологов в психологии труда возможны различные виды отношений, например: отношение к труду вообще; отношение к профессии; отношение к работе в данных конкретных производственных условиях и т.д. [1, 2, 3, 4, 5].

Предметом исследования было выбрано отношение к работе в данных конкретных производственных условиях, которое зависит от условий труда, организации производственного процесса, формы и размера оплаты и многих других переменных, присущих данному конкретному участку работы. Отношение к работе проявляется в поведении, мотивации и оценке собственного труда.

В соответствии с предметом и особенностями эмпирического объекта исследование проводилось с помощью следующих методик: семантического дифференциала «Моя работа» В.П. Серкина, методики Розановой В.А. «Удовлетворенность трудом», методики «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана и «Цветового теста отношений» А.М. Эткинда.

В отношении к своей работе аттестованных и неаттестованных сотрудников Государственной противопожарной службы выявлены некоторые качественные отличия:

- неаттестованные сотрудники Государственной противопожарной службы на когнитивном уровне оценивают свою работу как «хорошую», в своих оценках они отмечают ее интенсивность и результативность, а также отмечают сознательность ее выбора. Отношение неаттестованных сотрудников Государственной противопожарной службы к своей работе в целом, более позитивно, чем у аттестованных сотрудников ГПС. По нашему предположению, основанному на результатах беседы и наблюдения, такие результаты могут быть связаны с тем, что предъявляемые к ним требования со стороны руководства немного ниже, по сравнению с группой аттестованных сотрудников, в их группе отмечается более благоприятный социальный климат, так как отсутствует жесткая субординация на основе должностного подчинения. Так же это может быть связано с ожиданиями от

собственной службы, неаттестованные сотрудники государственной противопожарной службы в перспективе своей работы ограничены в возможностях профессионального роста и продвижения по должности, поэтому они воспринимают свою работу как данное, не испытывая разочарований по поводу отсутствия повышения в звании. Данное предположение подтверждается тем, что четверть неаттестованных сотрудников Государственной противопожарной службы ассоциируют со своей работой «желтый» цвет, это означает ее восприятие как честной, оригинальной и позитивной, наличие у них потребности быть вовлеченными в процесс эмоционально насыщенного межличностного взаимодействия.

- чуть больше половины аттестованных сотрудников Государственной противопожарной службы продемонстрировали негативное отношение к своей работе. Что по нашим наблюдениям, может быть связано с их возрастом и большим стажем работы в ГПС.

Таким образом, по результатам видно, что отличия в отношении к работе, прежде всего, связаны с наличием аттестации и возможности повышения в звании, что собственно и создает некоторое напряжение у аттестованных сотрудников, а так же с возрастом и стажем работы в Государственной противопожарной службе.

Литература

1. Бодров В.А. Методологические и теоретические вопросы изучения проблемы профессиональной пригодности субъекта труда // Профессиональная пригодность: субъектно-деятельностный подход. Москва, 2004. – С. 10–28.
2. Маркова А.К. Психология профессионализма. Москва, 1996.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва - Воронеж, 1995.
4. Психология профессиональной деятельности. Современная психология: справочное руководство. Москва, 1999.
5. Толочек В.А. Современная психология труда. Санкт-Петербург, 2005.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДНЕГО ГОРОДА

Политическая социализация как процесс интериоризации индивидом политических знаний, ценностей, убеждений играет важную роль в становлении личности. Именно в процессе политической социализации происходит формирование гражданских качеств и включение индивида в политику, что является неотъемлемым условием существования и стабильного функционирования демократического государства. Кроме того, политическая социализация является важной составляющей в развитии человеческого потенциала, так как успешное формирование базовых политических знаний и навыков, способности выражать свою гражданскую позицию дает возможность индивиду полноценно реализовывать себя в социальной действительности. Однако, несмотря на всю значимость, политическая социализация в современном российском обществе мало изученный феномен. Среди современных российских ученых, занимающихся проблемами политической социализации, выделяются Е.Б. Шестопал, Н.А. Головнин, А.И. Щербина, Т.Н. Самсонова, С.П. Иваненков. Однако работы в целом имеют несистематический характер, в России только кафедра политической психологии МГУ регулярно проводит исследования политической социализации.

В апреле-мае 2012 г. автором было проведено эмпирическое социологическое исследование с целью изучения особенностей политической социализации школьников среднего города. Объектом исследования выступили школьники 7-11 классов г. Чайковский Пермского края. Объем выборки – 99 человек. Тип выборки – гнездовая со случайным отбором конечных единиц (классов). Метод сбора информации – групповое раздаточное анкетирование.

В результате проведенного исследования было выявлено, что школьники среднего города имеют достаточно высокий интерес к сфере политики (67% респондентов интересуются политикой), причем данный интерес не зависит от пола, что опровергает данные ряда исследований о том, что уровень интереса к политике среди представителей женского пола ниже [1; 2]. Однако данный интерес зависит от класса обучения: в старших классах уровень интереса к политике выше, что обусловлено возрастными когнитивными особенностями. Высокому уровню интереса к политике соответствует желание большинства школьников (73%) участвовать в политической жизни страны и региона. В качестве приоритетных форм активности выступают выборы (для 75% ответивших) и митинги (для 46% ответивших на вопрос).

Важным моментом при изучении политической социализации является анализ информационного влияния агентов и институтов. Наибольшее влияние на процесс политической социализации школьников среднего города оказывает телевидение, которое является наиболее распространенным СМИ в России. Дальнейший ранжированный список источников по объему получаемой информации о политике выглядит следующим образом: 1) Интернет; 2) семья; 3) учителя, школа; 4) газеты и журналы; 5) сверстники, друзья. Интересен тот факт, что значительная часть школьников 7-11 классов получают информацию о политике из Интернета: 44% респондентов часто, 42% – редко, лишь 14% – никогда. Причем для таких респондентов характерен более высокий уровень интереса к политике.

Когнитивный аспект политической социализации школьников среднего города 7-11 классов характеризуется низким уровнем развития и имеет фактологический характер. Лишь 18% респондентов ответили, что знают не только факт существования принципа разделения властей, местного самоуправления и его функций, политических течений и т.д., но и подробности или знают многое и могут рассказать об этом. У старшеклассников ситуация отличается незначительно, в 10 и 11 классе доля таких респондентов не превысила 27%. Таким образом, влияние таких учебных предметов как «История России» и «Обществознание» на формирование общетеоретических знаний о политике присутствует, но является незначительным. На актуальные знания о политике данные предметы не оказывают практически никакого влияния: уровень актуальных знаний о политике у респондентов не зависит от класса обучения и является более высоким, чем уровень общетеоретических. Например, о выборах Президента РФ знают подробности или очень многое и могут рассказать об этом 49% респондентов, о митингах «За честные выборы» - 33% респондентов, но о вступлении России в ВТО и деятельности лидеров местного самоуправления – не более 25%. Учитывая тот факт, что большинство школьников получают информацию о политике с помощью телевидения и Интернета, становится понятным, что уровень знаний о социально-политическом событии зависит от степени освещенности его в данных СМИ.

Таким образом, политическая социализация школьников 7–11 классов среднего города носит размытый и фрагментарный характер, что коррелирует с результатами общероссийских исследований [3]. Поэтому в целях влияния на данный процесс (повышения уровня когнитивного компонента, развития политических навыков, формирования определенных гражданских качеств) необходима выработка единой государственной концепции политической социализации. Также требуется ряд изменений в школе: акцентирование важности предмета «Обществознание», который зачастую недооценивается, увеличение количества внеучебных мероприятий, ориентированных на развитие у школьников политических знаний и навыков (подобные мероприятия у 65% респондентов проводятся не чаще 1 раза в год,

у 17% - раз в четверть, лишь у 18% - раз в месяц и чаще). Эффективным инструментом повышения актуальных знаний о политике может стать вводимый предмет «Россия в мире».

С дальнейшим распространением Интернета среди населения можно прогнозировать увеличение его информационного влияния на процесс политической социализации школьников. В связи с этим необходимо создание Интернет-ресурсов с политическим контентом (сайтов, блогов), ориентированных по форме и содержанию именно на школьников. Помимо этого важно использовать имеющиеся платформы, в первую очередь социальные сети, так как именно они являются основным Интернет-источником информации о политике для 40% респондентов. Информационное воздействие на процесс политической социализации посредством Интернета обладает следующими преимуществами: дешевизна, возможность формировать самовоспроизводящийся процесс в рамках того или иного Интернет ресурса, трансграничность.

Литература

1. Колобова С.А., Щичкова Е.В. Политическая социализация молодежи: гендерный аспект // Власть. – 2010. – № 4. – С. 87–90.
2. Суровова О.В. Политическая социализация молодёжи в современной России. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004.
3. Шестопал Е.Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М.: «Новый хронограф», 2008.

Родионова В.А.

*К. пед. н., доцент кафедры педагогики и психологии
Санкт-Петербургского государственного медицинского
университета имени академика И. П. Павлова
г. Санкт-Петербург, Россия*

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ МЕДИКА-ПЕДАГОГА ШКОЛЫ ПАЦИЕНТОВ

Междисциплинарность современного социально-гуманитарного знания не вызывает сомнений. Это доказывает, в частности, активная интеграция психолого-педагогических знаний в такую сложнейшую область человекознания как медицина и возникновение медико-педагогической (а по сути медико-социальной и психолого-педагогической) технологии под названием школа пациента.

Согласно нормативным документам, школа пациента — это медицинская профилактическая технология, основанная на совокупности индивидуального и группового воздействия на пациентов и направленная на повышение уровня их знаний, информированности и практических навыков по рациональному лечению того или иного заболевания, повышение приверженности пациентов к лечению для профилактики осложнений заболевания, улучшения прогноза и повышения качества жизни. С активным внедрением этой технологии в практику лечебно-профилактических

учреждений связываются надежды на более рациональное распределение бюджетных средств в медицине. При этом сама технология современной школы пациентов не является разработанной, вопрос о психолого-педагогической составляющей образовательного процесса в ней не ставится, а проблема профессионального портрета преподавателя школы пациентов как медика-педагога в научной литературе до сих пор не освещена.

Феномен профессионального портрета широко изучен в педагогике общеобразовательной и высшей школы, в профессиональной психологии и менеджменте. В наиболее общем виде профессиональный портрет — это четко, детально, научно обоснованно прописанный комплекс минимума достоинств (свойств, качеств, способностей, знаний, навыков и умений, привычек и др.) личности образованного профессионала, это стержень всего образовательного процесса, своеобразный эталон для всего, что в нем планируется, совершается и достигается. Такой портрет обозначают также как модель, квалификационную характеристику, квалификационные требования. Однако по отношению к нашему исследованию профессиональный портрет медика-педагога — это диагностика того, какими личностными и профессиональными чертами обладают преподаватели школы пациентов на сегодняшний день, каков багаж их психолого-педагогических знаний и готовы ли они его пополнить для большей эффективности и успешности своей профессиональной деятельности.

В январе-мае 2012 г. нами было проведено исследование профессионального портрета медика-педагога школы пациентов — врачей и медицинских сестер, имеющих опыт преподавания в школе пациентов с сахарным диабетом более 2-х лет, с общим стажем работы в эндокринологическом отделении от 2 до 35 лет. Базой исследования стал городской диабетологический центр №1 Выборгского района г. Санкт-Петербурга.

Необходимо отметить, что работники эндокринологических отделений стационаров, поликлиник и диабетологических центров составляют особую категорию медиков, так как в их профессиональные обязанности входит не только повседневное взаимодействие с пациентами, ориентированное на оказание профессиональной медицинской помощи, но и осуществление процесса обучения людей, находящихся на разных этапах принятия болезни, разном уровне осведомленности о своем заболевании и образе жизни с ним. Значение психолого-педагогической подготовки эндокринолога трудно переоценить. Приведем краткий перечень функциональных обязанностей, содержащихся в должностной инструкции медицинской сестры эндокринологического кабинета, выполнение которых невозможно без психолого-педагогических знаний и умений: помогать пациентам при подготовке к врачебному осмотру, объяснять больным способы и порядок подготовки к лабораторным исследованиям, участвовать в проведении санитарно-просветительной работы среди больных. По нормативным документам, деятельность врача и медицинской сестры школы пациентов

заключается в пропаганде здорового образа жизни среди населения, оказании пациентам моральной поддержки в процессе обучения, контроле посещаемости занятий и убеждении пациента в пользе этого, организации лекций и подготовке наглядного материала к ним, проведении анализа качества жизни пациентов на основании полученных данных. Успешность и эффективность этой деятельности во многом определяется уровнем профессионального развития личности медика, его личным и педагогическим опытом, уровнем психолого-педагогической подготовки.

С целью определения профессиональной позиции медиков-педагогов и их мнения о школе пациентов было проведено анкетирование. Анализ результатов анкетирования показал, что только 40% респондентов удовлетворены процессом преподавания в школе пациентов с сахарным диабетом и достигаемыми результатами. Остальные респонденты отмечают, что не всегда достигают целей своей работы, важнейшими из которых названы: повышение уровня знаний пациентов о заболевании, совершенствование необходимых им умений и навыков; квалифицированное решение проблемных вопросов и ситуаций пациентов; оказание пациентам понимания, поддержки, сопереживания.

Вопрос о том, необходима ли врачу и медицинской сестре специальная подготовка для работы в школе пациентов, вызвал сильную эмоциональную реакцию, отраженную в ответах респондентов: «Да! Обязательнейшим образом!»; «Наконец-то кто-то задумался об этом!»; «Всенепременно». Все участники анкетирования единодушны во мнении, что специальная подготовка медицинской сестры для работы в школе пациентов является обязательным условием не только успешности обучения, повышения удовлетворенности от выполняемой деятельности, но и выступает критерием качества процесса обучения пациента в школе. С точки зрения респондентов, специальное обучение преподавателя школы пациента с сахарным диабетом в первую очередь должно заключаться в «особой психологической подготовке» (45%), в совершенствовании умения общаться с пациентами и их родственниками (30%), в постоянном повышении уровня профессиональных знаний (25%).

На основании анализа результатов анкетирования нами была разработана программа и реализован цикл обучающих семинаров, посвященных повышению психолого-педагогической подготовки медиков-преподавателей школы пациентов с сахарным диабетом. Знакомство слушателей курса с новой, ранее с профессиональной точки зрения не изученной психолого-педагогической проблематикой мы начали с саморефлексии, которая дала новые штрихи к профессиональному портрету медика-педагога, а именно – с выполнения упражнения «Мой профессиональный портрет в лучах восходящего солнца», разработанного А.М. Прихожан и адаптированного нами [2]. Перед тем, как дать инструкцию к выполнению упражнения, была проведена небольшая беседа о том, какое значение слушатели вкладывают в понятие «профессиональный портрет».

Затем, подчеркнув принципиальное отличие того профессионального портрета, который мы предлагаем создать в ходе выполнения упражнения, от формализованного, приступаем к работе.

Для выполнения упражнения «Мой профессиональный портрет в лучах восходящего солнца» необходимы подготовленные бланки с рисунком восходящего солнца на одной половине листа, тучи с падающими каплями на другой для каждого слушателя, фломастеры, цветные карандаши или авторучки с цветными стержнями. Бланки раздаются участникам заранее в сложенном виде: так, чтобы на одной половине листа было видно только солнце. Каждому участнику предлагается подумать, почему он заслуживает как профессионального, так и личного уважения. В центре солнечного круга можно написать свое имя или нарисовать свой портрет. Вдоль лучей следует написать все свои профессиональные и личные достоинства, все хорошее, что слушатель может сообщить о себе в личном и профессиональном плане.

Затем слушателям предлагается перевернуть лист и обозначить капли - помехи профессиональной деятельности, написав в каплях свои качества, мешающие эффективно и радостно работать и жить. Выполнение описанного упражнения позволит медикам провести экспресс-анализ собственной профессиональной деятельности, осмыслить позитивные и негативные свойства личности, оказывающие влияние на качество профессиональной деятельности.

Отметим, что процесс выполнения задания у большинства участников группы вызвал первоначальные затруднения, справиться с которыми помогло чувство юмора. На первые места среди указанных медиками профессиональных качеств вышли доброта (80% указаний), терпимость, самообладание, участливость, отзывчивость, профессиональные знания (по 70% указаний каждое качество). Реже были указаны такие качества как доброжелательность, ответственность, энергичность, контактность, требовательность, работоспособность, чувство юмора. Выполнение этого упражнения позволило, с одной стороны, настроиться на позитивный лад и повысить самооценку, с другой стороны – сфокусировать внимание респондентов на себе как личностях и профессионалах, определить значимость психолого-педагогической составляющей своей деятельности как медика-педагога.

Напомним, что на второй части рисунка предлагалось обозначить «капли» - помехи в профессиональной деятельности. По мнению медиков, чаще всего помехами в профессиональной деятельности выступают такие качества их личности, как раздражительность (35%), эгоизм (35%), недоверие пациенту (30%). Упоминаются также суетливость, «неумение любить себя», периодический пессимизм, «скромность» (впоследствии в беседе было выяснено, что имелась в виду нескромность), трудоголизм. Респонденты были практически единодушны в том, что им очень не хватает улыбок, смеха, шуток, что, с их точки зрения, обусловлено спецификой работы в эндокринологии.

Для того, чтобы дать возможность самовыражения своего «Я» путем создания продукта творческой деятельности, для моделирования позитивной самопрезентации медикам-педагогам предлагалось упражнение «Бейдж» [1], анализ выполнения которого дополнит портрет преподавателя школы пациентов. Инструкция предлагала создать свой бейдж, используя различные художественные материалы, цвета и формы; можно использовать также вымышленное имя.

Анализ результатов выполнения этого упражнения показал, что размер, цветовая гамма, символика и выбор изображаемых на бейдже объектов коррелируется с возрастом респондентов и опытом их профессиональной деятельности. Так, медики со стажем работы свыше 15 лет изображали на бейджах объекты флоры и фауны (море, цветы, дельфинов, солнце и др.) Их рисунки на бейджах позитивно окрашены, имеют яркую, солнечную цветовую гамму, большие размеры. Свои имена они писали крупными буквами, что свидетельствует о высокой степени принятия себя, самоуважении. Отсутствие на бейджах сигналов о профессиональной принадлежности указывает на стремлении к отделению профессионального от личностного. Более молодые коллеги с меньшим стажем преподавания в школе пациента отдали предпочтение символам массовой культуры (символике футбольного клуба «Зенит», контрастным черно-белым композициям с заостренными формами) и символам своей профессиональной деятельности (шприц-ручка, глюкометр, фонендоскоп). В рассказе о своем бейдже эти медики поясняли, что они находятся в процессе профессионального становления, в личностном поиске, часто сопровождающимся некомфортным состоянием и трудным осознанием собственного личностного и профессионального предназначения. 5% участников отказались выполнять упражнение, мотивировав это своим нежеланием и стремлением посмотреть на результаты деятельности других. Впоследствии выяснилось, что у них «накопилась усталость от обязательной необходимости носить бейдж на работе».

Таким образом, можно утверждать, что профессиональный портрет медика-педагога школы пациентов имеет следующие черты: четкое осознание целей своей работы и понимание необходимости специальной психолого-педагогической подготовки для их успешной реализации; неудовлетворенность процессом и результатами преподавания в школе пациентов. К качествам, позитивно влияющим на преподавание в школе пациентов, медики относят доброту, терпимость и профессиональные знания. Среди помех успешной профессиональной деятельности первые места занимают раздражительность, эгоизм и недоверие к пациенту, а также нехватка чувства юмора. Проблема соотношения личностного и профессионального самовосприятия более остро стоит у молодых медиков-преподавателей. Именно они более нуждаются в психолого-педагогической подготовке к собственно профессиональной деятельности в качестве медика-

педагога, а также в психолого-консультативной поддержке личностного и профессионального становления.

Литература

1. Арт-терапия в психологическом консультировании: учебное пособие /М.В.Киселева, В.А.Кулганов. — СПб.: Речь, 2012.
2. Тренинг профессиональной идентичности: Руководство для преподавателей и практикующих психологов/ Автор-составитель Л.Б. Шнейдер. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004.

Лоза М.Д.

*студентка 3 курса юридического факультета,
специальности «Юриспруденция»
Тульского государственного университета
г. Тула, Россия*

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ ПОЗИТИВНОЙ АДАПТАЦИИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Проблема социализации детей с ограниченными возможностями входит в число актуальных проблем педагогики, психологии и социологии. Инвалидность у детей означает существенное ограничение жизнедеятельности, способствует социальной дезадаптации, которая обусловлена нарушениями в развитии, затруднениями в самообслуживании, общении, обучении, овладении в будущем профессиональными навыками. В России по состоянию здоровья не могут посещать школу и обучаться на дому ежегодно более 40 тысяч детей с ограниченными возможностями здоровья [1; с.106]. Одним из вариантов социализации и интеграции ребенка с ограниченными возможностями в общество является развитие института инклюзивного образования. Социальный заказ сегодня определяет построение системы образования нового типа, учитывающей ценности нового времени, ведущей из которых является убежденность в том, что каждый ребенок имеет уникальные особенности, способности и учебные потребности, независимо от уровня его психо-физического развития. Одной из значимых проблем на этапе крупномасштабной модернизации системы образования детей с особыми образовательными потребностями является их интеграция в общеобразовательное пространство на основе учета их интересов и потребностей [2; с. 98]. Решению этой проблемы может способствовать инклюзивное образование. Инклюзивное образование - это перспективная модель развития системы специального образования детей с ограниченными возможностями здоровья. Проблема исследования инклюзивного образования носит актуальный характер в современных условиях, так как в основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивает равное

отношение ко всем людям, создает особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности.

Понятие «инклюзивное образование» сформировалось из убеждения в том, что образование является основным правом человека и что оно создает основу для более справедливого общества. Права детей на развитие личности в системе образования, ориентированного на индивидуальные потребности, и в том числе право детей с отклонениями в развитии учиться в тех же школах, где учатся их сверстники, живущие по соседству, признаны международными стандартами прав человека: Всеобщей декларации прав человека, Международным пактом по экономическим, культурным и социальным правам, Европейской социальной хартией, Декларацией о правах умственно отсталых лиц [3; с. 158].

Юнеско выступает за поддержку равенства возможностей для детей с ограниченными возможностями здоровья и видит инклюзивное образование как позитивный шаг навстречу разнообразию и уникальности детей, предлагает рассматривать различия детей не как проблему, а как возможности развития процесса обучения, обеспечивающего доступность образования для любых групп детей.

В 2001 году в Дакаре 100 стран мира приняли масштабную программу «Образование для всех». В 2006 году Россия объявила об участии в этой программе. Одна из целей программы «Образование для всех» состоит в том, чтобы к 2015 году каждый ребенок получил начальное образование [4; с. 4-5].

Начиная с 90-х годов, в России формируется новая образовательная система для детей с ограниченными возможностями здоровья. Новая политика в образовании нашла свое отражение в нормативных документах как государственного масштаба, так и регионального. Тем не менее, в настоящее время по мнению Российского общественного совета развития образования Россия, как цивилизованная страна, трагически отстает в реализации конституционного права на образование и социальную интеграцию детей с ограниченными возможностями здоровья [5; с. 4-5].

Главная цель инклюзивного образования состоит в том, чтобы обеспечить всем детям возможность принимать активное участие в общественной жизни вне зависимости от нарушений их здоровья или развития. Школа обязана научиться удовлетворять индивидуальные запросы таких детей, а не исключать их из общего образовательного процесса.

В 2012 году был проведен анализ опыта работы общеобразовательной школы № 51 города Тулы. С 1998 года в МОУСОШ № 51 открыты и успешно функционируют классы охраны зрения и классы компенсирующего обучения. На протяжении 14 лет МОУСОШ № 51 принимает в общую массу обучающихся детей с различными нарушениями: органов зрения, детей с эмоционально-волевыми нарушениями, задержкой психического развития, с множественными нарушениями. В условиях малой наполняемости классов, щадящего режима обучения, особенностей учебного плана школы,

предметной и воспитательной индивидуализации процессов обучения и воспитания, включение детей с ограниченными возможностями здоровья в общую массу школы дало положительные результаты. В школе изменился психологический микроклимат, между учащимися возник стиль общения «мы равны». Школьное пространство стало единым для всех. Даже для слепых детей, ранее обучение которых осуществлялось строго по индивидуальным программам на дому. Сегодня слабовидящие и слепые дети, дети с другими типами нарушений, на равных, с основной массой обучающихся, участвуют в традиционных праздниках и мероприятиях, живут школьной жизнью.

Детям с любыми типами нарушений для их успешного включения в общую массу школы важны условия внутри нее. Малая наполняемость - один из важных факторов успешности инклюзивного обучения. Ребенку с ограниченными возможностями здоровья проще адаптировать себя и реализовывать свою личность среди класс-группы в 12-15 человек, а если одноклассников 30- это некоторая проблема в общении.

При формировании инклюзивного образования в учреждении необходимо обеспечить:

- коррекционно - развивающую среду (через работу психолога, дефектолога или службу сопровождения);
- дополнительные занятия по предметам.

Развитие инклюзивного подхода в современном образовании сталкивается не только с трудностями организации так называемой безбарьерной среды, но прежде всего с проблемами социального свойства. Они включают в себя распространенные стереотипы и предрассудки, неготовность или отказ учителей принять принципы инклюзивного образования, а также недостаток систематических, комплексных психолого-педагогических знаний и технологий, специальных мониторинговых исследований, непосредственно касающихся опыта отечественного инклюзивного образования.

Российский опыт инклюзивной практики связан с длительным этапом экспериментального и проектного режима работы образовательных учреждений, адаптации образовательных условий под индивидуальные потребности детей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому остро встает вопрос качества самого процесса включения, профессиональной оценки его эффективности относительно различных категорий детей [6; с. 87-90].

Для эффективного управления процессом внедрения и развития инклюзивной практики необходимо понимать и объективно оценивать складывающиеся в ней проблемы и тенденции [7; с. 101].

Таким образом, анализ современных исследований, а также собственный опыт работы позволяют утверждать, что необходимо изучение успешного опыта практической реализации инклюзивного подхода и подробное описание процессов и механизмов его запуска и сопровождения.

Литература

1. Алехина С. В., Зарецкий В. К. Инклюзивный подход в образовании в контексте проектной инициативы «Наша новая школа» // Психолого-педагогическое обеспечение национальной образовательной инициативы «Наша новая школа». (Москва 14-16 ноября 2010 года): Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. М.: МГППУ, - 2010.- 266 с.
2. Зарубина А. В., Инденбаум Е. Л. Проблемы образования детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях общеобразовательной школы // Психология развития и образования: теория и практика / Сб. науч. тр. по итогам Всерос. конф. – Иркутск,-2009. – 304 с.
3. Инклюзивное образование в Европе и России: опыт, проблемы и перспективы: материалы и доклады конференции. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, - 2010. - 224 с.
4. Левитская А. А. Состояние и перспективы инклюзивного образования в России // Социальная педагогика.- 2009.- № 1.- С. 4-7
5. Малофеев Н. Н. Особый ребенок — обычное детство // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития.- 2011.- № 1. - С. 3-7
6. Малофеев Н. Н., Шматко Н. Д. Интеграция и специальные образовательные учреждения: необходимость перемен // Дефектология.- 2008.- № 2. - С. 86-94
7. Ярская- Смирнова Е. Р., Лошакова И. И. Инклюзивное образование детей-инвалидов // Социологические исследования.- 2003.- № 5.- С. 100-106

Хандогина О.В.

*школьный психолог МБОУ «Лицей №136»
г. Новосибирск, Россия*

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА КАК ОПОСРЕДОВАННАЯ ФОРМА ОБЩЕНИЯ

Традиционно общение понимается как взаимодействие двух или более субъектов, реализуемое знаковыми средствами, имеющее эмоциональный и предметный аспекты. Средствами общения являются различные знаковые системы: речь, оптико-кинетическая система знаков, паралингвистическая и экстралингвистическая, система организации пространства и времени коммуникации и прочая. Упомянутые системы действуют в полном объеме, когда субъекты взаимодействия находятся достаточно близко друг у другу или хотя бы воспринимают коммуникацию при помощи органов чувств, это непосредственное общение. Однако бывает и опосредованное, когда информация доносится не субъектом, а какими-либо средствами: словами писем, изображением картин, звуками музыки. В этом случае знаковые системы действуют не все или не в полном объеме, однако коммуникация все же происходит и субъекты понимают друг друга. С развитием технологий общение все более и более опосредуется. С появлением интернета и развитием сотовой связи письменное общение претерпело большие изменения – тексты теперь предельно сжаты и метафоричны. Но еще большую специфику, новую степень опосредования общения между людьми придают компьютерные игры.

Что, собственно, такое компьютерная игра? Это программа, записанная группой людей на определенном языке, причем на языке, который понятен и компьютеру, и человеку. У этого языка есть две системы коммуникации, двоичная для компьютера и образная для пользователя, это и обеспечивает удивительный эффект. Однако и сама компьютерная игра не так проста, как может показаться, она – коллективное творчество, закодированное послание, продукт деятельности нескольких людей. Людей, которые в процессе ее создания, несомненно, общались, причем общались непосредственно. У этого общения есть результат, который необходимо донести до другого без потери смысла и вне зависимости от времени производства игры. Непосредственно это сделать невозможно. Компьютерная игра имеет сюжет или хотя бы цель, она аффективно насыщена и богата информационно, в ней четкий баланс необычного и повседневного, иными словами, в ней есть пространство для психической деятельности субъекта, причем как создателя, так и пользователя. Однако средство общения, знаковая система для взаимодействия субъектов только одна. По сути, компьютерная игра – просто символы, расставленные в правильном порядке.

Собственно, в этом-то ключ к пониманию и состоит. Компьютерная игра – это не только опосредованное, но и отложенное, законсервированное общение. В отличие от послания (письма или художественного фильма), компьютерная игра интерактивна, что создает иллюзию непосредственного общения – пользователь как будто взаимодействует с разработчиками. Это становится возможным только потому, что в основе компьютерной игры лежит язык, что все, что в ней есть, закодировано и означено, превращено в символы, а затем, в процессе взаимодействия игры и пользователя, символы вновь преобразуются в зрительные и звуковые образы, причем без участия самого пользователя, что сводит искажения к нулю. Таким образом, посредством компьютерной игры послание доходит до субъекта без искажений, именно так, как задумывали авторы послания.

Литература

1. Козлов В.В. Психология творчества. М., 2009.
2. Лакан Ж. "Я" в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинар. Книга 2. М., 2008.
3. Средства массовой коммуникации в эпоху глобализации. М., 2008.

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО КАК СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РЕСУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современных условиях, концепция воспроизводства конкурентоспособных человеческих ресурсов для России находится под угрозой, так как разрушается социальный капитал – созданный поколениями в рамках традиции образования, науки, культуры. Общество не осознает того, что уже следующее поколение малочисленно и по своим качествам неконкурентоспособно. Уровень физического, психического и социального здоровья россиян за последнее десятилетие значительно снизился, равно как уровень интеллектуальной активности и общий уровень образования.

В современном российском обществе отмечено нарастающее неблагополучие, которое ведет к разнообразным проявлениям аномии – социальному недугу общества и его социальной структуры. Аномия заявляет о себе присутствием, прежде всего разнообразного и постоянно расширяющегося спектра социальных девиаций. К числу легко наблюдаемых и определяемых социальных «индикаторов» аномии можно отнести:

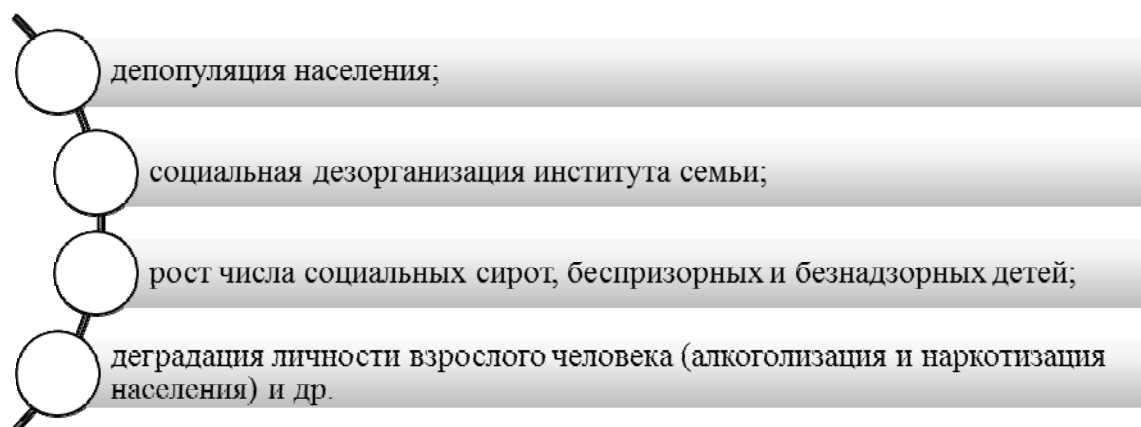

Рис. 1.1 Социальные «индикаторы» аномии

Причинами сложившейся ситуации является ряд факторов, которые получили широкое распространение в современной России.

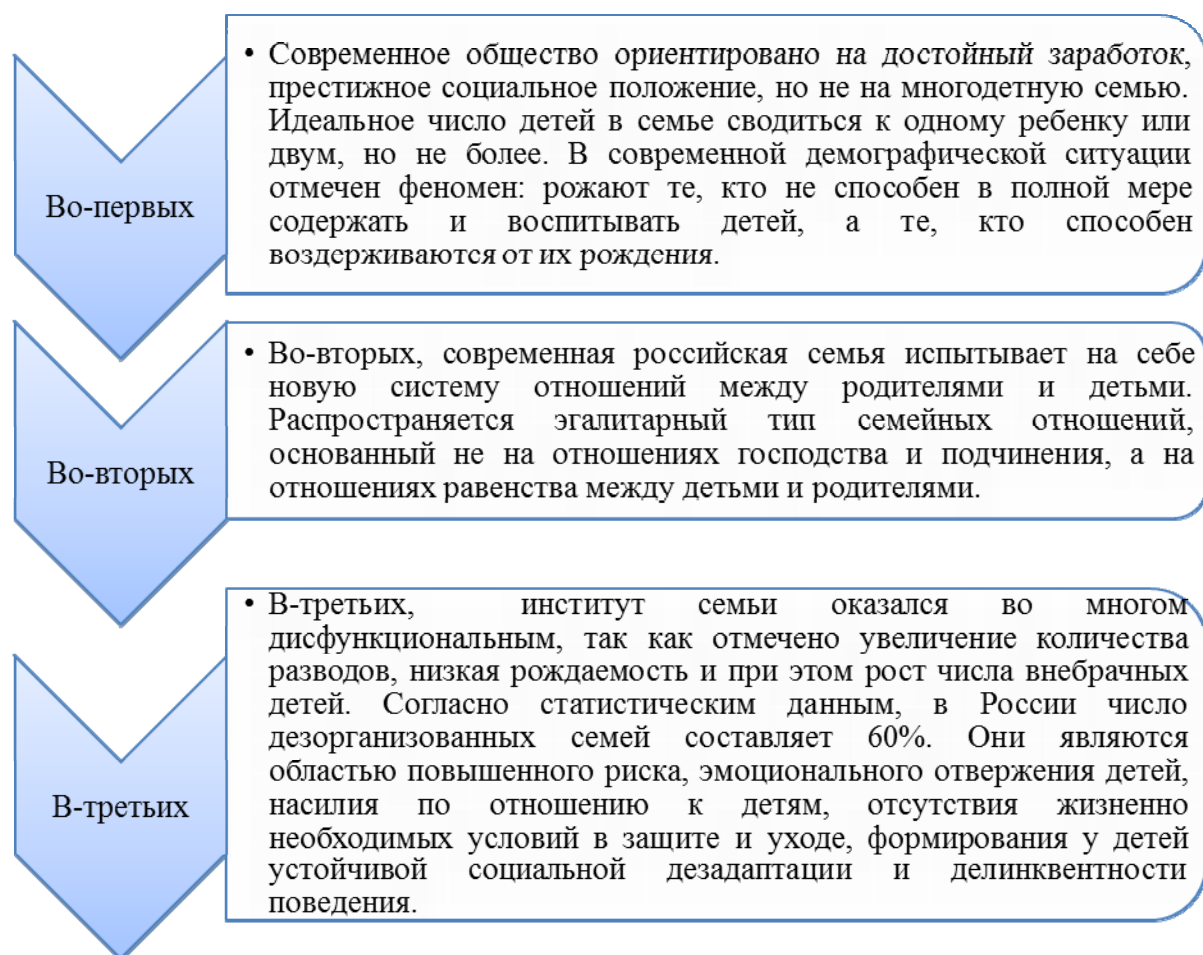

Рис. 1.2. Наиболее распространённые факторы неблагополучия детства

Растущая социальная поляризация населения, значительные масштабы бедности и безработицы, низкая динамика становления среднего класса влечет за собой дезинтеграцию общества, вызывает агрессию со стороны определенных групп населения, особенно молодежи, приводит к нестабильности и массовому девиантному поведению. Это главный фактор криминализации общества, роста потребления наркотиков и алкоголя [8, с.209-218]. При переписи населения в 2010 году 6,3 млн. человек указали, что имеют статус безработного, из них 2,8 млн. человек, или 44%, - это молодежь в возрасте от 15 до 29 лет [7]. В росте социальной поляризации ученые видят признаки социальной, а затем и физиологической деградации основной массы населения.

Сокращение численности населения страны, низкая продолжительность жизни и высокая смертность приводит к катастрофическому снижению качества человеческих ресурсов в России. Естественная убыль населения в России началась с 1992 года, когда число родившихся равнялось числу умерших, так называемый «русский крест». Естественная убыль между двумя переписями (1989 г. и 2002 г.) составила 7.4 млн., из которых 5.6 млн. было компенсировано благодаря притоку мигрантов, поэтому реальное снижение численности составило всего 1.8 млн. человек. В свою очередь, по сравнению с переписью населения 2002 г. численность населения к 2010 году

уменьшилась на 2,3 млн. человек, в том числе в городских населенных пунктах – на 1,1 млн. человек, в сельской местности – на 1,2 млн. человек [7].

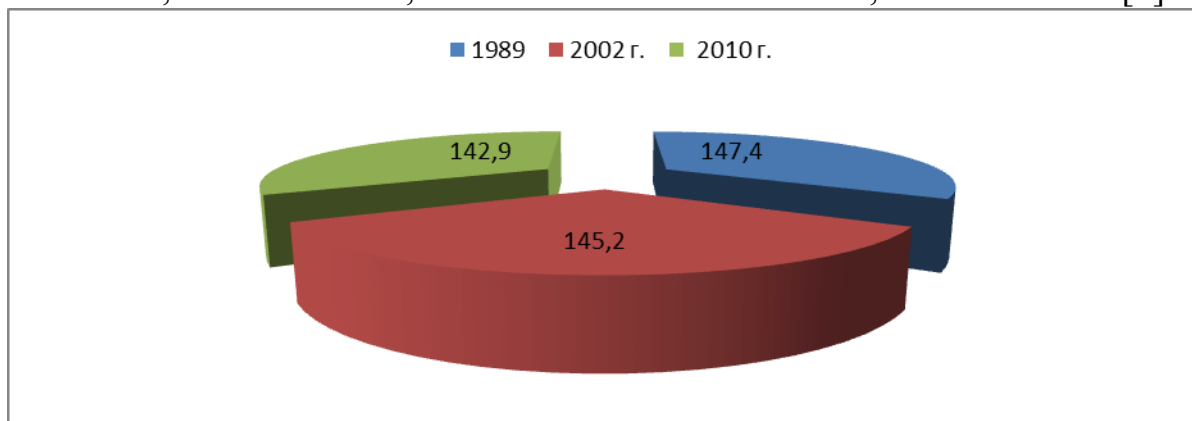

Рис. 1.3. Численность населения при переписях 1989, 2002, 2010 годах (млн. человек)[7]

Современная демографическая ситуация в России не обеспечивает воспроизводство человеческих ресурсов в достаточной мере в большинстве регионов страны, хотя стоит отметить естественная убыль населения уменьшилась в 1,9 раза с 248,8 тыс. человек в 2009 году до 129,1 тыс. человек в 2011 году [1, с.5].

Анализ ситуации детства показывает, что положение детей в последнее десять-пятнадцать лет, их социальная, правовая защищенность продолжает ухудшаться. Статистические данные свидетельствуют, что численность детского населения ежегодно сокращается. Число детей в возрасте от 0 до 17 лет включительно уменьшилось с 34 млн. человек на начало 2000 год до 26 млн. человек на начало 2010 года. Доля детей в структуре населения России на конец 2009 года составляет 18,3% [3, с.15]. Число детей в возрасте 0-17 лет включительно на начало 2012 года составило 26,5 млн. человек [1, с. 6]

Кризисные процессы в институте современной российской семьи проявляются во всех областях жизнедеятельности общества. Долгое время отмечался низкий уровень устойчивости браков, в свою очередь росло количество разводов и число незарегистрированных браков. Согласно данным переписи населения в 2010 году число супружеских пар составило 33 миллиона (в 2002 г. – 34 млн.). Из общего числа супружеских пар 4,4 млн. (13%) состояли в незарегистрированном браке (в 2002 г. – 3,3 миллиона, или 9,7%). В межпереписной период в Российской Федерации выросла доля разведенных (разошедшихся) и вдовых, соответственно, с 3,6% и 7,6% в 2002 г. до 3,85 и 7,7% в 2010 году[7]. Уже в 2011 году увеличилось до 1316,0 тыс. число зарегистрированных браков (в 2010 году – 1215,1 тыс., в 2009 году – 1199,4 тыс.). Коэффициент брачности в 2011 году вырос на 8,2% и составил 9,2 на 1000 населения (в 2010 году – 8,5 на 1000 населения, в 2009 году – 8,4 на 1000 населения). Вместе с тем соотношение браков и разводов улучшается. На 1000 браков в 2011 году приходилось 509 разводов (в 2010 году – 526 разводов, в 2009 году – 583 развода) [1, с. 6].

Рост семейного неблагополучия обостряет проблему социального сиротства и беспризорности детей. Ежегодно растет число родителей,

уклоняющихся от своих обязанностей, злоупотребляющих алкогольными и наркотическими средствами, ведущих аморальный образ жизни, проявляющих по отношению к детям жестокость и насилие. Статистические данные свидетельствуют, что число выявленных и учтенных детей, оставшихся без попечения родителей, а также беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних имеет тенденцию к сокращению, но остается угрожающим (см. рисунок 1.2.).

Рис. 1.4. Число выявленных и учтенных детей, оставшихся без попечения родителей

Согласно статистическим данным за 2011 год, в Российской Федерации учтено свыше 82 тысяч детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Общая численность детей, оставшихся без попечения родителей, учтенных на конец 2011 года составила 654355 детей.

Отметим, за последние пять лет в России наметился ряд позитивных тенденций в этой сфере. В частности:

- на 0,13% уменьшилось число детей-сирот, выявляемых в течение года (2006 г. – 127 тыс. детей, что составляет 0,45 % от общего количества детского населения страны, 2011 г. – 82,2 тыс. детей, что составляет 0,32 % от общего количества детского населения страны);
- более чем на 24% уменьшилось количество государственных и муниципальных образовательных учреждений для детей-сирот (2006 г. – 1 770 учреждений, 2011 г. – 1 344), и более чем на 35% – численность детей, находящихся в этих учреждениях (2006 г. – 123 тыс. детей, 2011 г. – 79,9 тыс.);
- на 0,1 % уменьшилось число детей, нуждающихся в устройстве на воспитание в семьи, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей (2006 г. – 177 тыс. детей, что составило 0,63% от общего количества детского населения страны, 2011 г. – 132,8 тыс. детей, что составило 0,53% от общего количества детского населения страны) [7].

Рис. 1.5. Число устроенных детей, оставшихся без попечения родителей

В 2011 году в семьи российских граждан было передано 67,5 тыс. детей, из них 10,8 тыс. – на усыновление, 56,7 тыс. – под опеку (попечительство), в том числе 13,7 тыс. – в приемные семьи.

Вместе с тем в настоящее время сохраняется ряд проблем, не позволяющих обеспечить в полном объеме реализацию права детей на воспитание в семье.

Большинство (80%) выявляемых детей, оставшихся без попечения родителей, составляют дети, лишившиеся родительского попечения по «социальным» причинам. Из-за пьянства, наркомании, аморального образа жизни, отказа от содержания детей государство вынуждено лишать родителей их родительских прав и передавать детей в опеку и приемные семьи, в государственные интернатные учреждения. Согласно статистическим данным отмечено снижение численности детей, родители которых лишены родительских прав, в 2011 году их число составило 58791 человек (в 2009 году – 72012 человек, в 2010 – 64584 человек). В свою очередь численность детей, родители которых ограничены в родительских правах увеличивается в 2011 году их число составило 8451 человек (в 2009 году – 7645 человек, в 2010 – 7857 человек)[7].

За 2011 год в отношении детей совершено около 90 тыс. преступлений, что на 7,5 % меньше, чем в 2010 году. Нередко дети становятся жертвами проживающих с ними лиц. За последние 5 лет на четверть возросло число несовершеннолетних, ставших жертвами собственных родителей. Более чем на 30% увеличилось число убийств матерями новорожденных детей [5].

Неблагоприятным последствием негативных процессов происходящих в российской семье является рост детской безнадзорности и беспризорности при живых родителях, а также рост преступности несовершеннолетних.

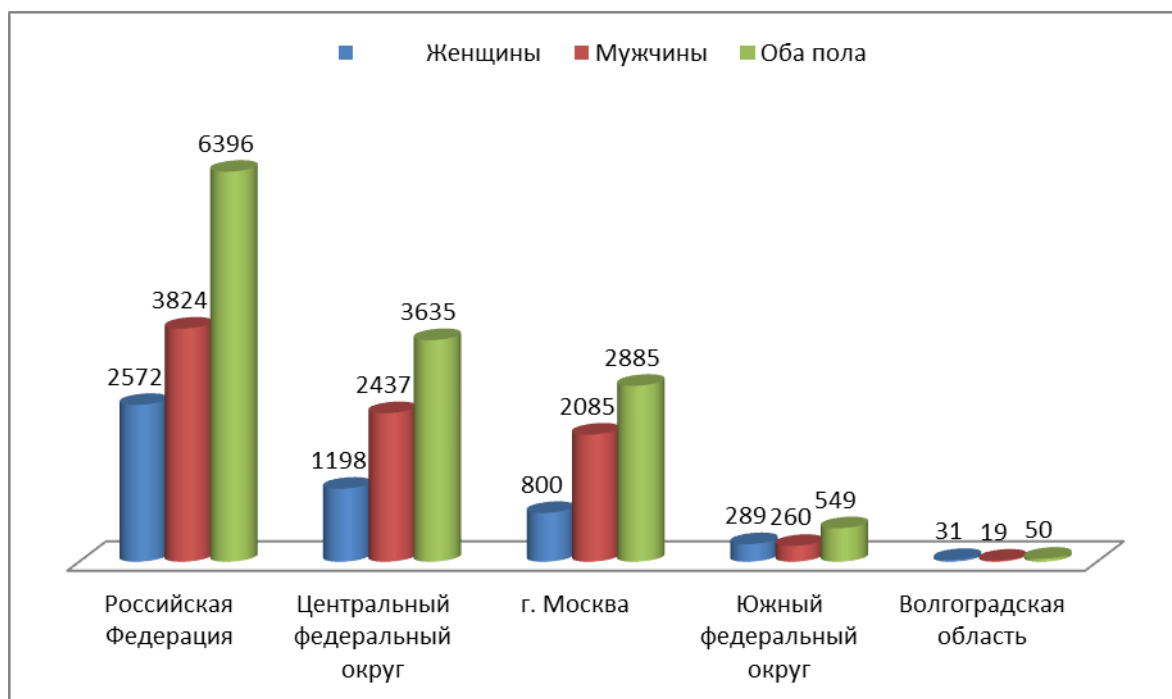

Рис.1.6. Беспризорные и безнадзорные подростки, находившиеся в лечебно-профилактических учреждениях по субъектам Российской Федерации (на 1 января 2009 года [6, с.54])

Отметим, рост числа беспризорных и безнадзорных детей происходит в крупных мегаполисах, таких как Москва и Санкт – Петербург, в таких регионах как Чеченская республика или Ингушетия данное явление отсутствует из-за твердых религиозных и семейных традиций.

Оценивая здоровье населения через характеристики нездоровья, приходится отмечать рост заболеваемости, особенно по болезням социальной этиологии (туберкулез, сифилис, СПИД/ВИЧ, инфекционный гепатит). По оценкам международных экспертов, Россия находится на стадии концентрированной эпидемии ВИЧ-инфекции. растет наркомания, особенно среди детей в возрасте от 11 до 17 лет. По оценкам, численность больных наркоманией достигает 4 млн. человек; ежегодно вследствие употребления наркотиков умирает 70 тыс. человек. Особенно опасным является снижение репродуктивного здоровья. Доля беременных женщин, страдающих анемией, за десятилетие выросла в 3.6 раза. В результате в 2.6 раза увеличилось число детей, больных уже при рождении. По состоянию на 1 января 2012 года в Российской Федерации, по данным Пенсионного фонда Российской Федерации, насчитывается 568,0 тыс. детей-инвалидов, что в динамике характеризует увеличение числа инвалидов за 3-х летний период (в 2009 году – 518,9 тыс., в 2010 году – 540,6 тыс.) [1, с.61].

Не менее остро стоит проблема кризиса социальных ценностей и ориентаций, падения нравов и моральных принципов на фоне отсутствия должного правопорядка и повсеместного нарушения законности. В массовом сознании идет процесс размывания нравственных норм, характерных для русской культуры. Все более распространяются прагматизм, ориентация на

личную выгоду, типичные для американской модели межличностных отношений и жизненных ориентаций.

Итак, падение качественных характеристик населения по основным группам индикаторов: здоровье (физическое, психическое, социальное), интеллектуальный потенциал и профессиональная подготовленность, духовно-нравственные ценности и ориентации приводит к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей не только количественно, но и качественно; снижается численность населения, разрушается человеческий капитал, а это угроза национальной безопасности.

В тоже время сегодня имеются определенные предпосылки для успешного преодоления большинства накопившихся социальных угроз и рисков при формировании и управлении человеческими ресурсами. Данная тенденция отмечена в результате того, что на современном этапе государственные учреждения принимают профилактические меры организационного и практического характера, направленные на предупреждение и пресечение детского неблагополучия в российских семьях.

Перечисленные социальные факторы свидетельствуют, что человеческие ресурсы в современной России являются малочисленными и неконкурентоспособными на фоне мирового сообщества. Понимание того, что качественные человеческие ресурсы – основа будущего развития страны, необходимо, в рамках социальной политики, направить усилия на решение социальных проблем различных слоев населения. Только в этом случае возможно укрепление института семьи, снижение демографической напряженности, успешное вхождение в самостоятельную жизнь нового поколения.

Литература

1. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2011 год.- 2012.- 273с.
2. Данные федерального статистического наблюдения (РИК - 103) за 2011 год
3. Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 121 с.
4. Доклад директора департамента воспитания, дополнительного образования и социальной детей Минобрнауки РФ А.А. Левитской на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25.04.2012/ Информационный проект Национального фонда защиты детей от жестокого обращения.
5. Доклад заместителя начальника Главного Управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти РФ МВД России В.А. Ким на Всероссийском совещании «Государственная политика в сфере защиты детства: законодательство, стандартизация, практика» 25.04.2012/ Информационный проект Национального фонда защиты детей от жестокого обращения.
6. Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 166 с.
7. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru>

8. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Римашевская Н.М.// Вестник российской академии наук.- 2004.- Том 74.- №3.- С. 209-218

Бесулин А.М.

*Студент 4 курса специальности «Организация и технология защиты информации»
Поволжского государственного университета сервиса
г. Тольятти, Россия*

АНАЛИЗ ТЕОРИИ СЦЕНАРИЕВ ЭРИКА БЕРНА

В середине 60-х годов 20 века Эриком Берном и его коллегами была разработана и представлена теория сценария жизни. Берн утверждал, что смог осуществить адаптацию психоанализа с целью его более глубокого и эффективного использования, перевести изощренную психоаналитическую терминологию на доступный житейский язык.

В одной из своих работ «Принципы группового лечения» Берном было дано определение сценария жизни как «бессознательного жизненного плана». Берн неоднократно возвращался к данной теме. Позднее, в книге «Что вы делаете после того, как говорите: «Здравствуйте»?» он дал более полное определение, согласно которому план жизни составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается ходом событий и достигает пика при выборе пути» [1, с. 15].

В транзакционном анализе, равно как и во многих других направлениях в психологии высказывается мысль о том, что детские впечатления оказывают сильное влияние на паттерны поведения взрослых людей. Идея о том, что ребенок составляет определенный план своей жизни, а не просто формирует основные взгляды на жизнь является отличительной особенностью сценарного анализа в транзакционном анализе. Следуя данной теории, этот план жизни составляется в форме драмы, имеющей четко обозначенное начало, середину и конец.

Наряду с этим, имеется еще одна отличительная черта теории сценария, которая заключается в том, что план жизни «достигает кульминации в избранной альтернативе». При написании ребенком драмы своей жизни финальная сцена является неотъемлемой частью его сценария. При этом, другие составные части сценария, начиная с первой сцены, служат лишь для того, чтобы привести сценарий к этой заключительной сцене [5, с. 32].

«Расплата за сценарий», так в теории сценария называется заключительная сцена. Человек, при проигрывании собственного сценария, бессознательно избирает поведение, которое приблизит его к расплате за сценарий.

Исходя из сказанного выше, человек предстает перед нами безвинной жертвой обстоятельств. Однако, не стоит воспринимать это буквально. Берн трактует сценарий, как «план жизни, составленный в детстве». Он совершенно определенно утверждает то, что ребенок сам принимает решение

о своем плане жизни, выборе сценария. Это означает, что даже тогда, когда разные дети воспитываются в одних и тех же условиях, они могут составить совершенно различные планы своей жизни. Существует множество примеров тому. Данную мысль Берн иллюстрирует интересным примером. Двоим братьям мать сказала: «Вы оба попадете в психушку!» Впоследствии один из братьев стал хроническим больным в психиатрической лечебнице, а другой – психиатром [3, с. 36-38].

Следует обратить внимание на то, что в теории сценарного анализа термин «решение» используется в значении, отличном от того, которое обычно приводится в словаре. Ребенок, в отличие от взрослых, принимает решения о своем сценарии без тщательного обдумывания. В основе самых ранних решений лежат чувства ребенка, которые принимаются им до того, как он начинает говорить. На выбор решений также влияют различные способы тестирования реальности, которые используют взрослые люди.

Не смотря на то, что родители не могут заставить ребенка принять какие-либо решения, их влияние велико. Ребенок формирует свои представления о себе, других людях и жизни через послания, которые родители передают ему с первых дней его жизни. При этом послания могут быть как вербальными, так и невербальными. Они образуют основное содержание, в соответствии с которым ребенок и принимает главные решения в своем сценарии.

Сны и фантазии во взрослой жизни позволяют человеку ближе всего подойти к воспоминаниям о раннем детстве. Человек не осознает решения, которое принял в раннем детстве до тех пор, пока не расшифрован его сценарий, даже если он проживает его в своем поведении.

В своих трудах Берн говорил о том, что сценарий «оправдывается ходом событий». При этом, ему следовало бы заключить слово «оправдывается» в кавычки. Иными словами, люди часто интерпретируют реальность в соответствии с собственной компетенцией. Это происходит потому, что в эго-состоянии Ребенка любая угроза сценарному представлению о мире воспринимается как препятствие в удовлетворении потребностей и даже как угроза самому существованию.

Возникает вопрос о том, зачем же принимаются далеко идущие детские решения, имеющие серьезные последствия. Какова цель возникновения сценариев? Ответ, согласно теории Берна, кроется в двух важнейших особенностях формирования сценария. Один из которых говорит о том, что сценарные решения представляют собой наилучшую стратегию ребенка с целью выживания в мире, который часто кажется ему враждебным и даже угрожающим его жизни. Согласно другому сценарные решения принимаются в соответствии с эмоциями ребенка и его способом тестирования реальности [4,].

Маленький ребенок физически очень уязвим. Мир для него представлен множеством опасностей и страхов: угрозы жизни, потери родителей и их любви, что равносильно смерти. Огромное влияние родителей на жизнь

ребенка делает их в его глазах всемогущими. И это могущество напрямую связано с жизнью или смертью, а позднее с возможностью удовлетворять или не удовлетворять свои потребности.

Принятие сценарных решений зависит от мышления и эмоций ребенка. За редким исключением, свои ранние решения ребенок принимает с учетом интенсивности чувств, что, зачастую, приводит к их экстремальности. По логике ребенка необходимо идти от частного к общему. Например, мать ребенка редко реагирует на его требования. Возможно, она иногда и приходит к нему, когда тот плачет, однако, в других случаях игнорирует его. При этом ребенок не просто делает вывод о том, что «матери доверять нельзя». Вместо этого он может решить, что «людям нельзя доверять» или, возможно, «женщинам нельзя доверять». Вместе с тем, маленькие дети не делают различия между потребностями и делами. Ребенок может чувствовать: «я хочу убить этого нового ребенка, который получает всё внимание!». Для него это равнозначно фразе: «я убил этого нового ребенка». Затем он может заключить: «так, как я убийца, я плохой и ужасный». Во взрослой жизни такой человек может иметь смутное чувство вины за «преступление», которое он никогда не совершал.

Стратегии, которые люди вырабатывают, будучи детьми, являлись наилучшим способом для выживания и достижения того, чего они хотят от мира, который мог оказаться для них враждебным. Но, будучи взрослыми люди, продолжают следовать этим паттернам, иногда даже в случаях их неэффективности и даже причинения боли. Необходимо понимать, что именно сам человек несет ответственность за принятое им когда-то решение и это понимание дает ему возможность его впоследствии изменить. Иначе говоря, люди могут изменяться сами и изменять свои паттерны поведения на более адекватные, что означает выход из сценария.

На основе проведенного анализа выше перечисленных положений сценарного анализа в транзакционном анализе, можно сделать следующие выводы:

1. Жизнями людей обычно управляет сценарий.
2. Сценарий – это план жизни.
3. Сценарий всегда ведет к расплате.
4. Человек сам принимает решение о сценарии.
5. Сценарий подкрепляется родителями.
6. Сценарий лежит вне пределов осознания.
7. Человек искажает реальность с целью «оправдания» реальности.
8. Сценарий обязан своим появлением детскому ощущению беспомощности и угрожающей опасности.
9. Взрослея, человек способен сознательно изменить способ реагирования и выйти из сценария.

Далее рассмотрим пример сценария и транзакционного анализа: «Магда была преданной женой и матерью, но когда ее младший сын тяжело заболел, она с ужасом поняла, что в глубине души она думает, представляет или даже

хочет, чтобы ее любимый мальчик умер. Она вспомнила, что когда муж ее служил в армии за морями и океанами, происходило то же самое. Ей до жути хотелось, чтобы его убили. В обоих случаях она рисовала себе картины собственного горя и страданий. Таков будет крест ее, и все окружающие будут восхищаться тем, как она его несет.

Вопрос: "А что будет после этого?"

Ответ: "Так далеко я никогда не заходила. Я буду свободна и смогу делать, что хочу. Начну сначала".

В школе у Магды было много сексуальных приключений с одноклассниками, и с тех пор чувство вины не оставляло ее. Смерть мужа или сына станет наказанием и искуплением за эту вину и освободит ее от материнского проклятия. Она больше не будет чувствовать себя парией. Окружающие воскликнут: "Какая она мужественная!" и сочтут ее достойным представителем человечества.

Всю жизнь она прокручивала в голове этот трагический фильм. Это третий акт ее жизненной драмы, или сценария, написанного в детстве. Акт I: сексуальная вина и смущение; акт II: материнское проклятие; акт III: искупление; акт IV: освобождение и новая жизнь. В действительности же Магда вела обычную жизнь в соответствии с наказами родителей и делала все, чтобы члены ее семьи были здоровы и счастливы. Это противоположный сценарию сюжет, или контрсценарий, и он совсем не драматичный и не возбуждающий» [2, с. 143-146].

Таким образом, сценарий – это постоянно действующий жизненный план, созданный в детстве под воздействием родителей. Это психологическая сила, подталкивающая человека к его судьбе, независимо от того, сопротивляется ли он или подчиняется добровольно.

Литература

1. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных / Пер. с англ. А. И. Федорова; терминологическая правка В. Данченка. – К.: PSYLIB, 2004.
2. Трансакционный анализ в психотерапии / Пер. с англ. А. А. Грузберга. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
3. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Пер. с англ. А. А. Грузберга; терминологическая правка В. Данченка. – К.: PSYLIB, 2004.
4. Секс в человеческой любви / Пер. с англ. М. П. Папуша. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 384 с.
5. За пределами игр и сценариев / Сост. Клод М. Штайнер и Кармен Керр; пер. с англ. Ю. И. Герасимчик. – 2-е изд. – Минск: Попурри, 2008. – 464 с.

Логунова В.В.
к.псих.н., доцент кафедры психологии
Армавирской государственной
педагогической академии
Вартанян М.С.
студентка I курса
Армавирской государственной
педагогической академии
г. Армавир, Россия

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Подростковый возраст – самый сложный из всех детских возрастов, это переходный период, во время которого у взрослеющего человека формируются собственные идеалы и ценности. Естественно, они влияют на его самооценку и психологическое здоровье. Все это происходит, так сказать, под влиянием малых групп, в которые включен подросток. К ним относятся и семья, и школа, и группы сверстников, а также само общество с его традициями и системой воспитания.

Подросток в наши дни растет и формируется не только под влиянием родителей, но и самого общества. Нередко интернет, телевидение заменяют подросткам общение с родителями, а это может привести к таким последствиям, которые не всегда удастся предусмотреть или исправить.

Говоря о проблеме формирования личности подростка и влияния на нее СМИ, необходимо найти и пути их решения. Одной из главных задач современного общества является воспитание растущего человека. Что же мы понимаем под воспитанием? Воспитание- это целенаправленное развитие человека как некой индивидуальности, совершенствование его творческих и нравственных сил. Как показали социологические исследования, на воспитание ребенка влияют: семья-50%, СМИ-30%, школа-10%, улица-10%.

Из этого видно, что СМИ оказывают большое влияние на подрастающее поколение, изменяя его сознания, потребности, интересы, морали и нравы. Согласно российским источникам, средства массовой информации имеют следующие признаки:

- Массовость
- Периодичность
- Печать
- Принудительность
- Телерадиовещание и др.

Рассмотрим некоторую характеристику СМИ:

Телевидение, по данным социологических исследований, занимает одно из ведущих мест по воздействию на подростка, так как современная молодежь большую часть своего свободного времени проводит за телевизором.

В настоящее время наблюдается снижение художественного и интеллектуального уровня ряда передач для подростков, а также вытеснение «взрослой» субкультурой детской, что приводит к снижению количества и качества передач для подростков.

В современном обществе остро поднимается проблема телевизионного насилия. Просмотры передач, содержащие сцены насилия, приводят к проявлению жестокости у людей любого возраста. Сейчас мы можем наблюдать сцены насилия не только в современных сериалах и фильмах, но даже в мультфильмах. Все это приводит к негативным последствиям в развитии и воспитании подростка. Многочисленные исследования показали, что после просмотра фильмов, главные герои которых выступают с позиции силы, у подростков отмечается учащение случаев агрессии, в то время как после просмотра фильмов, не содержащих таких сцен, подобного явления не наблюдалось.

Уже с подросткового возраста у человека появляется интерес к журналам и газетам, тематика которых не отличается научной познавательностью и разнообразием. А это в свою очередь приводит к тому, что в последние годы чтение в жизни подростков понизилось, не только количественно, но и качественно. Это большая социальная потеря.

За последние несколько лет произошли резкие сокращения тиражей периодических изданий, тем самым пресса находится в неблагоприятном по сравнению со всеми другими СМИ состоянии. И это связано с тем, что молодое поколение ищет все новые и новые возможности получения информации, например, через посещение сайтов Интернет. Отсюда, на мой взгляд, вытекает самая главная проблема развития подростка, да и вообще человека в целом.

Т.о. СМИ оказывают огромное влияние на развитие личности подростка. На сегодняшний день можно смело, без сомнения, говорить о глобальности данной проблемы, которая охватила каждый уголок земли. Молодое поколение перестало читать, намеренно игнорирует и устраняется от основных политических событий, не играет большой роли в политической сфере и возможно, что все это только начало. Мы не можем предугадать, что будет дальше, поэтому следует продолжать и расширять исследования в данной области.

Литература

1. Чистяков Анатолий Васильевич. Социализация личности в обществе Интернет-коммуникаций : социокультурный анализ : диссертация ... доктора социологических наук : 22.00.06 / Рост. гос. пед. ун-т.- Ростов-на-Дону, 2006.- 278 с.: ил. РГБ ОД, 71 07-22/69
2. Аверин В.А. Психология детей и подростков СПб.1998
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.1968
4. Вульф В.З. Интересы и потребности современных детей и подростков. СПб., 2007.
5. Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребенка. Психология личности: Тексты / Под редакцией Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М.,1982.

Логунова В.В.,
к. псих.н., доцент кафедры психологии
Армавирской государственной педагогической академии
г. Армавир, Россия
Вартанян Х. С.
Студентка 4 курса
Армавирской государственной педагогической академии
г. Армавир, Россия

ДИДАКТИЧЕСКАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Дидактическая игра является игровой формой обучения, в которой одновременно действуют два начала: учебное, познавательное и игровое, занимательное. Это обусловлено потребностью смягчения перехода от одной ведущей деятельности к другой, а также тем, что в процессе игры дети легче усваивают знания, получают представления об окружающей жизни. В отличие от учебных занятий, в дидактической игре учебные, познавательные задачи ставятся не прямо, когда педагог объясняет, учит, а косвенно — учащиеся овладевают знаниями, играя¹. Обучающая задача в таких играх как бы замаскирована на первом плане для играющего, мотивом ее выполнения становится естественное стремление ребенка играть, выполнять определенные игровые действия.

Дидактические игры весьма сложны для руководства. Чтобы дидактическая игра не превратилась в учебное занятие, в ней должны присутствовать такие структурные элементы как:

- обучающая задача,
- игровое действие или игровой элемент и правила игры,
- содержание игры и ее окончание (заключение).

Отбор познавательных задач для дидактических игр осуществляется в соответствии с разделами программы обучения и воспитания, с учетом возрастных особенностей детей.

Успех в решении дидактической задачи достигается путем использования разнообразных игровых действий и, как правило, одним из них является соревнование. Желание детей достигнуть игровой цели, выиграть заставляет лучше воспринимать окружающее, наблюдать, обследовать предметы, сравнивать их, подмечать незначительные различия в их признаках (цвет, форма, величина, материал), подбирать и группировать предметы по общим признакам, различать и воспроизводить музыкальные звуки по высоте, динамике.

Обязательное выполнение правил требует от детей совместных или последовательных действий, сосредоточенности, самостоятельности. В дидактической игре обучение тесно связано с задачами воспитания, когда совместно с усвоением знаний создаются условия для воспитания у ребят дружеских взаимоотношений, дисциплинированности, выдержки.

¹ Выготский Л.С. Педагогическая психология. — М., 1996 г.

Иногда название игры учащиеся узнают по костюмам тех персонажей, которые заходят в класс непосредственно перед началом игры. Очень важно создать в игре условия для умственной активности всех учеников. Например, в отдельных играх можно использовать мяч, который ведущий, стоящий в центре, посылает разным учащимся, стоящим по кругу, требуя ответа на поставленный вопрос. С этой же целью применяется палочка-выручалочка. Хорошо, если сочетается умственная активность с двигательной (можно предложить учащимся имитировать полет и бег птицы, выполнять определенное число прыжков, хлопков и др.).

Без заранее установленных правил игровое действие разворачивается стихийно и дидактические задачи могут остаться невыполненными. Поэтому правила игры задаются воспитателем до ее начала и носят обучающий и организующий характер. Вначале объясняется ученикам игровое задание, а потом способ его выполнения.

В новых дидактических играх роль ведущего выполняет педагог. По мере усвоения игр эта роль может поручаться хорошо подготовленным ребятам, а воспитатель незаметно выполняет контролирующую функцию. Чтобы дидактическая игра вошла в самостоятельный фонд игровой деятельности, учащийся должен овладеть умением объяснять игру. Как и в любой игре, дети договариваются, где и во что они будут играть, по своему усмотрению объединяются в группы, осуществляют нужные действия, вступая при этом в игровые и реальные отношения в соответствии с содержанием и правилами игры, а также с желаниями ее участников.

Заканчивая игру, воспитатель должен напоминать учащиеся название игры, отдельные игровые правила. При повторном проведении игры ребята усваивают полный порядок, игровые правила и способы действий. Как правило, чтобы повысить активность детей в игре и сохранить к ней продолжительный интерес, при ее повторности дидактические и игровые задачи усложняются. Для этого педагогом используется внесение нового игрового материала, введение дополнительных ролей, замена наглядного дидактического материала на словесный и т. д.

Руководя дидактической игрой, воспитатель должен помнить о добровольности участия в ней учащихся. В этом отношении игра открывает большие, по сравнению с учебной деятельностью, возможности для проявления инициативы, творческого поиска, возникновения со стороны учащихся вопросов, предложений по содержанию игры. Нельзя принуждать ребенка играть, можно только возбуждать у него желание играть, создавать соответствующий игровой настрой и поддерживать его по ходу игры².

Литература

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М., 1996.
2. Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 2003.
3. Миронова Р.М. Игра в развитии активности детей. Минск, 2002.

² Эльконин Д.Б. Психология игры. М., 2003.

РАЗДЕЛ VI. ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Смолина Л.И.

*Старший преподаватель кафедры иностранных языков
факультета международных отношений
Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
г. Астана, Казахстан*

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ И ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБЩЕНИЮ В ИГРОВЫХ СИТУАЦИЯХ

Одна из основных и наиболее трудных задач учебного процесса является обучение речи на иностранном языке. Продуктивные навыки владения речью (говорение, письмо) развиваются значительно медленнее, чем рецептивные (понимание на слух, чтение про себя). Использование специальных упражнений позволяет создать языковую атмосферу на занятии, ослабить влияние родного языка в процессе обучения иностранному языку, создать подобие жизненных ситуаций по соответствующим разговорным темам. Важным приемом обучения является игра. Эмоциональное состояние, сопровождающее игру – интерес, чувство удовольствия, радости – облегчает обучение, помогает обучающимся приблизиться к конкретным целям обучения. Спонтанность игры позволяет включить обучающихся в занятие не частично и не формально, дает возможность проявить свои лучшие личностные качества в полной мере. В игре происходит сглаживание внутренних противоречий личности, поэтому у обучающихся в условиях игрового обучения улучшается психологическое состояние. Игра позволяет создать между преподавателем и группой обучаемых особые отношения доверительности. Совместная деятельность сплачивает учебную группу, создает непринужденные отношения. По разнообразию игровые задания нельзя сравнить ни с какими другими приемами обучения: преподаватель имеет возможность максимально индивидуализировать учебный процесс с учетом уровня и особенностей личности обучающихся. Игра помогает обучающемуся по-новому увидеть себя и партнера, а также предмет обучения, поэтому использование игры положительно влияет и на все остальные аспекты учебного процесса. Игры - это модели поведения. Учебный эффект игры заключается в том, что у обучающихся формируются достаточно высокие навыки и умения проявления инициативы в действиях, логичности, последовательности, ясности и выразительности умственных и речевых операций. Учебная игровая деятельность, как форма обучения в полной мере отвечает актуальной задаче методики, дидактики, психологии и педагогики, которые стремятся оптимизировать учебный процесс.

Наиболее подходящей формой общения на уроке являются ролевые игры. При подготовке ролевой игры необходимо определить цель и языковой

материал, составить сценарий игры, распределить роли, психологически подготовить обучаемых. Преподаватель превращается из обучающего и контролирующего в одного из участников игры или в зрителя, который незаметно направляет игру. Ролевые игры позволяют организовать целенаправленную речевую практику обучаемых на иностранном языке, тренировку и активизацию в ее рамках навыков и умений монологической и диалогической речи, различных типов взаимодействия партнеров по общению, формирования и формулирования многообразных функциональных типов высказываний (описания, сообщения информации, доказательства, выражения мнения, согласия и т.п.). Цель каждой из игр, приведенных ниже, составляет речевая тренировка на иностранном языке. Преподаватель сообщает обучаемым игровую цель, которая настраивает их на выполнение различных действий, а иноязычная речь становится средством их выполнения, создавая основу для практики иноязычной речевой деятельности обучаемых (говорения, письма, смыслового восприятия речи – аудирования, чтения).

Примеры игр на совместную речевую деятельность и коммуникативное взаимодействие. Ролевые игры. (предлагаемые игры частично из материалов методических семинаров по французскому и немецкому языку)

1. Все участники стоят в кругу. Каждый выбирает себе роль известной личности: певца, актера, президента Задача: познакомиться с соседом и затем представить друг друга. Например: меня зовут Барак Обама, я американец, я живу в Вашингтоне, я президент. Роль партнера: Познакомьтесь, это Барак Обама, он американец, он живет в Вашингтоне. Группа должна реагировать репликами «Да что вы!», «очень приятно», и задавать вопросы «вы женат?», «какое у вас хобби?» и т.д. Тренируется употребление глагола – связки «быть», лексика по теме «Знакомство».

2. Все участники стоят в кругу, игру начинает учитель. Он говорит, например, такую фразу: «Вчера я встретил...». Все пытаются отгадать, кого он встретил: «Вы встретили мою маму?», «Вы встретили инопланетянина?» Задача: высказать предположение и «заинтриговать» участников игры. Тренируется прошедшее время. Вариантов фразы загадки может быть очень много: вчера я съел ..., в воскресенье я получила ..., вчера я смотрела

3. На стене висит плакат со словами (с картинками): пешком, на автомобиле, на поезде, на пароходе, на велосипеде. Задача: выбрать одно выражение и обосновать свой выбор. Например: на автомобиле. Мне больше нравится автомобиль. Я люблю ездить на автомобиле, потому что это быстро и удобно. На автомобиле можно поехать в кино и на пикник, в другой город, в другую страну. Игра повторяется со следующими тремя плакатами:

1) в деревне, 2) в городе, 3) на море, 4) в горах.

1) желтый, 2) красный, 3) белый.

1) мальчик, 2) девочка.

Участники переходят от плаката к плакату, обмениваясь мнениями в парах или подгруппах. Тренируется тема «Отдых, каникулы», речевой образец «Мне больше нравится ..., потому что ...».

4. Все участники дают ответы на следующие вопросы: 1) с какой исторической известной личностью вы хотели бы оказаться на необитаемом острове и почему? 2) какие три предмета вы бы взяли с собой на остров и почему? 3) чего бы вам не хватало больше всего и почему? Задача: обсудить с партнером ответы на вопросы. Участники тренируются: «Я бы взял ...», «Я бы хотел...», «Мне бы не хватало ...».

5. На столе разложены картинки с изображениями очень красивых вещей (одежда, автомобиль, дома, дорогие украшения). Каждый участник выбирает одну картинку и «мечтает» вслух: куплю эту ..., буду ..., поеду Задача: отговорить от задуманного. Например, ну зачем тебе такая дорогая машина? Ее украдут или сломается Тренируется будущее время.

6. Все играющие получают открытки, не показывая их друг другу. Описывая открытки, задавая вопросы друг другу, играющие должны найти пары одинаковых открыток. Активируются навыки порождения монологических высказываний типа описания, сравнения.

7. Играющим предлагается большой список профессий. Они должны ранжировать все профессии и объяснить свое отношение к ним исходя из собственных представлений об их социальной престижности, сказать, какую из перечисленных профессий они избрали бы для себя и своих близких, и аргументировать свой выбор.

8. Организуются две команды «Оптимисты» и «Пессимисты». Играющие из команды оптимистов выступают с оптимистическими утверждениями на заданную тему, а пессимисты должны им возражать. Затем преподаватель предлагает каждой команде выработать общую точку зрения, а капитанам обобщить ее.

9. «Вечер французского (немецкого, английского) телевидения»: все получают карточку с ролью и некоторое время обдумывают ее. Задача: принять участие в указанной телепередаче. Учитель сидит перед «экраном» телевизора и превращается в зрителя. Диктор получает перечень передач и сам составляет программу. Образцы карточек:

- 1) Вы директор телевидения. Вы составляете и ведете программу.
- 2) Вы член известной рок группы. Будьте готовы ответить на вопросы журналистов об истории вашей группы и о личной жизни.
- 3) Вы политический обозреватель и ведете передачу «Новости». Не забудьте
о сенсации.
- 4) Вы рекламируете французские духи (одежду фирмы, ...). Выберите самостоятельно время для рекламной паузы. Вы можете прервать любую
передачу.
- 5) Вы журналист. Подготовьте встречу с известной киноактрисой.

6) Вы известная киноактриса, будьте готовы ответить на вопросы журналистов о вашем творчестве и о личной жизни.

7) Вы ведущий передачи «Спорт для всех».

8) Вы ведущий передачи для родителей. Посоветуйте, как лучше всего воспитывать детей вашего возраста.

Для этой игры потребуются некоторые «аксессуары»: украшения, платки, очки, картинки о спорте, о кино, образцы рекламных товаров. Все перечисленное раскладывается на столе. Тематика передач выбирается в зависимости от усвоенного языкового материала.

10. «Прогулка по Парижу/Лондону/Берлину»

Вся группа – туристы, приехавшие в Париж на один день. Гид объявляет программу визита. После знакомства с ситуацией учитель распределяет роли. Образцы карточек:

1) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, вам все нравится, вы не можете скрыть свое восхищение увиденным и постоянно обращаетесь к гиду, официанту и служащему со словами: «замечательно», «превосходно» и т.д.

2) Вы в Париже/Лондоне/Берлине не в первый раз, поэтому постоянно прерываете гида, официанта словами: «я знаю, что ...», «а это ...», старайтесь сами дать объяснения членам группы.

3) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, но любите все критиковать. На каждое объяснение гида, официанта стараетесь отреагировать словами: «это красиво, но ...», «это вкусно, но ...», «это интересно, но ...».

4) Вы в Париже/Лондоне/Берлине в первый раз, вам все здесь нравится, но после каждого объяснения гида, официанта вы обязательно говорите «а у нас в Астане тоже есть ...» или «мы дома тоже готовим ...».

5) Вам все не нравится, у вас тяжелый характер. Допекайте гида, официанта своими замечаниями и вопросами.

6) Вам хочется поближе познакомиться с кем-нибудь из группы. Задавайте вопросы о личной жизни всем подряд: гиду, официанту, членам группы.

7) Вы нетерпеливы. Везде, куда вы попадаете, вы стараетесь задать вопрос, не дав гиду или официанту раскрыть рот для объяснений. Громко выражаете свой восторг и удивление.

Усложняя игру в процессе обучения, мы соблюдаем принципы постепенности, последовательности и доступности в обучении. Игры усложняются, чтобы закрепить знание нужных конструкций, моделей или определенного лексического материала, развивают творческую самостоятельность обучаемых. Организация игры приносит самому преподавателю профессиональное удовлетворение, так как благодаря ей процесс обучения становится процессом непрерывного творчества.

Литература

1. Материалы семинара для кураторов курсов по немецкому языку, Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit, Алматы, 2003г.
2. Материалы методического семинара по французскому языку, Aliance Française, Астана, 2010г.
3. Маслыко Е.А., Бабинская П.К. Настольная книга преподавателя иностранного языка, Вышэйшая школа, Минск. 1998г. 516 с.
4. Caré J-m, Talarico K. Jeux et technique d'expression pour la classe de conversation. Paris, BELC
5. Häussermann U., Dietrich G., Günther Christiane C. Sprachkurs Deutsch , Verlag Moritz Diesterweg, Frankfurt am Main, 1990, 296с.

Борисова Я.И.

*Ассистент кафедры философии
Липецкого Государственного Технического Университета
г. Липецк, Россия*

ОСОБЕННОСТЬ ОТРАЖЕНИЯ ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ В ТВОРЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ М. П. АРЦЫБАШЕВА

Рубеж XIX – XX веков один из самых неоднозначных периодов в истории русского литературного процесса. Различные философские концепции следовали одна за другой, возникали разнообразные литературные течения, которые могли быть совершенно противоположны друг другу. Русская классическая литература уже воспринимается современниками как устаревающая форма, однако именно на ее основе создаются модернистские произведения. В это переломное время религия также сталкивается с идеями зарождения и развития человека как биологического существа. Христианская модель становится в один ряд с ницшеанскими идеями.

Один из важнейших вопросов, вокруг которого не затихали споры в литературе и философии на рубеже XIX – XX вв., был вопрос о человеке, о смысле его существования и предназначения. И в этом вопросе Фридрих Ницше выступает знаковой фигурой. Его учение воспринималось не однозначно, так как и сама философская система его была противоречива.

В русской модернистской литературе увлечение философией Фридриха Ницше приводит к всеобщему пессимизму, граничащего с нигилизмом, мотивам отчаяния, безысходности, одиночества. Н.А. Бердяев так определил нигилизм идей Ницше: «Нигилизм... есть восстание против несправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, внеисторическая или сверхисторическая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков» [1, с. 89]. В этическом плане у модернистов соединение пессимизма,

нигилизмом с мечтой о сильной личности рождает новое представление о человеке и герое – типа «сверхчеловек».

Историки литературного процесса зачастую ставят имена Михаила Петровича Арцыбашева и Фридриха Ницше в один ряд. Такая постановка не случайна, в ней есть определенная закономерность. М.П. Арцыбашев один из немногих писателей рубежа конца XIX – начала XX веков, кто наиболее ярко и реалистично воплотил концепцию «сверхчеловека». Следует отметить, что идеи Ницше, также как и творчество Арцыбашева были настолько популярны, потому как отвечали запросам времени, нравственные «изломы», которые свойственны этим двум фигурам были очень востребованы в этот период.

Аморализм, индивидуализм, эгоцентризм – все эти обязательные составляющие философии «сверхчеловека» Ницше отразились в герое Арцыбашева – Владимире Санине. Однако не следует допускать, что Арцыбашев намеренно создал роман «Санин» взяв за основу клише ницшеанской теории. Арцыбашев, создал роман, который «сделал эпоху» [2, с. 75]. Примечательно, что Михаил Петрович никогда не говорил о Санине как о герое-сверхчеловеке, «толпа же сама возвела Санина в звание сверхчеловека» [3, с. 119].

«Я живу и хочу, чтобы жизнь для меня не была мучением <...> Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественные желания» [4, с. 78]. Действительно, такое явное и прямое желание принимать и наслаждаться жизнью идет вразрез с постоянной жертвенностью, которая была выражена в русской классической литературе. Сложность такой позиции героя заключается в том, что, разрушая классическую картину мировосприятия, он зовет за собой, но куда именно зовет не ясно. Несомненно, Арцыбашев через своего героя говорит, что нужно жить только сегодняшним днем, радоваться жизни, любить себя, наслаждаться молодостью, телом и не воспринимать его как нечто постыдное и запретное. Получилось, что пессимизм и нигилизм ницшеанской философии в интерпретации арцыбашевского героя звучал совершенно по-иному. Вместо упадничества рубежа веков появился ясный и четкий идеал, с не менее четкой программой. Нельзя сделать счастливым каждого, нужно стать счастливым самому. Это новый разворот в литературном процессе воспринимается оживленно, со стороны читающей публики. Это предельно ясная и такая «человеческая» позиция героя становится близкой любому человеку независимо от его социальной принадлежности. Массовое подражание герою захватило страну. Приверженцы героя «санинцы» представляли собой настоящее общественное движение, также как и противники Санина.

Новый герой, основой которого стала философия крайнего индивидуализма Ницше, становится одним из значимых фигур своего времени, он практически «заслоняет» собой своего автора. Владимир Санин воспринимается не как литературный герой, а как реальный человек, оформивший в себе всю неоднозначность своего времени. Однако

уникальность его в том, что, обозначая в себе всю неоднозначность времени, Санин один из немногих имеет программу, позволяющую жить в этом времени. Не бороться за счастье всех, а найти счастье в себе, быть самодостаточным в своем счастье. Русская классическая литература всегда претендовала на знание какой-то особой правды. Однако с изменением цельной классической картины мира на новую модернистскую, которой свойственна некоторая изломанность, надежда на особенную правду потерялась. Это и вызвало пессимистический упадок в обществе и, как в следствии, в литературе. Философия Ницше попала на благодатную почву. Пессимизм, вызванный утратой классической картины мира, сопряженный с новыми идеологическими и нравственными установками в обществе и литературе, дал тот результат, что именно в философии Ницше русское общество находит отражение того, что происходит в духовном плане. Михаил Петрович Арцыбашев, наблюдая за процессами, происходящими в обществе и, беря за основу ницшеанскую философию, создает героя, которому под силу выйти из этого упадничества рубежа веков, и выйти счастливым и самодостаточным. Писатель философски осмыслил происходящие процессы, выявил закономерности и рассмотрел положение человека в новом для него времени. Арцыбашев полностью упразднил аскетическую сторону в мировоззрении своего героя. Его герой не ищет счастья ни в философских идеях, ни в политике, он радуется природе, он счастлив, что живет на свете, он молод и силен. Санин знает, что его тело дарит ему наслаждение, и он не видит в этом ничего плохого. Такая позиция выбивалась на фоне общего уныния, которое царило в литературе и обществе, поэтому роман «Санин» и его одноименный герой не могли не остаться незамеченными.

Литература

- 1.Бердяев Н.А. Декаденство и мистический реализм / Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909). – СПб.: Общественная польза, 1910
- 2.Кранихфельд Вл. Литературные отклики: Ставка на сильных // Современный мир – 1909. –№5. – С.75
- 3.Закржевский А. Карамазовщина. Психологические параллели. – Киев: Изд-во журн. «Искусство», 1912. – С.119.
- 4.Арцыбашев М. Санин / Санин. Кровавое пятно. Рабочий Шевырев. Деревянный чурбан. – Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1990. – С.78.

ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА ПРИМЕРЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Межкультурное профессиональное взаимодействие предполагает высокий уровень владения как комплексом специальных знаний, так и иностранным языком. Также оно подразумевает умение адекватно интерпретировать и принимать социокультурные особенности партнеров по коммуникации при решении практических задач. Проблемы многоязычия и, в частности, преподавания второго иностранного языка в современных условиях стали предметом внимания лингвистов, педагогов, психологов, методистов и не только, так как трудно себе представить обучение конкретному иностранному языку без учёта лингвистического и социокультурного опыта учащихся.

Как отечественные, так и зарубежные исследователи подчеркивают, что для достижения успешного результата требуется интегрированное обучение языку и особенностям культурной среды его носителей, то есть развитие межкультурной и межлингвистической компетенции, поскольку незнание или игнорирование комплекса культурных составляющих иной среды общения специалистом, даже блестяще владеющим языком в традиционном представлении, то есть языковой формой этой среды, может привести к недопониманию, взаимной неловкости, этноцентризму. В любой из приведенных выше ситуаций специалист не обладает достаточной межкультурной компетенцией, то есть такой способностью общения с носителями других культур, которая обеспечивает единое для всех участников профессионального взаимодействия понимание происходящего, его причин и последствий (тогда как единое понимание принято называть позитивным результатом межкультурного общения).

Отметим, что в соответствии с актуальными рабочими программами вузовский курс иностранного языка должен носить коммуникативно - ориентированный характер. Цель данного курса - приобретение студентами коммуникативной компетенции. Соответственно, языковой материал рассматривается как средство реализации речевого общения и при его отборе осуществляется функционально-коммуникативный подход. Конечной целью обучения является формирование у студентов системы языковых знаний, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих успешное ориентирование в иноязычной среде.

Так, если речь идёт об изучении двух родственных языков, например, испанском и португальском, испанском и французском, испанском и итальянском, то в некоторых случаях можно говорить о положительном переносе, т.е. о компенсаторике. Если же речь идёт об обучении двум

языкам, относящимся к разным языковым группам, как, например, испанском и немецком или английском, то особое внимание уделяется явлению интерференции, которая проявляется на разных уровнях языка. Проведенные отечественные и зарубежные исследования подчеркивают, что в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и в профессионально ориентированном переводе может иметь место интерференция: 1) звуковая (фонетическая, фонологическая и звуковая - репродукционная); 2) орфографическая; 3) грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная); 4) лексическая; 5) семантическая; 6) стилистическая; 7) внутриязыковая. Как отмечал У. Вайнрайх, условием возникновения лингвистической интерференции является языковой контакт, под которым можно понимать либо «речевое общение между двумя языковыми коллективами», либо учебную ситуацию. «Два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо. Таким образом, местом осуществления контакта являются индивиды, пользующиеся языком». Следствием контактирования языков часто является интерференция, т. е. «случаи отклонения от норм каждого языка, происходящие в речи» [1, с. 34-36].

Бесспорно, динамический характер языка проявляется в изменениях, происходящих на всех его уровнях: фонетическом, грамматическом, где трансформации не столь активны, лексическом и семантическом, где эволюционные процессы происходят намного быстрее. В последнее десятилетие наблюдается активизация этих процессов, намечаются новые тенденции в развитии языка в целом. В большей степени этим изменениям подвержена лексическая система, так как она наиболее подвижна, и поэтому результаты изменений часто проявляются за сравнительно короткий промежуток времени. Достаточно заметны изменения и в словообразовательной системе, так как эта сфера, используя морфемный инвентарь языка, выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований. Это проявляется в первую очередь в возрастании продуктивности ряда словообразовательных типов, в появлении новых типов и исчезновении выходящих из употребления некогда продуктивных моделей. Так, например, Савчук Е.А. в своих работах выделяет лексический, фонетический и грамматический уровни, где имеет место фактор интерференции [3, с. 497-500].

Приведем некоторые примеры. Практика показывает, что в 80% случаев на лексическом уровне происходит неправильное использование коррелятов. Например, восприятие испанского глагола “realizar” (осуществлять) как аналога английского “to realize” в значении «осознавать, понимать, представлять себе». Случаи интерференции на фонетическом уровне наблюдаются, например, в следующих случаях. - произношение сочетания «oo» в испанском языке по аналогии с английским, а именно через звук [u] в таких словах, как «zoo» (зоопарк); - произношение испанского звука [t] по аналогии с английским [t] перед гласными, а именно с придыханием.

Отрицательный перенос на грамматическом уровне наблюдается в структуре предложения, построенного в Pretérito Compuesto, Pretérito Pluscuamperfecto, Futuro Compuesto. В испанском языке не разрывается вспомогательный глагол “haber” и причастие смыслового глагола. В английском языке наречия неопределённого времени “ever”/«когда-либо», “never”/«никогда», “often”/«часто», “already”/«уже», как правило, ставятся перед смысловым глаголом, наречие “already” также ставится перед смысловым глаголом в утвердительном предложении. Таким образом, нередки случаи следующей структуры предложения в испанском языке: Я уверена, что мы не встречались никогда раньше. → I’m sure we *have never met* before. - Испанский язык (интерференция): Estoy segura de que *no nos hemos nunca visto*. - Испанский язык (правильное употребление): Estoy segura de que *nunca nos hemos visto*.

В свою очередь В.С.Дмитриева, говоря о проблемах межъязыковой интерференции подчеркивает, что при обучении студентов иностранным языкам, «звуковая интерференция может быть расценена как “плохое” и “посредственное” произношение на изучаемом языке. В этом случае нет взаимодействия двух языковых систем – речь студентов звучит в основном, в аудитории. Добиваясь хорошего произношения на иностранном языке, преподаватель в первую очередь преследует общелингвистические цели, поскольку в овладении механизмами звучащей речи – это ключ к овладению всеми богатствами чужого языка. При обучении студентов английскому, немецкому, французскому и другим языкам, «русский акцент» особенно «выдает» говорящего, например, на английском языке в крупных единицах в протяженных высказываниях (в сверхфразовом единстве, в тексте). При этом очень явными являются ошибки в расстановке фразового ударения, в выборе интонационного центра во фразе, появления «кальки», т.е., дословного перевода с русского языка» [2].

Подводя итог, можно сказать, что, учитывая фактор интерференции, рекомендуется широко использовать вербальные правила и толкование трудных для усвоения элементов изучаемого языка, межъязыковые сопоставления с источником интерференции и межъязыковые контрастирующие упражнения. Особую важность имеет то, что преподавателю необходимо добиться автоматизации верного употребления того или иного языкового материала. При этом важно различать также пассивный и активный грамматические и лексические минимумы. Пассивный – лексические и грамматические явления, которые употребляются в письменной речи и которые студенты должны различать на слух и при чтении, т.е. в рецептивных видах речевой деятельности. Активный лексический и грамматический минимум необходим для продуктивной речевой деятельности, т.е. для коммуникации и достичь желаемого результата можно лишь непременно использованием условно-речевых и подлинно-речевых упражнений.

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // в сборнике «Новое в лингвистике. Языковые контакты». Выпуск VI. Сост., ред., вступительная статья и комментарии В.Ю.Розенцвейга. – М.: «Прогресс», 1972. – 535 с.
2. Дмитриева В.С. Проблема межъязыковой интерференции в преподавании иностранных языков в ВУЗе // <http://www.sgu.ru/idpo/+.php>
3. Савчук Е.А. К вопросу об интерференции при обучении испанскому как второму иностранному языку при первом английском / Е.А. Савчук // Актуальные проблемы романистики: материалы международной конференции. – Воронеж, 2009. – С. 497–500.

Родникова О.Ю.

*старший преподаватель кафедры
иностраннных языков и межкультурной коммуникации
ГОУ ВПО «Российский Экономический Университет им. Г.В.Плеханова»
г. Москва, Россия*

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗАХ

В последние годы в условиях экономических и социокультурных изменений имеет место расширение не только сотрудничества и международных контактов, но и активный рост межкультурной коммуникации на фоне интеграции России в европейское и мировое образовательное пространство. Вследствие чего, возникает острая потребность в создании учебно-методических комплексов учебных дисциплин, дополняющих основные образовательные программы по специальности. Говоря о формировании учебно-методических комплексов по дисциплине «иностраннный язык» приведем мнение О.С.Васильевой: «Комплексы создаются в целях совершенствования учебного процесса, повышения качества преподавания и учебно-методического обеспечения учебных дисциплин (спецкурсов), увеличения степени усвоения обучающимися учебного материала, внедрения в учебный процесс последних достижений науки и передовой практики» [3, с. 73]. Таким образом, учебно-методический комплекс (комплект учебных, учебно-методических, раздаточных, дидактических, наглядных, видео- аудио- и мультимедийных материалов) должен отражать содержание, задачи, цели, основные компетенции учебной дисциплины.

Обучение испанскому языку как иностранному не остается в стороне – за последние десятилетия вопрос внедрения европейской системы компетенций и уровней владения испанским языком в российский образовательный контекст более чем актуален. Одна из задач курса испанского языка как иностранного: коммуникативно - ориентированный характер. Цель курса - приобретение студентами коммуникативной компетенции, а именно умения соотносить языковые средства с конкретными сферами, ситуациями, условиями и задачами общения. Соответственно, согласимся с мнением О.А.Барташовой в том, что языковой материал должен

рассматриваться как средство реализации речевого общения и, при его отборе осуществляется функционально-коммуникативный подход. Конечной целью обучения в этом случае является формирование у студентов системы языковых знаний, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих ориентирование в иноязычной среде, и нормальную жизнедеятельность в условиях пребывания в стране изучаемого языка [2]. При этом совершенно справедливо в последние годы в методической литературе выдвигается требование, чтобы при обучении речевому общению серьезное внимание обращалось также и на стилистическую правильность и уместность применения речевых средств.

До недавнего времени в методике преподавания иностранного языка существовал так называемый формально-структурный подход: лексика является лишь подстановочным материалом для наполнения грамматических структур, не связанных между собой в логико-смысловом плане. Этот подход был весьма распространен в школьном обучении, и на наш взгляд он имеет отрицательные стороны, т.к. игнорируется логико-смысловая сторона высказывания. Другая крайность - лексический подход, где обучение грамматике строилось не на понимании, а на запоминании правильных структур, а основное внимание уделялось лексике, т.е. содержанию высказывания. В этой связи, оптимальным вариантом будет так называемый комплексный подход, который предполагает разумное сочетание формы и содержания и состоит из различных этапов. Так, О.А.Барташова, анализируя принципы отбора грамматического материала, выделяет следующие этапы: а) структурно-тематический (новое грамматическое явление объясняется на известном лексическом материале); б) тематико-структурный (новая лексика вводится на основе изученной грамматики); в) меж-тематический (творческое и активное комбинирование усвоенной лексики и грамматики) [1].

Затрагивая аспект грамматики, подчеркнем, что работа над грамматическим материалом предполагает несколько стадий. Сначала - презентация грамматического явления и создание ориентировочной основы для последующего формирования навыков, т.е. объяснение способа образования грамматического явления, демонстрация коммуникативной функции, сферы употребления. Здесь уместно выучить правило и сделать упражнения по образцу. Следующий этап - формирование речевых грамматических навыков путем их автоматизации в устной речи. Цель этого этапа - придать грамматической тренировке речевой характер. Завершающим этапом является включение речевых навыков в разные виды речи - чтение, диалог, монолог, письмо. Соответственно вышеуказанным этапам грамматические упражнения делятся на три вида - языковые, речевые и условно-речевые.

Система языковых упражнений обширна и многообразна и они представлены в большинстве грамматических пособий различных уровней (это подстановочные упражнения, трансформационные упражнения,

упражнения с такими заданиями как «поставить предложения в вопросительную и отрицательную формы», «образовать из двух предложений одно сложное» и т.д.). Однако недопустимо сводить изучение грамматики только к языковым упражнениям, более того, нельзя уделять им слишком много времени на занятиях. Разумно задавать их в качестве домашнего задания, а на практических занятиях затрачивать минимум времени на проверку, только для того, чтобы убедиться, что правило было понято правильно, отдавая предпочтение условно-речевым и подлинно-речевым упражнениям, которые содержат элементы учебной речевой коммуникации. Так как это является связующим звеном между формой и способом коммуникации. Очень удачным образцом упражнений этого типа, на наш взгляд, являются упражнения, представленные в учебниках испанских авторов Concha Moreno, Selena Millares, Matilde Cerrolaza Aragón. Ряд упражнений построен на логическом противопоставлении грамматических форм, объясняющих или дополняющих исходную грамматическую модель. При этом большинство упражнений авторами предлагается выполнять на слух, при этом, основным элементом такого упражнения, как правило, является стимул, т.е. исходное предложение в виде вопроса или высказывания, предполагающих ответную реакцию, что развивает в свою очередь навыки слухового восприятия, вырабатывает быстроту реакции, беглость речи и закрепляет не только грамматические, но и лексические модели языка.

Для предотвращения ошибок, связанных с различиями в использовании речевых формул в испанском языке Испании и стран Латинской Америки, а также параллельных единиц в русском языке, следует обращать внимание студентов на случаи наиболее ярких несоответствий, как в отношении лингвистического узуса, так и в плане национальных традиций и привычек. К сожалению, в большинстве отечественных учебников по испанскому языку, как правило, не учитываются особенности современной реализации речевых средств в условиях разговорно-обиходного диалогического общения, вследствие чего, происходит сдвиг в ту или иную сторону в наборе коммуникативных ситуаций, противопоставленных по параметру «официальность» / «неофициальность». В этой связи наиболее удачными являются разработки испанских авторов, уделяющих особое внимание *ситуативной прикреплённости* речевых клише в Испании и странах Латинской Америки. Систематизированное изучение функционирования тех или иных лексических особенностей в различных вариантах испанского языка предотвращает фактор языковой интерференции.

Подводя итог, еще раз подчеркнем: концепция коммуникативного подхода, признанная сегодня доминирующей в практике преподавания, становится все более востребованной в условиях нового информационного пространства, а также в условиях расширения межличностных и межкультурных связей на всех уровнях взаимодействия, а, следовательно,

вносит качественные изменения в содержание обучения иностранному языку в неязыковом вузе.

Литература

1. Барташова О.А. Принципы отбора материала при обучении грамматике на коммуникативном уровне (статья) // Проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Сборник научных статей. Выпуск 4. — СПб.: СПбГУЭФ, 2000. — С. 35 – 40.
2. Барташова О.А. Роль аспекта межкультурных коммуникаций в составлении программы обучения иностранному языку в экономическом вузе (статья) // Всероссийская научно-практическая конференция «Информационное обеспечение экономического образования»/ Сборник материалов. — СПб.: СПбГУЭФ, 2000 — с. 78 - 84
3. Васильева О.С. Формирование учебно-методических комплексов по дисциплине «иностранный язык» для курсантов юридических специальностей // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в ВУЗе. Материалы международной конференции 29-31 марта 2011 г. — М.: РУДН, 2011. — С. 72-76.

Булахова О.Н.

*канд. фил.наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания
Армавирской государственной педагогической академии,
г. Армавир, Россия*

ТИПИЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ 17 В. В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ)

Сложность проблемы воспроизведения в историческом романе речи прошлого порождала немало споров на протяжении всего периода развития этого жанра в русской литературе. Весьма остро вопрос о воспроизведении архаических черт языка эпохи стоял еще в XIX веке, особенно в начальный период формирования русского исторического романа.

Борьба за «чистоту» языка, отрицательное отношение к «засорению» художественной литературы историзмами и архаизмами нашла заметное отражение и в научных работах 40-50-х годов, в частности в исследованиях по языку советского исторического романа. В целом ряде исследований по языку романов А. Толстого «Петр I», А. Чапыгина «Разин Степан», С. Злобина «Степан Разин», В. Шишкова «Емельян Пугачев» и др. отмечаются два типа исторической стилизации – «сплошная», «полная» и «частичная», «умеренная» (В. Фаворин, В. Потапов, В. Кононова, Л. Мурзин, Н. Пронина и др.). При этом приемлемой для советского исторического романа признавалась «умеренная», «частичная» стилизация, а «полная», «сплошная» оценивалась как «чрезмерная» (См. В.К.Фаворин, В.С.Потапов, В.Н.Кононова, Л.Н.Мурзин, Н.Т.Пронина). Смысловая неопределенность, отсутствие точных критериев для разграничения «полной» и «частичной» стилизаций приводили нередко к тому, что одно и то же произведение по типу осуществленной в нем стилизации зачислялось то в разряд «частичной»,

то в разряд «полной», «сплошной». Само понятие «стилизация» также было не совсем определенным. Чаще всего под стилизацией понималась архаизация языка. При этом степень насыщенности языка произведения речевыми особенностями прошлого всегда может быть определена с математической точностью: как правило, она колеблется от 0% до 15% состава лексики.

Как отметил А.В. Степанов в статье «Вопросы стилистики художественной речи в «Ученых записках» и «Трудах», во многих работах этого периода «словесно изобразительное мастерство писателя становится в прямую зависимость от того, насколько «редко» или «часто» употребляет он «измы». Хороший признак, по мнению этих исследователей, если писатель избегает просторечия, диалектизмов, заимствований и славянизмов, ибо, с их точки зрения, подобное увлечение может кончиться не иначе, как «нарочитыми эффектами» и «формальными трюками» [1, с.109]. Недооценка выразительных возможностей периферийных языковых средств, в том числе частично устаревших, заметно сказалась и на художественной практике исторических романистов, привела к своеобразной боязни подлинных языковых красок старины. АН СССР, в статье «Средства языковой исторической стилизации в романах Ю. Тынянова» приходит к выводу, что речевой строй исторического романа «двупланов по своей природе: план современного языка и языка изображаемой эпохи непременно сосуществуют в нем. Еще дальше идет в своих выводах А.В. Степанов в книге «Основные понятия стилистики», изданной в 60-е годы: «Любая современная историческая повесть в идеале должна быть кусочком истории русского языка (его словарного состава, грамматического строя, стилей)» [2, с.9].

С конца 50-х – начала 60-х годов наступает новое «потепление» в отношении к устаревшим языковым средствам, своеобразная «реабилитация» их жанрово-стилистического употребления в советском историческом романе. Все это заметно влияло на отношение советских писателей исторического жанра к устаревшим языковым средствам, на отбор и употребление архаических средств в художественно-исторических произведениях. Заметно отразилось это и в романах А. Чапыгина и С. Злобина о Степане Разине, написанных в разные периоды советской эпохи и воплотивших в себе, естественно, разные лингвостилистические тенденции, разные принципы исторической стилизации, в частности, принципы отбора и употребления устаревших языковых средств.

Различные типы устаревших слов в исторических художественных произведениях изменяются и сочетаются в предложениях, как правило, по нормам и законам современного русского языка, а не языка изображаемой эпохи. Грамматические особенности, синтаксические и морфологические, используются, как показывает анализ, достаточно редко и исключительно в целях воссоздания колорита изображаемой эпохи, значительно уступая в частотном плане лексическим историзмам. Так, для памятников, в которых обнаруживаются значительные колебания в области употребления

устаревших морфологических форм, характерно сосуществование старых и новых форм склонения имен существительных, особенно в дательном, местном (предложном) падежах множественного числа старых основ на «-О»; наблюдаются отличия от современного русского языка в порядке слов, в управлении и т.д. Казалось бы, для более яркого воспроизведения исторического колорита эпохи следует включить в историческое произведение эти грамматические особенности. Однако практически это сделать невозможно, т.к. подобные языковые явления прошлого известны только специалистам по истории языка. Наличие древних морфологических форм в тексте может привести к известным затруднениям в его понимании у широкого круга читателей, большим, чем при включении в текст непонятого устаревшего слова, которое может быть объяснено контекстуально. В связи с этим в лучших произведениях исторического жанра 20 века встречается сравнительно мало несвойственных для современного русского языка грамматических форм. Чаще всего авторы включают в произведения те устаревшие морфологические явления, которые сохранились в современных говорах или в просторечном употреблении. Такие диалектные и просторечные особенности на фоне общеисторического повествования воспринимаются читателем в том же плане, что и архаические лексемы.

Сравнение текстов романов А.Чапыгина и С.Злобина позволяет отметить ряд общих моментов в области использования грамматических средств языка 17 века, а вместе с тем и некоторые различия. Наибольшие отступления от грамматических норм современного русского литературного языка в склонении существительных и в образовании некоторых глагольных форм, а также в области синтаксиса (порядок слов в предложении, особенности управления и др.) В памятниках склонение имен существительных в изображаемую в романах эпоху представляло собой еще не до конца установившуюся систему, особенно во множественном числе, в формах которого обнаруживается целый ряд колебаний. Более определенной, в известной степени сложившейся была система склонения имен существительных в единственном числе: ко второй половине 17 века имелись в основном те три типа склонения, которые находим и в современном русском языке. Авторы романов о Степане Разине в ряде случаев используют эти устаревшие явления в системе склонения имен существительных. Так, в отдельных случаях наблюдается употребление старых падежных форм, отчасти сохранившихся в современных диалектах. В романе А.Чапыгина, к примеру, неоднократно встречается форма «мати»: «Отчего, мати Ильинишна, сказку не сказать!» Академик А. Шахматов отмечает как обычную форму «мати» для конца 15-начала 16 в.в. Возможно, что автор употребляет данную форму под влиянием родного диалекта, в котором она распространена довольно широко. Несколько необычна названная форма в следующем предложении, где употребляется и современная форма «мать» : «Кто же не любит мать? А я вот не упомяну мати своя...». Вероятно, данная

форма возникла в результате контаминации. Использует А. Чапыгин и старые формы единственного числа существительного «небо»: «А тако: сатану бог сверзил с небеси и геену и приковал цепью в огонь вечный», «Откуль ты, московская крыса? - нес небеси...морем плыл». Вряд ли эти формы находились в живом употреблении в 17 веке, так как слово «небо», как и другие существительные типа склонения «на согласный», в единственном числе подверглись влиянию существительных типа склонения на «-*0-краткий» еще в дописьменный период развития языка. Оправданное контекстом в первом предложении употребление формы «с небеси», во втором примере едва ли можно считать уместным (возможно, в этом случае автор рассчитывал на ироническое восприятие текста).

Из других устаревших форм единственного числа обращает на себя внимание сочетание «на конь», которое является старой формой винительного падежа: «Мне же не сесть на конь...». В тексте эта форма употребляется и в других значениях. Например, в следующих предложениях: «Учил не переходить на конь реки...», «...иные (казаки) пойдут на конь берегом!» - здесь «на конь» имеет значение наречия «конно». Превращение этого сочетания в своеобразное наречие обусловило его употребление в разных значениях. В романе С.Злобина «Степан Разин» разинские лазутчики рассказывают: «Персиянца на царский струг приняли. Тот на берег, на нас им кажет, Крича-ат... Мы – на кони...» - здесь и во множественном числе сохранена старая форма винительного падежа. Старославянские формы множественного числа некоторых имен существительных, употребленных в романах, также являются необычными для современного русского языка. Так, в романе А.Чапыгина «Разин Степан» игумен Игнатий употребляет старую форму именительного падежа множественного числа слова «монах» - монаси: «Кто пасет древнее благочестие и веру - едино лишь мы, монаси...». Не совсем обычными для современного употребления являются такие формы, как мастера, сторожи (причем в авторской речи преобладает форма сторожа), однако они были характерными для письменных памятников 17 века и отчасти наблюдаются в некоторых современных говорах. В том же произведении встречаются формы именительного падежа множественного числа «другии князи», сохранившие старые окончания существительных основ на «О-краткий». Срв., у Котошихина: «А государства своего за князей и за бояр замуж выдавати их не повелось, потому что князи и бояре их есть холопи...» И А.Чапыгин, и С.Злобин используют и некоторые другие устаревшие особенности в области склонения имен существительных во множественном числе. В ряде слов сохранены старые формы родительного падежа множественного числа с нулевой флексией, тогда как в литературном языке эти слова получили в указанном падеже окончание: «...пудна пять она будет в теле...», «...летит чуть пониже облак...», «Ден на десять пройдет – он и сам нас отпустит...».

Из устаревших падежных форм, встречающихся в романах, можно отметить еще форму дательного падежа «по правилом», употребленную,

вероятно, под влиянием памятников: «И по правилу, не вами заведенным, не валите срезом к тыну – к ступням киньте». Более многочисленны примеры с окончанием –ом в изображаемую эпоху для существительных мужского рода: «Для того ж дни, как послы будут в Москве, велят бытии на встрече спальником, стольником, стряпчим, дворяном московским, дьяком, жилцом...», «...и приказали им говорить воровским казаком».

Старые формы винительного падежа находим в следующих случаях: города- «Что зорили города, это только ему силу нашу кажет», «...велят их уволнить и сослать в ссылку в дальные города»; дома- «Холопы на руках в дома уташат...», у С.Злобина: «Мужики с ним всю Тулщину и Тамбовщину погромили, дворянские дома пожгли...»; в авторском повествовании - «Он (Васька Ус) налетал на дворянские поместья, сжигал дома...».

Обращает на себя внимание форма именительного-винительного падежей делы, необычная для современного русского литературного языка, но сохранившаяся в некоторых говорах. Для языка 17 века форма «делы» являлась новообразованием. Однако отсутствие ее в литературном употреблении приводит к тому, что она воспринимается как устаревшая. Читатель находит ее в романе А.Чапыгина: «... Морозову... дана воля от царя вершить делы разны...». Аналогичное наблюдаем и в им. п. мн. ч.: «и по слову тому делы...».

Наиболее многочисленны отступления от норм современного русского языка наблюдаются в творительном падеже множественного числа. И А.Чапыгин, и С.Злобин часто употребляют устаревшие формы тв. п., что, возможно, обусловлено влиянием языка исторических документов. Значение подобных форм уясняется почти всегда из контекста: «Лошадей Разиных ведут, ковры золотными крытых»; «Много тебе лет быть в работе, править воровскими делы». Наличие определений с современными флексиями, которые уже в то во были общераспространенными, в данных примерах, как и в ряде других, указывает на то, что существительные имеют значение творительного падежа. Подобному восприятию способствуют часто и предлоги: «...за Никитскими вороты...», «меж браты», «меж дворы», «меж товарищи», «с бояры», «со крестьяны», «с луки стрелы», «...а чуваша да черемиса с саадаками да со стрелы...», «со стрельцы», «Изменник да лютый враг Дорошенко с турками вместе зверствуют над христианы». Старые формы тв.п. мн.ч. на-«ы» сохранялись в памятниках письменности сравнительно долгое время. Заметим, что С.Злобин, употребляя аналогичные формы в авторском тексте, заключает их в кавычки: «Верстах в десяти от Ядрина, в Алчасских лесах, атаман Иван Константинов «с товарищи» собрал много тысяч «ясашных» людей...»; «На Черной речке он выстроил несколько засек, в них с пушками, «с барабан исо знамены» было сот по пяти человек...». Часто встречаются в романе А.Чапыгина «Разин Степан» формы «холопи», «холопей», широко распространенные в языке еще и 18 в. Они проникают даже в авторское повествование, и только однажды в речи действующего лица находим современную форму «холопов».

Особое место среди устаревших падежных форм занимают некоторые существительные женского рода старых основ на –«и» (современное 3-е склонение): «печатями»: «Поставил, вишь, на наше подворье боярин Квашнин сундук с печатями, в сундуке-то деньги были...»; пищальми, плетьюми, плетями- «... палачи хлестали... по голой кровавой спине плетями». До сих пор в литературном языке возможно употребление подобных форм в отдельных оборотах речи, в частности бить плетьюми. В эпоху разинского восстания окончание на-«ьми» было свойственно большому количеству существительных. Такое окончание в романе А.Чапыгина получают и некоторые существительные мужского рода, например, конь: «А вот тут за кабаком на горе поганой в оправе стоит с двумя коньми...»; фитиль – фитильми и некоторые другие. Подобные формы от существительных мужского рода с мягкой основой встречаются еще и в 18 веке.

В романах, особенно у С Злобина, часто встречаются звательные формы «козаче», «человече», «сыну» и «сынку», «дьяче», , «друже», «хлопче», «бате», а также уменьшительные имена существительных на-ко: «батько», «дедко», «Стенько» и ряд других. Следует отметить, что употребление старых звательных форм (как и других устаревших) не выдержано до конца. В ряде случаев в романе А. Чапыгина по соседству оказываются старая звательная форма и новая форма именительного падежа: «Ой, козаче! Слушайте меня, отаманы» и «Налей, козак. вкорец сюзьмы с водой...»; «Бате, идем же скорее» и «Что, батя?». То же самое наблюдается и в романе С.Злобина: «Куме, эй, ку-ум! погоди, кажу, куме!»; «Михайло Лукьяныч!» и «Постой, Михаила...». Характерно, что звательные формы, вышедшие к 17 веку в русском языке из употребления, особенно часто встречаются в произведении С.Злобина, что связано, вероятно, с активным употреблением автором украинизмов (в украинском языке звательная форма, отличная от формы именительного падежа, сохраняется до сих пор).

Таким образом, как об этом свидетельствуют рассмотренные примеры, устаревшие формы имен существительных и единственного, и множественного числа чаще встречаются в романе А.Чапыгина, Все они засвидетельствованы памятниками письменности, относящимися к исторической эпохе 17 века. Это обстоятельство, безусловно, оказало влияние на А.Чапыгина, который стремился при создании романа к возможно большей точности и соответствию языку эпохи .

Другие устаревшие морфологические явления используются авторами романов о Степане Разине реже. Можно отметить единичные случаи использования других устаревших форм, характерных, в первую очередь, для произведения А.Чапыгина. Так, в его романе встречаются некоторые устаревшие, старославянские по происхождению, формы имен прилагательных: «Благослави на ночь, святой...», - обращается к митрополиту астраханский воевода Прозоровский; «Вас же молю... аз....Крепко стоять за дом пречистыя богоматери...». Аналогичные формы часто находим в документах того времени, особенно в сообщениях о победе

над «вором и богоотступником» Степаном Разиным: «... и Милостию Божію и знаменія Пречистыя Богородицы». Эти формы родительного падежа единственнаго числа на-«ыя», -«ія» (русифицированные старославянские) были распространены еще в 18 веке и в начале 19 в., особенно в поэтических текстах.

Среди «особых» местоименных форм устаревшей является форма винительнаго падежа от указательнаго местоимения женскаго рода Я-Ю, сохранившаяся в своем первоначальном виде, но в значении 3-го лица личнаго

местоимения в некоторых северно-русских говорах (северо-западных, поморских и др.). Эту форму читатель находит у А. Чапыгина в речи монаха: «.. дар отаману за то, что милостив к обителем господней: не пожог ю, икон не вредил...». Подобная форма, по всей видимости, отсутствовала в живом употреблении, сохраняясь в известных речевых стилях.

Из глагольных форм обращает на себя внимание форма повелительнаго наклонения «помозите»: «Помозите, братие...» со старой заменой заднеязычнаго свистящим, характерной уже для живой речи 17 века. Однако аналогичные формы возможны были в изображаемую эпоху в определенных стилях и в речи определенного круга людей, в частности духовенства.

Как видно из рассмотренных примеров, устаревшие морфологические формы, которых в анализируемых романах значительно меньше, чем лексических, используются писателями (преимущественно А. Чапыгиным) лишь в некоторых случаях как средство характеристики сословной принадлежности действующих лиц. Все отмеченные формы, кроме имен существительных, отсутствующие в современном употреблении, встречаются в речи духовенства. Однако употребление их в жанре историческаго романа должно быть строго мотивированным.

Литература

1. Литвинов В. Алтаев А. Критико-биографический очерк. – М.: Детская литература, 1981.
2. Степанов А.В. Основные понятия стилистики. – М.: Изд. МГУ, 1988.

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ)

С каждым днем происходит все большая компьютеризация всего, что нас окружает. И по мере того, как развиваются компьютерные технологии, пополняется и терминологический запас этой области. Лингвисты активно исследуют терминологические единицы подязыка данной сферы. Но и в лингвистике происходит ряд интересных процессов её развития. И сегодня основной интерес лингвистов состоит не в том, как устроен язык, а переключается на изучение проблемы, как он функционирует, каковы процессы освоенности иноязычных терминов языком. Постепенно возникает ситуация, что ответить на данные вопросы, используя только лингвистические методы исследований, уже недостаточно. И лингвистика XXI века становится всё больше междисциплинарной областью научного знания. Модификации компьютерных технологий только усиливает этот процесс. А анализ материала по компьютерной терминологии показал, что работ именно со стороны психолингвистики по изучению данной области крайне мало. Поэтому целью этой работы стало изучение возможности проведения психолингвистических экспериментов.

В качестве объекта исследования была выбрана ассоциативная методика. При планировании ассоциативного эксперимента следует рассмотреть разные методы. Существует три вида ассоциативных экспериментов:

- свободный (САЭ). Участнику эксперимента предлагают ответить словом, первым пришедшим в голову при предъявлении слова-стимула, ничем не ограничивая;
- направленный. Ответы ограничиваются семантическими категориями, синонимами, терминами из контекста;
- цепной. Испытуемому предлагают ответить любым количеством слов на слово-стимул.

Каждый из ассоциативных экспериментов имеет свои достоинства и недостатки и направлен на достижение определённых целей. Направленный (или контролируемый) ассоциативный метод ограничивает процесс ассоциирования, что влияет на достоверность и может искажать реальную картину результатов. Основным показателем цепных ассоциаций является структура ассоциативного ряда, но недостаток его в том, что в нем существует связь между последовательно поступающими реакциями. Часто можно заметить, что следующее слово-реакция – это не реакция на первоначальный стимул, а реакция на предшествующее слово-реакцию,

оказавшуюся новым стимулом. Поэтому определить подлинные стимулы крайне затруднительно, и применение цепного метода используется реже, чем направленный и свободный ассоциативный методы.

Остановимся на эксперименте свободных ассоциаций. Этот широко распространенный в психологии метод может дать существенные результаты для характеристики ассоциативных смысловых связей, тем самым вплотную подводя к возможности детального изучения семантических полей.

Описываемый эксперимент был организован следующим образом. Группам студентов факультета Прикладной математики и информатики (ФПМИ) и факультета Международных отношений (ФМО) университета предложили участвовать в свободном ассоциативном тестировании. Что касается формы проведения эксперимента, то была выбрана очная письменно-письменная форма, когда экспериментатор приходил в аудиторию и раздавал бланки, которые требовалось письменно заполнить. Отбор слов-стимулов производился при помощи специальной литературы: словарей, энциклопедий, справочников, а также с участием специалистов соответствующих областей знаний. Термины подбирались разной степени терминологичности – от узкоспециальных до слов, используемых и в специальном значении, и как общеупотребительные (мышь). Родным языком для информантов (46 человек) был русский. Для наглядности экспериментального описания результаты по каждому стимулу сводились в таблицы.

На первом этапе проводился качественный анализ полученных полей. В результате обработки экспериментального материала получены ассоциативные поля 40 слов-стимулов и ассоциативные структуры (АС) 40 слов-стимулов. АС слова – это основные направления, по которым происходит ассоциирование слов в данном эксперименте, а также это отношения между словом-стимулом и теми словами, которые составляют его ассоциативное поле.

Для иллюстрации эксперимента приведём собранные реакции по слову **ВИРУС**. В приведённой ниже таблице указаны слова-ассоциации, расположенные по убыванию их частоты встречаемости в ответах испытуемых. Одиночные ответы расположены в алфавитном порядке, сначала идут на русском, а затем на английском языках, а также указано количество отказов от ответа. В конце приводим показатели, где первая цифра – это общее количество реакций, вторая – слова-реакции, не относящиеся к компьютерной области, третья цифра указывает на количество компьютерных ассоциаций.

ФПМИ	ФМО
ВИРУС – компьютер(4), антивирус (3), вирусная программа (2), antivirus(2), program(2), software(2), заболевание(1), Интернет (1), Касперский (1), компьютерный (1), очень плохо(1), прививка(1), Троянский конь(1), угроза(1), AVAST (1), hacker(1). 25: 4+21+0	ВИРУС – компьютер(2), антивирус (1), бактерия(1), болезнь(1), вирусное заболевание(1), вирусная программа (1), ВИЧ(1), грипп(1), заражать(1), Интернет (1), инфекция(1), Касперский (1), компьютерный (1), лечить(1), не надо(1) проблема(1), постельный режим(1), программа(1), температура(1), AVAST (1). 21: 12+9+0

Если рассматривать полученные слова-реакции двух групп, то совокупное поле данных слов-стимулов имеют 7 совпадений: *компьютер, антивирус, вирусная программа, Интернет, Касперский, компьютерный, AVAST*. По полученным данным видно, что ядра ассоциативных полей двух групп почти не отличаются. **ВИРУС** воспринимается испытуемыми как *компьютерный*, т.е. это *вирусная программа*, чаще распространяемая через *Интернет*, а для обнаружения и удаления вируса применяют *антивирус Касперский* либо *AVAST*.

Наиболее распространенное деление ассоциаций – это парадигматические и синтагматические. Если и стимул, и ответ относятся к одной части речи, то такая ассоциация считается парадигматической. Данные ассоциации подчиняются принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более велика вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Также есть и различные виды парадигматических ассоциаций: синонимические, антонимические и гипонимические. Например, на слово-стимул **ВИРУС** мы можем выделить антонимический вид: *вирус – антивирус*, синонимический: *заболевание – болезнь*, а также гипонимический: *вирусное заболевание – ВИЧ, грипп*. Если же слово-стимул и слово-реакция относятся к разным частям речи, то это

синтагматическая ассоциация: *компьютерный, очень плохо, заражать, лечить, не надо.*

В нашем случае можно определить и тематические ассоциации, которые характеризуются употреблением слова-реакции в пределах тематически ограниченного контекста. Например, к теме «болезнь» относятся следующие слова-реакции: *прививка, бактерия, вирусное заболевание, ВИЧ, грипп, заражать, инфекция, лечить, постельный режим, температура.*

По способу образования слов-реакций можно выделить следующие:

- простые слова: *компьютер, program, грипп, Касперский, компьютерный, прививка, угроза, hacker, бактерия, болезнь, заражать, инфекция, лечить, проблема, программа, температура;*
- сложные слова: *антивирус, antivirus, software;*
- словосочетания: *вирусная программа, Троянский конь, очень плохо, вирусное заболевание, не надо, постельный режим;*
- аббревиатуры: *ВИЧ, AVAST (anti-virus advanced set).*

Необходимо отметить тот факт, что англицизмы всё активнее проникают в ассоциативно-вербальную сеть носителей русского языка. В приведённом примере можно определить следующую категорию:

- англоязычные слова, написанные и передающие значение по-английски: *antivirus, program, software, hacker.*

Таким образом, можно заметить, что компьютерная лексика постепенно внедряется в русский язык. Ввиду стремительного развития компьютерных технологий и появления новых продуктов данной области, меняется и образ мышления языкового индивида. И САЭ даёт нам возможность понять и проанализировать этот сложный процесс.

Литература

1. Горошко Е.И. Психоллингвистика вчера, сегодня, завтра // Вопросы психоллингвистики. – 2007. – Вып.5. – С. 111–112.
2. Колисниченко Д.Н. Англо-русский толковый словарь компьютерных терминов / Д.Н. Колисниченко. – СПб.: Наука и Техника, 2009. – 288с.
3. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. Москва, 1977.
4. Миронова Н. И. Вербализация знаний в ассоциативном эксперименте // Вестник МГЛУ. Лингвистика. – 2006. – Вып. 525. – С.118-123.
5. Юхмина Е.А. Компьютерные термины в современном русском ассоциативном дискурсе // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №2(14). – С. 53–56.

УЧЕБНИК КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО – ОРИЕНТИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В НЕЯЗЫКОВАХ ВУЗАХ

В программе дисциплины «иностранный язык для неязыковых специальностей БГУ» указывается, что одной из целей обучения является овладение языком как средством общения в различных сферах общественной и профессиональной деятельности, что подразумевает овладение умениями делового и профессионального иноязычного общения в предполагаемых ситуациях производственной, научной и информационной деятельности, а также в ознакомлении с зарубежным опытом в соответствующей области знаний. Безусловно, успех поставленной задачи во многом обуславливается удачно подобранным или грамотно созданным учебником, поскольку учебник является основным средством обучения и неотъемлемым компонентом учебного процесса.

В настоящее время белорусский рынок учебной литературы наполнен большим количеством комплексных курсов иностранных издательств для обучения общеупотребительному языку, языку для специальных целей, пособий по формированию навыков по отдельным видам речевой деятельности. Ряд издательств Республики Беларусь также выпустил большое количество учебной и учебно-методической литературы по иностранным языкам, подготовленные в основном преподавателями, которые имеют большой опыт практической работы со студентами. Однако проблема выбора учебного пособия, который полностью мог бы отвечать целям конкретного курса обучения, остается актуальной.

Учебник – ядро системы средств обучения, но не единственное [1, с. 41]. Мы хотим уделить основное внимание учебнику как компоненту, управляющему деятельностью обучаемых и обучающихся. Проблеме учебника посвящены работы целого ряда отечественных и зарубежных ученых, практическая значимость исследований которых состоит в выявлении существенных свойств современного учебника и формулировке объективных требований к главному средству обучения. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что преподавателю ИЯ необходимо уметь самому оценивать действующие средства обучения, что объясняется одним очень важным обстоятельством: в последние годы рынок заполнен альтернативными учебниками зарубежных авторов, так называемыми аутентичными, которые разрабатывались в стране изучаемого языка без конкретной ориентации на контекст обучения в нашей стране, однако, они могут быть хорошим дополнением к отечественным учебникам, которые мы называем параллельными. Выбирая учебник, следует исходить из особенностей образовательного учреждения, возрастных и индивидуальных особенностей

обучаемых, специфики своей методической подготовки и менталитета [2, с. 15]. Чтобы объективно оценить учебник, следует опираться на научные критерии его оценки. В настоящее время известно более 300 схем и моделей анализа учебника ИЯ. Якушев М.В. подчеркнул значимость 15 отобранных параметров оценки, составивших педагогическую норму и вместе с тем систему ориентиров при анализе учебника [3, с. 19], что было подтверждено мнением многочисленных экспертов-практиков России и Германии. В этой же статье предлагается провести оценку учебника ИЯ по аспектам: методическая концепция авторов, соответствие контексту обучения, мотивация учения, аутентичность текстотеки и языка учебника, представление страноведческой информации и система упражнений.

На кафедре английского языка гуманитарных факультетов БГУ всегда уделялось повышенное внимание разработке учебно-методических комплексов в соответствии с задачами профессионально-ориентированного обучения, которые не ограничиваются только чтением текстов по специальности, а в настоящее время понимаются гораздо шире. Традиционная образовательная система, сложившаяся в XIX в. и обновленная для выполнения социального заказа общества в XX в., пронизана императивом подготовки человека знающего, в то время как общество нуждается в человеке понимающем и сознающем себя, общество и культуру, как минувших эпох, так и современную. Общество обречено жить в потоке обновляющегося знания. В последние десятилетия нынешнего века знания обновляются каждые 6 лет (по материалам 6-го Международного Форума Информатизации, МФИ, 26 ноября 1997 г.). Поэтому необходима переориентация общественного сознания на быстрое и оперативное приобретение новых знаний и навыков, что и учитывается при разработке новых УМК.

В связи с этим нам хотелось бы поделиться опытом создания пособия для самостоятельной работы студентов «Supplementary material for guided self – study» как части УМК по профессионально-ориентированному обучению для студентов юридического факультета, которое включает основной учебник для студентов, терминологический словарь, пособие для преподавателей и практическое пособие для самостоятельной работы студентов.

Пособие построено по модульному принципу, где каждый модуль обобщает разделы основного учебника «English for Law Students» (авторы О. И. Васючкова и др.), и при работе над данным пособием была сделана установка на рациональность, систематичность, сознательность.

Необходимость создания пособия для самостоятельной работы студентов была продиктована сокращением количества аудиторных часов по иностранному языку, что, в свою очередь, доказала невозможность организации работы по профессионально-ориентированному обучению в прежнем размере. Поэтому ориентация учебного процесса на активную самостоятельную работу обучаемых бесспорно стала актуальной.

Понятие самостоятельная работа в современной методике преподавания иностранных языков охватывает вид учебно-познавательной деятельности, осуществляемой без непосредственного контакта с преподавателем с помощью специальных средств обучения, которые выполняют функцию управления самостоятельной деятельностью студентов на всех ее этапах.

При организации самостоятельной работы можно выделить следующие цели применения данной учебной деятельности: 1) оптимизация процесса обучения иностранному языку с точки зрения экономии аудиторного учебного времени; 2) активизация поиска новых знаний студентами; 3) развитие творческого характера образования; 4) повышение качества усвоения учебных программ.

Пособие состоит из пяти модулей: «Crimes and Criminals», «Role of Police Force», «The System of Courts», «Civil and Criminal Procedure», «Sentencing and Punishment». Каждый модуль строится по определенной схеме. 1. Vocabulary Focus. Цель данного раздела – проверка закрепления активной лексики соответствующего раздела основного учебника и расширение спецвокабуляра путем выполнения разнообразных упражнений. В целом, в пособии охвачены пять тем основного учебника: «Criminal Law», «Police Force», «Judiciary», «Procedure and Evidence», «Sentencing and Punishment»; 2. Grammar in Use включает в себя грамматический материал по программе: The Infinitive, Participle I, Participle II, The Gerund, The Subjunctive Mood. 3. Evaluating Through Reading. Данный раздел помогает не только расширить знания студентов по изучаемой теме, но и содержит творческие задания для монологического высказывания в аудитории. 4. Evaluating Through Listening предполагает развитие навыков аудирования по теме. 5. Creative Writing включает в себя творческие задания по обучению студентов письменной речи. 6. Project. Данный раздел предполагает групповую форму организации работы по исследованию вопроса с использованием дополнительных источников информации и презентации итогов исследования на занятии. 7. Homereading Section содержит отрывки из произведений художественной литературы. При их отборе нами учитывались следующие важные особенности: они должны соответствовать профессиональной направленности студентов; должны поднимать актуальные проблемы, затрагивающие интересы молодежи; вызывать их активное обсуждение и иметь положительный отклик у аудитории. Поскольку задания разработаны с учетом на активный запрос описательных средств, студенты максимально используют богатую лексику выбранных для них произведений, пополняя свой лексический запас. Последовательность работы студентов над текстом в большей степени определяется самими обучаемыми (гибкое управление), а часть работы контролируется преподавателем (жесткое управление): выполнение заданий в письменной форме (эссе, сочинение, изложение на тему, содержательно связанную с прочитанным произведением) или обсуждение проблем, затронутых в произведении в аудитории (психологический анализ, дискуссия,

инсценировка и т. д.), что максимально соответствует стратегии успеха обучаемых и является убедительным доказательством важного значения самостоятельного чтения художественных произведений для студентов как одного из составных социокультурного компонента, продуктивного способа обогащения словарного запаса, развития познавательной деятельности, а также развития умений ораторского и актерского мастерства, что весьма существенно для преодоления психологического барьера при изучении английского языка.

Опыт работы с указанным пособием показал, что оно не только способствует процессу улучшения овладения иностранным языком, но формирует самостоятельность мышления, развивает познавательные интересы, интеллект, логику.

Литература

1. Пассов Е.И. Учебник как феномен сферы иноязычного образования. Москва, 2006.
2. Бим И.Л. К проблеме оценивания современного учебника иностранного языка. Москва, 1999.
3. Якушев М.В. Научно обоснованные критерии анализа и оценки учебника иностранного языка. Москва, 2000.

Потапова Н.Л.

*Старший преподаватель кафедры английского
языка естественных факультетов
Белорусского Государственного университета
г. Минск, Беларусь*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО МАТЕМАТИКЕ

Широкие возможности для исследования языковых механизмов, речевой деятельности, а также мышления предоставляет такое интересное явление, как способность владения двумя языками, билингвизм. Внутри него можно выделить проблему межъязыковой интерференции (взаимодействия языковых систем).

Термин “интерференция” впервые стал использоваться в физике, где он обозначает «взаимное усиление или ослабление при наложении друг на друга звуковых, электромагнитных волн с одинаковыми периодами» [2, с.102]. Можно отметить в данном определении интересные моменты: взаимный характер воздействия, результат которого может быть как положительным, так и отрицательным. В языкознании этот термин впервые ввели ученые Пражского лингвистического кружка, подразумевая под интерференцией процесс отклонения от нормы контактирующих языков. Вот как звучит определение интерференции в лингвистическом словаре «интерференция (от лат. *inter* – между собой, взаимно и *ferio* – касаюсь, ударяю) – взаимодействие языковых систем в условиях

двуязычия, складывающегося либо при контактах языков, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонении от нормы и системы второго языка под влиянием родного...» [6, с.135].

В лингвистике проблема интерференции рассматривается в рамках языковых контактов и под интерференцией понимается «нарушение билингвом (человеком, владеющим двумя языками) норм и правил соотношения двух контактирующих языков» [7, с.76].

Выделяют интерференцию (взаимодействие языков) на двух уровнях: парадигматическом (на уровне набора единиц каждой подсистемы языка – фонетики, грамматики, лексики) и на синтагматическом (на уровне правил их сочетаемости). В парадигматическом плане рассматривают недодифференциацию, сверхдифференциацию, реинтерпретацию (переразложение – в терминах А.Е. Карлинского [4, с.203]) и субституцию элементов. Эти термины впервые применены У. Вайнрайхом по отношению к фонетической интерференции [3, с.92]. В рамках синтагматической интерференции выделяют плеосегментацию – увеличение количества элементов в речевой цепи на другом языке (Я2) под влиянием дистрибутивных закономерностей одного языка (Я1), минус-сегментацию [3, с.94], репласацию, т.е. перестановку элементов. Л.Н.Ковылина подразделяет плеосегментацию на супплементацию, как «усложнение модели Я2 под влиянием модели Я1 без нарушения норм Я2» и фреквентальную интерференцию – выбор менее частотного варианта. На синтаксическом уровне в минус-сегментации она выделяет как подтип симплификацию, т.е. превращение идиоматических в Я2 сочетаний в свободные под влиянием модели Я1 [5, с.57].

Розенцвейг разделяет интерференцию на прямую – перенос из одного контактирующего языка в другой означающих, означаемых и правил обращения с ними, и косвенную – исключение единиц и правил, свойственных лишь одному из сопоставляемых языков, из речи на другом [7, с.79].

Рассмотрим примеры языковой интерференции на материале научных статей по математике. В переводе с английского языка на русский математических терминов «null set» and «empty set» автор использует и для первого, и для второго терминов только один вариант перевода «пустое множество», что указывает на интерференцию на парадигматическом уровне, в частности на недодифференциацию (при наличии дифференциальных признаков в неродном языке и отсутствии в родном) в русском языке.

В качестве ещё одного примера недодифференциации в русскоязычных текстах по математике можно представить использование одного варианта перевода, а именно «точка», в то время как в англоязычном тексте автор употребляет два термина «point» и «dot».

Анализируя переводы математических текстов, приходишь к заключению, что в русском языке больше внимания уделяется фиксации

факта, а в английском – деятельности. Например, глагол «vanish» только в одном случае переводится как «исчезать» (деятельность), во всех же остальных случаях вариантом перевода было выражение «не равно нулю» (фиксация факта).

Во многих переводных предложениях наблюдается реинтерпретация языковых фактов, что проявляется в нарушении порядка слов. Вот один из примеров: «We express this relation by the words ...» (англ. оригинал) автор переводит “Это отношение будем выражать словами ...”. Кроме этого, в данном предложении мененяется время (в англ. - Present Indefinite Active Tense Form (настоящее), а при переводе автор заменяет это время на будущее, что в свою очередь является ещё одним примером реинтерпретации, которая проявляется в отсутствии согласования во времени.

В качестве примера косвенной интерференции можно представить предложение на английском языке с конструкцией Complex Subject «Two sets are defined to be equal», которое автор переводит следующим образом: «По определению два множества равны». В данном случае на перевод влияет отсутствие такой грамматической конструкции, как Сложное дополнение, в русском языке.

Фреквентальную же интерференцию (а именно, выбор менее частотного варианта) можно рассмотреть в переводе следующего выражения: in the face of conflict. Слово «conflict» переводится не как «конфликт или столкновение», а как «борьба», что является менее частотным вариантом перевода. Так как в английском языке борьба – это struggle, fight, battle.

Это только некоторые из примеров, которые подтверждают факт существования такого явления, как интерференция в математических текстах, а, следовательно, дают широкие возможности для более тщательного её изучения.

Как видим, интерференция встречается довольно часто не только в текстах с общеупотребительной лексикой, но и в тех, в которых используется лексика с ограниченными сферой употребления, в частности, в научных текстах по математике.

Литература

1. Алимов, В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации [Текст] / В. В. Алимов. – М., 2005.
2. Большой толковый словарь русского языка. - 1-е изд-е: Норинт. С. А. Кузнецов, 1998.
3. Вайнрайх У.. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У.Вайнрайх. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртене. 2000.
4. Карлинский А.Е.Избранные труды по теории языка и лингводидактике. Алматы, 2007. - 308с.
5. Ковылина Л.Н. Об одном способе исследования лексико-грамматической интерференции // Иностр.филология.-Алма-Ата,1975.
6. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 2002.
7. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Сборник научных трудов. – Пятигорск, 2001.

Пупа С.Ч.
старший преподаватель кафедры английского языка
естественных факультетов
Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ НАНОТЕХНОЛОГИЙ НА ПРИМЕРЕ ПОДСИСТЕМЫ НАНОХИМИИ

Изучение и описание терминологии любой сферы деятельности человека является чрезвычайно важным этапом ее развития. Это обусловлено тем, что анализ специальной лексики предполагает выявление определенной системы научных терминов, а также содержания рассматриваемых понятий.

Зачастую терминологи сталкиваются с тем, что определенные термины, особенно в новых областях науки в стадии становления, одной из которых является нанохимия, не имеют *необходимых признаков, указывающих на специфику конкретной сферы исследования*. Проблема усугубляется тем, что они пользуются весьма обширной терминосистемой нанотехнологий, родившейся на стыке ранее считавшихся независимыми друг от друга наук, таких как физика, химия, биология и многих других. Следовательно, и термины данной области науки по-разному трактуются химиками, физиками, биологами и технологами. Отсюда и возникают столь несвойственные терминам явления, как синонимия, омонимия и полисемия.

Помимо этого, следует отметить и то обстоятельство, что человечество вступило в эпоху глобализации, когда научные задачи имеют международный характер, а не решаются учеными в одиночку или в рамках только своей страны. Все это находит отражение в языке. Независимо от страны проведения исследования, основные публикации осуществляются на английском как основном языке научного сообщества. Это подтверждают и исследования ВИНТИ РАН: основной список журналов в области нанотехнологий включает в себя 491 издание, и которых только 12 не на английском языке. [1, с. 35]. Отсюда и явления интерференции, калькирования и транслитерации в данной терминосистеме.

Представляется интересным рассмотреть, каким образом различные терминологические подсистемы (нанохимия, нанофизика и др.) взаимодействуют в терминосистеме нанотехнологий, какая из них оказывает наибольшее влияние на терминологию нанотехнологий и каким образом можно выделить ту или иную область из этой терминосистемы. Здесь следует вспомнить об одном весьма интересном исследовании, под руководством Мишеля Цитта, суть которого заключалась в изучении 168 тысяч статей за 1999-2003 гг. при помощи метода библиографического цитирования [1, с. 23-29]. Публикации были сгруппированы по семи предметным областям: 1) теоретические проблемы нанотехнологий; 2) исследование биологических молекул с помощью нанотехнологий; 3) мезопоры; 4) углеродные

нанотрубки и фуллерены; 5) электронная оптика; 6) наноматериалы; 7) магнетизм и квантовые точки.

В результате оказалось, что:

- **теоретические проблемы нанотехнологий** связаны с физикой на 40%, с **химией** - на 35,7%, с техникой - на 5,7%, с фундаментальной биологией - на 1,3%, с медициной – на 1% и с другими дисциплинами - на 2,7%;

- **исследования биологических молекул с помощью нанотехнологий** связаны с проблемами фундаментальной биологии на 38,7%, медицины – на 26%, **химии** - на 21,7%, физики - на 6,6 %, техники - на 2% и с другими науками – на 5%;

- **мезопоры** связаны с **химией** на 81,3%, с физикой - на 7,7%, с техникой – на 4,7%, с фундаментальной биологией - на 2,3%, с медициной - на 0,7% и с другими науками – на 2,7%;

- **углеродные нанотрубки и фуллерены** связаны с **химией** на 46%, с физикой - на 42,3%, с техникой - на 6%, с фундаментальной биологией - на 1,3%, с медициной - на 0,3%, и с другими дисциплинами - на 3,3%;

- **электронная оптика** связана с физикой на 52,7%, с **химией** - на 40%, с техникой - на 6%, с медициной - на 0,7% и с другими дисциплинами - на 0,7%;

- **наноматериалы** связаны с **химией** на 61,3%, с физикой - на 24,7%, с техникой - на 6,7%, с фундаментальной биологией - 3,7%, с медициной - на 1% и с другими науками - на 2,3%;

- **магнетизм, квантовые точки и микроскопия** связаны с физикой на 57,3%, с **химией** - на 29%, с техникой – на 6%, с фундаментальной биологией - на 3,7%, с медициной - на 0,7% и с другими науками - на 2,3%.

Можно четко проследить, что все выше перечисленные области чаще всего пересекаются с химией – на 42,7%. Далее идет физика – 35,3%, фундаментальная биология – 8,7%, техника – 5,3% и медицина – 4,7%, другие науки представлены всего лишь 3%. При этом области, где процент химии самый весомый, - это мезопоры (тип наноматериалов), углеродные нанотрубки и фуллерены (основные наноматериалы) и общий раздел “наноматериалы”, что дает основание рассматривать их в качестве критериев при определении принадлежности той или иной статьи к области нанохимии.

В ходе консультаций со специалистами из разных областей нанотехнологий, а именно представителями химического, физического и биологического факультетов Белорусского государственного университета, были определены первичные общие критерии определения той или иной области нанотехнологий, при этом упор делался на аспект нанохимии. Таким образом, можно сформулировать следующее:

- а) для **нанохимии** характерно описание синтеза наночастиц/структур, рассмотрение различных методик и условий протекания синтеза, и как они влияют на свойства изучаемых веществ;

б) для **нанофизики** более важно описание и характеристики самого элемента, а не «химические источники» его возникновения, при этом иногда методы синтеза можно отнести и к физике;

в) такого понятия, как нанобиология, практически нет, т.к. сама биология изучает все на наноуровне. Следовательно, можно говорить о целях применения наночастиц в биологических исследованиях или о применении биологических принципов и материалов в создании наноструктур. При этом более правильным будет использование термина бионанотехнологии.

Однако, как уже упоминалось выше, эти критерии весьма поверхностны и могут применяться на уровне ассоциаций при прочтении, например, краткой аннотации к статье или выводов. Для сравнения приведем несколько названий статей и аннотаций к ним.

Magnetic core/shell and quantum-confined semiconductor nanoparticles via chimie douce organometallic synthesis.

Ligand-stabilized metal atoms provide a unique entry to the synthesis of magnetic nanosized metal/metal oxide particles. When this technique is used in connection with a mesoporous template, formation of superparamagnetic particles in the pores of the template, via "a ship-in-the-bottle" technique is possible. This "chimie douce approach" works also for pure metal oxides, such as TiO₂ [2, с. 529-532]

Как уже отмечалось ранее, для статей по нанохимии характерно наличие терминов, которые связаны с синтезом, новыми характеристиками наночастиц или с типом наноматериалов. В данном заголовке есть непосредственно само слово synthesis, описание свойств – ligand-stabilized, superparamagnetic; тип матрицы – mesoporous template. Кроме этого, здесь используется истинно химический термин, правда, заимствованный из французского, «chimie douce», означающий «химия реакций в мягких условиях». Таким образом, можно заключить, что статья относится к такому разделу нанотехнологий, как нанохимия.

Magic nuclearity giant clusters of metal nanocrystals formed by mesoscale self-assembly.

Magic nuclearity giant clusters formed by the mesoscale self-assembly of Pd nanocrystals of 2.5 nm diameter (nuclearity, ~561) have been identified by transmission electron microscopy. The clusters have discrete diameters, corresponding to those expected for magic nuclearity of 13, 55, 147, 309, 561, and 1415 and corresponding to closed shells of 1, 2, 3, 4, 5, and 7, respectively. Imaging at different tilt angles has provided confirmation of the spherical nature of these giant clusters. Giant clusters of magic nuclearity have also been found with Pd nanocrystals of ~3.2 nm diameter (nuclearity, ~1415). [3, с. 2515-2517]

В данной аннотации основной акцент сделан на методах исследования нанокластеров и их характеристиках, которые были определены в ходе проведенных процедур, что дает нам право отнести эту статью к разделу нанофизики. Что касается терминологии, то следует отметить следующие выражения: transmission electron microscopy, imaging at different tilt angles – методы исследования; discrete diameters, spherical nature - характеристики кластеров.

Однако не стоит забывать о том, что все-таки область нанотехнологии имеет весьма разносторонний характер, и нельзя всегда однозначно

определить принадлежность статьи той или иной сфере. Как, например, это заметно в ниже приведенной аннотации к обзорной статье:

The synthesis and study of so-called "nanoparticles", particles with diameters in the range of 1–20 nm, has become a major interdisciplinary area of research over the past 10 years. The intense interest in this area derives from their unique chemical and electronic properties, which gives rise to their potential use in the fields of nonlinear optics, luminescence, electronics, catalysis, solar energy conversion, and optoelectronics, as well as other areas. The small dimensions of these particles result in different physical properties from those observed in the corresponding macrocrystalline "bulk" materials. Semiconductor nanoparticles also exhibit a change in their electronic properties relative to that of the bulk material; as the size of the solid becomes smaller, the band gap becomes larger. This allows chemists and material scientists the unique opportunity to change the electronic and chemical properties of a material simply by controlling its particle size. Research has already led to the fabrication of a number of devices. This review aims to highlight recent advances in the synthesis of compound semiconductor nanoparticle materials and their potential use in areas such as catalysis and electronic device fabrication.[4, с. 3843-3859]

Несмотря на тот факт, что в ней на первый взгляд рассматриваются особенности синтеза, однако сферы использования данного наноматериала скорее физические или, точнее, это оптика, электроника и возобновляемые ресурсы (the fields of nonlinear optics, luminescence, electronics, catalysis, solar energy conversion, and optoelectronics). Кроме того, здесь важен как «химический источник», так и дальнейшее применение наночастиц: potential use in areas such as catalysis and electronic device fabrication. Следовательно, однозначно определить сферу, к которой относится данная статья, на основе первичной ассоциации и поверхностного анализа терминологии весьма проблематично.

Вывод из всего выше сказанного можно сделать следующий: осуществить определение терминологии каждой сферы нанотехнологий можно только путем детального изучения и группировки терминов на основе общих особенностей, при этом следует помнить и о трудностях перевода и кросс-культурных особенностях употребления терминов теми или иными группами ученых.

Литература

1. Маркусова В.А. Бионанотехнологии: библиометрический анализ по базам данных Science Citation Index and Social Science Citation Index, 1995-2006 гг. – Индустрия наносистем и материалов: информационно-аналитический сборник. Серия: приоритетные направления. – М.: ВИНТИ РАН, 2007.
2. J.J. Schneider. Magnetic Core/Shell nanoparticles/ - Advanced Materials. Vol.13, №7, 2001
3. P. John Thomas. Magic nuclearity giant clusters of metal nanocrystals formed by mesoscale self-assembly. - Physical Chemistry Review. Vol. 105, №13, 2001
4. Paul O'Brien. Nanocrystalline Semiconductors. – Chemical Materials. Vol.13, № 11, 2001

Фенина В.В.

*канд. филол. н., доцент кафедры английского языка,
теоретической и прикладной лингвистики
Саратовской государственной юридической академии
г. Саратов, Россия*

Фенина О.Е.

*старший преподаватель кафедры
немецкого языка и межкультурной коммуникации
Саратовского государственного
университета им. Н.Г.Чернышевского
г. Саратов, Россия*

НЕКОТОРЫЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ‘СТАТУС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ’ (О РЕЗУЛЬТАТАХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

За последние несколько лет социальные сети прочно вошли в жизнь многих пользователей Интернета по всему миру, насчитывая десятки и сотни миллионов активных участников. Запрос в поисковой системе Google на словосочетание «социальные сети» дает примерно 34 800 000 русскоязычных ссылок, 1 270 000 000 англоязычных ссылок на эквивалентное английское словосочетание ‘social networking service/ social network’ и 76 500 000 немецкоязычных ссылок на немецкий эквивалент ‘soziale (gemeinschaftliche) Netzwerke’. По данным статистики за 2011 год, в социальных сетях было зарегистрировано 82% от всех интернет-пользователей в мире, а это составляет примерно 1,2 млрд. человек.

Как справедливо отмечает Е.И. Горошко, Интернет становится «своеобразной жанропорождающей средой» [1, с. 370]. Веб-контент, предоставляемый создателями социальных сетей, обуславливает специфику виртуального общения, а следовательно и появление новых виртуальных жанров.

Одним из таких новых Интернет-жанров можно считать ‘статусы’. Применительно к социальным сетям в Интернете ‘статус’ – это одно короткое высказывание, которое создается пользователями социальных сетей на личной странице в специальной строке под названием «Сменить ‘статус’» / «Делитесь новостями» / «О чем вы думаете?». Текст ‘статусов’ не подвергается цензуре или редактированию со стороны модераторов социальных сетей, доступен для просмотра всем посетителям личной веб-страницы и, как правило, ограничен количеством допустимых символов (140-500 символов в зависимости от сети). Характерными примерами ‘статусов’ могут быть следующие: 1) *Упала, поднялась, корону поправила и пошла дальше!!!!:))* 2) *Друзья!!! Спасибо всем огромное за поздравления! Я вас люблю!* 3) *Начни жизнь с чистого листа, но оставь копию старых ошибок*³.

³ Источником текстов ‘статусов’ послужили социальные сети «Одноклассники» и «ВКонтакте». Стилистические, орфографические и другие текстовые характеристики сохранены.

Поскольку 'статус' - это действительно новый жанр Интернет-коммуникации, возможно, еще не вполне сформированный в языковом сознании пользователей Интернета, то заслуживает внимание проведение социолингвистического эксперимента с применением социолингвистического метода анкетного опроса и элементов направленного ассоциативного эксперимента. Целью данного эксперимента является выявление в сознании Интернет-пользователей образующих речевой жанр признаков, в частности, выявление главных интенций, лежащих в основе порождения этого жанра. Теоретические предпосылки определения жанра 'статус' ранее были изложены в статье, посвященной композиционным, тематическим, стилистическим и медийным характеристикам данного жанра [2].

Анкетный опрос проводился среди студентов – наиболее активных пользователей социальных сетей, которых просили ответить на ряд вопросов о жанре 'статус' путем выбора из списка предложенных вариантов.

Результаты анкетирования представлены в Таблице 1 в процентах и располагаются в порядке убывания частотности (самые частотные - вверху списка). Было опрошено 80 студентов разных специальностей, 87% из которых пользуются социальными сетями один или несколько раз в день (это, в основном, социальные сети ВКонтакте – 100% и Одноклассники – 54%). При этом 71% опрошенных сказали, что они обновляют 'статус' (т.е. пользуются этим жанром), но довольно редко. Часто это делают всего 11% студентов (причем, так ответили только девушки) и вообще не обновляют 'статус' 17%. Далее предлагался вопрос **«По какой причине Вы не обновляете 'статус'»**. 41% опрошенных ответили, что не обновляют 'статус', потому что не видят никакого смысла в этом жанре, 28% не хотят писать банальные вещи, а у 19% опрошенных просто нет времени. В этом пункте ответы значительно расходятся по гендерному признаку. Ответ «не вижу никакого смысла в этом жанре» характерен больше для студентов-юношей (59%), тогда как среди девушек так ответили только 27%.

Следующий вопрос касался собственно **интенций**, лежащих в основе порождения этого жанра, т.е. что побуждает пользователей социальных сетей обновлять 'статусы'. Самыми частотными ответами стали 4: «желание поделиться новостями, впечатлениями из своей жизни» - 34%, «желание поделиться чем-то интересным и остроумным» - 34%, «желание поблагодарить, поздравить, извиниться и т.п.» - 20% и «потребность проинформировать, оповестить 'френдов' о чем-либо» - 20%. Данный вопрос был очень важен в плане определения генеральной интенции 'статусов'. Как показывает рассматриваемый материал, ей является фатическая интенция, т.е. 'статусы' создаются в основном ради общения, самовыражения. В этом отношении показательны также ответы в свободной форме, например, один из опрошенных ответил, что для него обновление 'статуса' – это «порыв души», кто-то написал, что стремится «смотивировать себя», что, по-видимому, отражается в таких 'статусах', как, например: 1) *Главное здоровье*,

свое и близких моих! Остального добьюсь!))))); 2) Не существует пути к счастью, счастье – это и есть путь...

Информативная функция, хотя и является факультативной, но вполне востребована. Например, характерны такие информативные ‘статусы’, как сообщение своего нового номера сотового телефона или веб-страницы, сообщения об отъезде или приезде, приглашения на мероприятие и т.д., e.g. 1) *моя старая страница разблокирована!* 2) *С головой ушла в разработку материала для Н.И.Т.Н. =))))* 3) *в жаркие страны*). Правда, информация, передаваемая с помощью ‘статусов’, все равно сопровождается некими фатическими элементами, например, смайлами, кроме того, это не просто любая информация, а важная информация, значимая лично для самого пользователя социальной сети или его ‘френдов’. В ‘статусах’ никто не делится, например, политическими новостями.

Для определения того, является ли ‘статус’ первичным или вторичным жанром, в анкету был включен вопрос **«Откуда берутся тексты Ваших ‘статусов’?»**. 40% опрошенных сказали, что они копируют ‘статусы’ со специальных сайтов, 34% специально придумывают их сами, и 35% просто пишут о событиях или проблемах своей жизни. В пункте “другое” многие написали, что цитируют известных авторов, чтобы таким образом лучше выразить свою мысль или настроение. Данные показатели свидетельствуют все-таки о тяготении ‘статусов’ к вторичным жанрам, т.к. большинство участников социальных сетей стремятся продумывать форму и содержание, делать их более изощренными, а не просто писать, что придет в голову, как, например, обычно бывает в дружеском письме (по своим интенциональным характеристикам жанр ‘статуса’, вероятно, близок тактикам дружеского письма). В этом пункте снова имеются гендерные различия. Так, копированием и придумыванием ‘статусов’ занимаются, в основном, девушки (соответственно 49% и 36% по сравнению с 32%, которые “просто пишут”), тогда как юноши, наоборот, в основном, просто пишут о событиях и проблемах своей жизни (37%), меньше копируют (31%) и придумывают ‘статусы’ специально (25%).

Что касается **адресата ‘статусов’**, то, как считают большинство опрошенных, это массовый адресат (т.е. ‘статусы’ в основном адресованы вообще всем, кто зайдет на данную веб-страницу, будь то близкие друзья или случайные гости). В меньшей степени ‘статусы’ адресованы отдельным друзьям-френдам (28%) или себе самому (24%).

Не менее интересным и важным был вопрос – **существуют ли какие-нибудь правила для жанра ‘статус’?**. Четверть опрошенных (25%) ответили, что таких правил нет, а 19% вообще не дали никакого ответа. Некоторые информанты мотивировали отсутствие правил, например, тем, что ‘статус’ – это «авторский жанр», или, что «каждый для себя решает сам». Тем не менее, более половины участников нашего опроса – 56% - все же выдвинули определенные правила создания ‘статусов’. В основном, это были размышления о том, чего в ‘статусах’ быть не должно. Все разнообразие

ответов можно свести к трем основным правилам. Первое касается стиля жанра и общей культуры общения – «не употреблять нецензурную лексику, не выражаться грубо, не оскорблять других людей», чем, иногда, страдают некоторые ‘статусы’, например, *СЫР КОСИЧКА И ПИВАС, ЗА***СЬ В НАТУРИ КЛАСС!!!*. Второе правило относится уже к тематическому наполнению жанра – в ‘статусах’, как считают наши информанты, не следует указывать личную информацию и сообщать о личных (интимных) проблемах и переживаниях, как, например, пишут некоторые пользователи (в основном, девушки): 1) *Жилин люблю тебя!!!* 2) *Ты такая веселая, блин я бы хотела быть как ты!!- Прочти мои мысли и я обещаю что ты сдохнешь от этой боли!...(;* 3) *Мне не обидно, что он не позвонил. Мне обидно, что я ждала, как дура.* Как образно выразился один из информантов, «‘статус’ не должен быть интеллектуальным и эмоциональным стриптизом». Третье правило учитывает композицию жанра и указывает на то, что ‘статус’ должен быть содержательным по смыслу, выражать одну завершенную мысль ясно, четко, лаконично. Очевидно, это правило вызвано раздражением по поводу бессмысленных ‘статусов’, состоящих только из смайлов, междометных восклицаний, незавершенных предложений или вообще набора букв, как, например, 1) *fghsdfghklsdfg* (‘статус’ Павла Дурова!); 2) *Шц...*; 3) *ууух*; 4) *;(((ппц* и подобных. Кроме того, единичные анкеты предлагали следующие правила: «писать только важную информацию», «писать об актуальных событиях», «писать остроумные, не банальные вещи», «не копировать чужие ‘статусы’», «не писать ничего депрессивного, наоборот, ставить шутливые и позитивные ‘статусы’», «не благодарить и не выражать сочувствие, т.к. абсолютному большинству это неинтересно», «передача настроения должна быть эстетичной и грамматически правильной».

В анкете было предложено **отметить наиболее понравившиеся ‘статусы’** из довольно длинного списка ‘статусов’ разной тематической, композиционной и стилистической направленности. Самыми популярными ‘статусами’ стали следующие: поздравление с Новым годом, благодарность за поздравление с днем рождения, стихок, афоризм, каламбур и анекдот.

о *С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!!!! СЧАСТЬЯ, ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ И МНОЖЕСТВА НОВЫХ ИДЕЙ!!* – **50%**

о *Друзья!!! Спасибо всем огромное за поздравления! Я вас люблю! Без вас мир был бы безлик!* – **38%**

о *ДАРИТЕ ДРУГ ДРУГУ ТЕПЛО И УЛЫБКИ! ПРОЩАЙТЕ ОБИДЫ, ЧУЖИЕ ОШИБКИ...УЛЫБКА ВСЕСИЛЬНА И СТОИТ НАГРАДЫ, ВСЕГО ЛИШЬ УЛЫБКА И ВАМ БУДУТ РАДЫ!:())))))* – **35%**

о *Смотри вперёд с надеждой. Назад с благодарностью. Вверх с верой. По сторонам с любовью.* – **35%**

о *Ремонт квартиры в стиле "хай тэк", плавно перешёл в стиль "хай так", и закончился стилем "хрен с ним"!* – **20%**

О - ты любишь фильм 'Сумерки'? - нет. - значит любишь сигареты и кофе? - я не курю. - а угги у тебя есть? - нет. - господи! выходи за меня замуж! – 20%

‘Статусы’, выбранные информантами, во-первых, почти полностью соответствуют тем правилам, которые были ими обозначены и, во-вторых, по-видимому, подразумевают дополнительные правила (или скорее рекомендации) для данного жанра, как то: 1) выражение позитивных эмоций или мыслей, создаваемых с помощью, например, положительно окрашенной лексики или умеренного использования смайлов (никто не выбрал, например, ‘статус’ *Надоело всё...схожу с ума от того, что никогда не снимаю маску улыбки на людях...единственное место моих откровений - статусы...устала от всех...*); 2) остроумие, оригинальность содержания (например, анекдоты на злободневные темы); 3) экспрессия с использованием стилистических приемов (игра слов, рифма, афористичность, парцелляция, графическое выделение). Однако, среди наших информантов были и те, кто не отметил ни одного ‘статуса’, таких было 11% и почти все они студенты-юноши, что говорит об определенной тенденции неприятия жанра ‘статуса’ мужчинами.

Последний вопрос «**Влияет ли наличие на странице ‘статуса’ на Ваше мнение о человеке**» был задан с целью выяснить общее отношение пользователей социальных сетей к этому жанру. Более половины информантов (53%) обращают внимание на ‘статус’, т.к. благодаря ему лучше начинают понимать данного человека, однако 40,5% не обращают внимания на ‘статус’. Примерно такой же процент опрошенных (41%) не видят никакого смысла в этом жанре. Таким образом, отношение к этому жанру двойственное: с одной стороны, 82% опрошенных так или иначе используют этот жанр в своем виртуальном общении (хотя большинство – редко), с другой стороны, часть тех, кто его использует, не видят в нем особого смысла, возможно даже не осознают его как отдельный жанр. В чем причина такого неоднозначного отношения? На первый взгляд, этот жанр как бы приглашает к открытому свободному самовыражению (характерные вопросы сайта *О чем Вы думаете? Что нового? Делитесь новостями* и полное отсутствие цензуры – это своего рода приглашение к дружескому непринужденному общению), однако осознание массовости адресата создает определенные рамки, накладывает психологические ограничения на форму и содержание, т.е. зачастую невозможно поделиться тем, о чем человек на самом деле думает или же свои мысли и эмоции нужно выражать в необычной небанальной форме, используя для этого различные цитаты, экспрессию и т.д. Наверное, это и вызывает некоторое неприятие жанра, тем более, что русский человек больше склонен к личностно ориентированному искреннему общению, типа разговора по душам, чем к публично ориентированному общению.

Таблица 1. Результаты анкетного опроса «Статусы в социальных сетях».

1. Какими социальными сетями Вы пользуетесь?	
ВКонтакте	100%
Одноклассники	54%
Facebook	29%
Мой мир	21,5%
Twitter	16%
2. Как часто Вы пользуетесь социальными сетями?	
несколько раз в день	68%
раз в день	19%
несколько раз в неделю	12%
раз в неделю	1%
несколько раз в месяц	0%
реже одного раза в месяц	0%
3. Обновляете ли (устанавливаете ли) Вы СТАТУС на своей странице? Как часто?	
да, но редко	71%
вообще не устанавливаю	17%
да, довольно часто	11% (только девушки)
4. Если Вы НЕ обновляете СТАТУС, то по какой причине?	
не вижу никакого смысла в этом жанре	41% (59% - юноши; 27% - девушки)
не хочу писать банальные вещи	28%
нет времени	19%
нет настроения	7,5%
не знаю, что написать	6%
другое: «не люблю выделяться»	
5. Что обычно побуждает Вас обновлять СТАТУС на своей странице?	
желание поделиться новостями, впечатлениями из своей жизни	34%
желание поделиться чем-то интересным, остроумным	34%
желание поблагодарить, поздравить, извиниться и т.п.	20%
потребность оповестить “френдов” о важной информации	20%
желание поднять свое настроение	17%
желание поднять настроение другим	17%
возможность сообщить о волнующей проблеме и получить моральную поддержку	12%
желание создать благоприятное впечатление о себе, привлечь к себе внимание	11%
это способ проявить себя, свою креативность, изобретательность	10%
это удобный способ саморекламы в интернете	1%
это способ завязать общение, найти новых “френдов”	1%
желание получить “класс!” / “like”	1%
другое: «порыв души»; «смотивировать себя»	
6. «Откуда берутся» тексты Ваших СТАТУСОВ?	
копирую понравившийся статус со специальных сайтов	40%
просто пишу яркие события или проблемы своей жизни	35%
специально придумываю статусы (сам/сама)	34%
копирую понравившийся статус у “френдов”	2,5%
другое: «цитаты известных людей»; «по настроению»	

7. Кому чаще всего адресованы Ваши СТАТУСЫ?	
вообще всем	42%
отдельным “френдам”	28%
себе самому	24%
всем “френдам”	11%
8. Существуют ли, с Вашей точки зрения, какие-то «правила написания СТАТУСОВ» (т.е. что нужно / что не нужно писать в СТАТУСАХ)?	
правила есть: «не материться»; «не писать о личном»; «статус должен быть кратким, но объемным по содержанию» и др.	56%
правил нет	25%
нет ответа	19%
9. Каким из перечисленных ниже СТАТУСОВ Вы поставили бы “класс” / “like”?	
1. С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!!!! СЧАСТЬЯ, ИСПОЛНЕНИЯ ЖЕЛАНИЙ И МНОЖЕСТВА НОВЫХ ИДЕЙ!!	50%
2. Друзья!!! Спасибо всем огромное за поздравления! Я вас люблю! Без вас мир был бы безлик!	38%
3. Смотри вперёд с надеждой. Назад с благодарностью. Вверх с верой. По сторонам с любовью.	35%
4. ДАРИТЕ ДРУГ ДРУГУ ТЕПЛО И УЛЫБКИ!ПРОЩАЙТЕ ОБИДЫ,ЧУЖИЕ ОШИБКИ...УЛЫБКА ВСЕСИЛЬНА И СТОИТ НАГРАДЫ,ВСЕГО ЛИШЬ УЛЫБКА И ВАМ БУДУТ РАДЫ!:)))))))	35%
5. Ремонт квартиры в стиле "хай тэк", плавно перешёл в стиль "хай так", и закончился стилем "хрен с ним"!	20%
6. - ты любишь фильм 'Сумерки'? - нет. - значит любишь сигареты и кофе? - я не курю. - а угги у тебя есть? - нет. - господи! выходи за меня замуж!	20%
7. Если девушка пишет тебе первая - поздравляю, ты тормоз	15%
8. Убей ту часть мозга, которая думает, что я буду за тобой бегать!	11%
9. All I ever wanted all I ever needed Is here in my arms	10%
10. Всё я начинаю жизнь с чистого листа!!!!!!!!!!	10%
11. Ура! Затопили, стало тепло!	3%
12. Юхуууууууу!))))))))))))))))))	3%
13. Проиграли (((Второе место (	3%
14. Как то блин все равно все не правильно..	3%
15. TiP-тOp!!!!!!!!!!!!!!!!!!)	2%
16. Надоело всё...схожу с ума от того, что никогда не снимаю маску улыбки на людях...единственное место моих откровений - статусы...устала от всех...	1%
17. Вот это пупец!!!!!!!!!!!! Я в шоке!!!!!!!!!!!!	1%
18. ДОБАВЛЯЙТЕСЬ В друзья!!!!!!	1%
19. ЛЮБОВНАЯ МАГИЯ. ПРИВОРОТЫ, НАГОВОРЫ, ПРИВЛЕЧЕНИЕ УДАЧИ, ДЕНЕГ.	0%
20. Прежде чем добавить меня в друзья вступите в группу http://vkontakte.ru/club27674303	0%
Никаким	11% (только юноши)
10. Влияет ли наличие на странице СТАТУСА на Ваше мнение об этом человеке?	
Прочитав статус, в чем-то лучше начинаю понимать данного человека	53%
Нет, я не обращаю внимания на статус	40,5%
Слежу за событиями в жизни “френда”, прежде всего, по его/ее статусам	8%
Да, человек мне нравится или нет в зависимости от статуса на его/ее странице	7%

Подводя итоги проведенного анкетирования, можно сделать некоторые предварительные выводы:

1. 'статус' осознается как особый виртуальный жанр и используется большинством активных пользователей социальных сетей, но не является жанром повседневного виртуального дискурса;

2. 'статус' - главным образом фатический жанр, а наиболее частотными интенциями являются желание поделиться новостями, впечатлениями из своей жизни и желание поделиться чем-то интересным, остроумным;

3. основным адресатом 'статусов' являются все пользователи социальных сетей, что, очевидно, заставляет многих специально продумывать форму и содержание статусов;

4. 'статусы' в целом не имеют жестких ограничений в отношении тематики, стиля и композиции, однако есть определенные табу-темы (или скорее нежелательные темы), такие как личная (интимная) информация, а также предпочтения в отношении стиля – соблюдение литературной нормы, обращение к экспрессии;

5. использование 'статусов' характеризуется гендерными различиями: среди молодежи этот жанр чаще используется девушками, тогда как почти половина юношей этот жанр игнорируют.

Справедливо задать вопрос - имеет ли 'статус' какие-то отличительные, свойственные только ему речевые характеристики или же он является повторением, варьированием уже существующих жанров, в том числе Интернет-жанров? На наш взгляд, этот жанр находится в стадии формирования, как и вообще многие жанры виртуального дискурса. Хотя, по-видимому, он вряд ли когда-нибудь будет иметь четкую структуру, т.к. это личностно ориентированный жанр и к тому же это противоречит идее свободного самовыражения в Интернете. Однако от других виртуальных жанров 'статус' отличается, прежде всего, типичной ситуацией, которая заключается в том, что человек как пользователь социальной сети в определенный момент своей жизни что-то вербально выражает в одном коротком высказывании, зная, что это прочитают многие другие пользователи и зная, что это высказывание можно и даже нужно сменить на другое в любой момент времени. Эта ситуация задает, но не жестко детерминирует формат жанра – его тематику, стиль и композицию. Можно сказать, что 'статус' – это своего рода актуальная "визитная карточка" пользователя социальной сети.

Несомненно, некоторые характеристики жанра 'статус' нуждаются еще в уточнении, однако проведенный анкетный опрос позволяет утверждать, что этот речевой жанр уже вошел в обиход и стал одной из важных составляющих виртуального общения в социальных сетях.

Литература

1. Горошко Е.И. Теоретический анализ Интернет-жанров: к описанию проблемной области / Е.И. Горошко // Жанры речи. Вып. 5: Жанр и культура. Саратов, 2007. С. 370-389.
2. Фенина В.В. Жанр 'статус' в русскоязычных и англоязычных социальных сетях / В.В. Фенина // Жанры речи. Вып.8. Памяти К.Ф.Седова / Сборник научных статей. Москва - Саратов: Лабиринт, 2012. – С. 357 -371.

Четверикова О.В.

*К. филолог. н., доцент кафедры русского языка
и методики его преподавания
Армавирской государственной
педагогической академии
г. Армавир, Россия*

ПУНКТУАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКОГО МИРОВИДЕНИЯ

Если рассматривать жизнь как вечное исследование, как выдвижение человеком определённых гипотез о реальности, помогающих ему адаптироваться в мире, регулировать события и развиваться самому, то следует согласиться с мнением Келли о том, что творческая личность (в нашем случае – художник слова) всегда «смотрит» на мир как на некий стимул для интерпретаций человека-творца [8, с. 12]. Продуктом такой интерпретации может являться и художественное творчество как эстетическое освоение действительности, представленное в художественных образах, отражающих духовные потребности своей эпохи посредством «реализации личностью своей креативности» [5, с. 140]. Формула креативности выглядит так: *мотивация* (творческое познание) + *интеллект* (дивергентность, способность к преобразованию) + *эстетические параметры* (формотворчество).

Креативные отношения в сфере искусства – это эмоциональный взгляд человека на мир с позиций поисково-преобразовательной активности. При этом художник занимает определенную творческую позицию и характеризуется константной системой отношений к себе и к миру, реализует ценностное отношение к творчеству и испытывает потребность в самовыражении.

Художественный текст как вторичная, сотворенная автором реальность, объективированная средствами языка, представляет собой модель мира – личностный образ мира автора, в основе которого лежит система духовно-нравственных координат художника, определяющая не только восприятие, постижение, понимание человеком мира, но и выбор знаков языка, маркирующих авторский замысел. Особая роль в этом плане принадлежит графическим средствам, обладающим широчайшими возможностями для передачи смысловых, эмоциональных и интонационных

нюансов. Прежде всего, это знаки препинания, которые представляют собой совокупность средств формального отражения действий объединяющего и членящего ума [4]. Их отбор отражает индивидуальность пишущего, ибо эти знаки автором осмыслены и вписаны в смысловую и эмотивную ткань текста. Более того, совокупность всех графических знаков связывает потенциальный ритмо-мелодический, лексический, фонетический и синтаксический уровни текста, выражает авторский замысел, поддерживает образный ряд, маркирует эмотивную доминанту и выявляет суггестивный потенциал произведения.

В вузовской практике преподавания русского языка необходимо не только обучать студентов правилам постановки знаков препинания, но – и это важно в первую очередь – обращать их внимание на роль графических знаков в смысловом пространстве текста, ибо основная функция графических средств – актуализация мыслительной деятельности человека, воспринимающего текст. Автор создает в произведении свой графический сценарий, вводящий читателя в орбиту чувств, состояний, смыслов художника слова. Графические средства формирует текст как единое интонационно-смысловое целое, отражающее специфику авторского мировидения, художественную модель образа мира говорящего.

Есть, однако, и такие знаки, использование которых вызывается не только требованиями контекста, но и ярко выраженным пристрастием автора к определенным приемам. Такие графические знаки входят, как нам представляется, в систему «знаков авторства» творческой языковой личности, составляя элемент её идиостиля. Авторскими мы считаем такие графические знаки, которые избираются говорящим в зависимости от конкретных коммуникативных задач, обусловленных интенциями творческой личности, когнитивным образом описываемой ситуации, решением задач «на смысл», и обнаруживают такой текстовый функционал, который имеет прямое отношение к творческой манере автора. Части, маркированные нерегламентированными (авторскими) знаками, становятся рематическими, участвуют в смыслообразовании и служат акцентуации доминант авторского сознания.

Обратимся к стихотворению И.А. Бунина «Одиночество», где встречается нерегламентированное тире, с помощью которого автор выделяет признак действия, способствующий созданию «картинки», наглядного образа: *Сегодня идут без конца/Те же тучи – гряда за грядой.// Твой след под дождём у крыльца/ Расплылся, налилс водой.// И мне больно глядеть одному/В вечернюю серую тьму.* Здесь тире не просто выделяет обстоятельство образа действия (*гряда за грядой*), но, что более важно, маркирует огромное, нескончаемое количество туч на небе. Так автор объективирует эмоциональную доминанту текста – боль, тоску, что актуализировано наречием «больно» и номинацией «тьма».

У крыльца след любимой женщины «Расплылся, налилс водой». След – маленькая, темная, «земная туча», наполненная водой, словно слезами. Не случайно И.А. Бунин использует еще один графический прием – отступ 2-й

и 4-й строк в каждой строфе, в результате чего эти строки как бы «подтягиваются» друг к другу в смысловом отношении. Отметим, что в следующей строфе авторская сентенция *«Но для женщины прошлого нет: / Разлюбила – и стал ей чужой»* также выделена отступом и представляет собой следующий этап смыслового развертывания темы одиночества.

В стихах И.А. Бунина нерегламентированные знаки препинания являются сигналом логической паузы или ритмо-мелодического «перелома», т.е. маркируют наличие текстовых смысловых переходов: *В открытом море ветер гонит/То свет, то тень – и в облака/ Сквозит лазурь... А ты забыта,/ Ты бесконечно далека!* («В открытом море»); *Но фортки нет в окне, и рама в нем – глухая...* («В гостиную, сквозь сад...»).

У И.А. Бунина многоточие, с одной стороны, служит маркером эмоционального состояния персонажа, а с другой – объединяет структурные единицы текста в эмоционально-эстетические и информационно-смысловые блоки: *День вечереет, небо опустело...// Гул молотилки слышен на гумне...// Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.* («Вечер»).

В поэтическом тексте широко представлена такая пунктуационная фигура, которую называют знаком «эмоциональной модуляции» [3]. В этом случае комбинация и последовательность знаков препинания создает «волну напряжения»: постепенный подъем может сменяться спадом; фиксируется чередование порывов напряжения. Такая пунктуационная фигура свойственна произведениям М. И. Цветаевой: *Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!// Взойдите: гора рукописных бумаг...// – Так! – Руку! – Держите направо!// Здесь лужа от крыши дырявой!* («Чердачный дворец мой»).

Следует отметить ещё один графический знак – пробел («пустое место»), ибо смыслообразование без пробелов невозможно. Пробел заставляет читателя интуитивно искать ассоциативные связи, которые соединяют разрозненные сегменты в единое смысловое целое. И.В. Фоменко, говоря о пробеле, справедливо отмечает следующую его особенность: «Что такое строчный или строфический перенос, как не пробел, поставленный там, где его не должно быть. Обычно стихотворная строка заключает в себе синтагму или предложение. Но если “оторвать” от синтагмы слова и перенести их в следующий стих, могут возникнуть дополнительные смыслы, которых не было бы, не будь пробела в конце стиха, создающего эту “дополнительную” паузу» [7, с. 47]. Проиллюстрируем это на примере стихотворения И.А. Бунина «Полями пахнет...»:

Полями пахнет, – свежих трав,
Лугов прохладное дыханье!
От сенокосов и дубрав
Я в нём ловлю благоуханье.

Местоимение «я» оторвано от своей синтагмы и начинает следующий стих, находясь в сильной позиции начала строки. При этом возникает дополнительный смысл, которого бы не было без паузы-пробела: маркирование сопричастности лирического героя миру природы, его умение чувствовать красоту, видеть её в привычных вещах.

Таким образом, графические средства служат осознанному и целенаправленному намерению автора провести в сознание читателя определенный круг своих знаний, представлений, образов, оценок путем подключения к ритму, в котором работает вся художественная модель мира творческой личности. Конвергенция всех языковых средств, осуществляемая в произведении, получает свое подкрепление и в системе графических знаков.

Литература

1. Ахматова А.А. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. – М.: Изд-во «АЛЬФА-КНИГА», 2009.
2. Бунин И.А. Стихотворения и переводы. – М.: Современник, 1985.
3. Гумилев Н.С. Избранное. – М.: Панорама, 1995.
4. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2007.
5. Творчество: теория, диагностика, технологии: Словарь-справочник / под общ. ред. Т.А. Барышевой. – СПб: ООО «Книжный дом», 2008.
6. Цветаева М.И. Сочинения. В 2-х т. Т.1: Стихотворения, 1908 – 1941; Поэмы: Драматические произведения / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. – М.: Худож. лит., 1988.
7. Фоменко И.В. Практическая поэтика : учеб. пособие для студ. филол фак. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2006..
8. KELLY G. A BRIEF INTRODUCTION TO PERSONAL CONSTRUCT THEORY // PERSPECTIVES IN PERSONAL CONSTRUCT THEORY / D. BANNISTER (ED.). – LONDON; NEW YORK: ACADEMIC PRESS, 1970. – Pp. 1–29.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ КАК ОСНОВА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ТИПОВ МЕНТАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ

Актуальность темы исследования группы английских глаголов ментальной деятельности в русле композиционного синтаксиса определяется его непосредственной отнесённостью к важной проблеме современного языкознания - изучению различных аспектов семантики и синтаксиса ментальных глаголов, поскольку парадигма ментальных глаголов окончательно ещё не сложилась и в данный момент в области языкознания имеет место фрагментарность знаний об этой ЛСГ.

Объектом исследования являются предложения с ментальными глаголами одной из крупных ЛСГ английских глаголов, обозначающих мыслительную деятельность человека. Предметом анализа является синтаксическое функционирование наиболее частотных ментальных глаголов современного английского языка как отражение соотношения разных уровней в семантической структуре предложений с такими глаголами. Материалом исследования служат тексты произведений британских и американских авторов XX в., из которых методом сплошной выборки получено более 1000 предложений с ментальными глаголами. Для решения поставленных задач используются следующие методы: *метод лингвистического наблюдения, логический метод, лингво-статистической обработки материала, компонентного анализа, лингвистические моделирование, дедуктивно-индуктивный метод, метод изучения словарных дефиниций в целях выведения классификации глаголов.*

Вопросы, связанные с семантической организацией предложения, относятся к ряду проблематичных в современной лингвистике. В соответствии с ведущим постулатом семантического синтаксиса именно глагол определяет семантическую организацию предложения, в котором он реализуется, при этом реализуемое лексическое значение глагола формируется его окружением – составом предложения. В проблеме теоретического осмысления семантики глагола учитываются следующие факторы: характер зависимости семантики предложения от семантики глагола и взаимоотношение семантики самого глагола и семантики элементов, заполняющих открываемые глаголом позиции.

В соответствии с валентностной теорией, форма, семантика и функциональная модель предложения предeterminируют глагол предикатом и опираются в своей денотативной основе на отношения объектов действительности. Был выдвинут тезис о необходимости различения нескольких уровней валентности: содержательную сочетаемость слов и

сочетаемость, связанную с их морфолого-синтаксическим оформлением, т.е. семантической и синтаксической валентности. Выделяют также логико-семантическую валентность, связанную с отражением в сознании явлений действительности в виде структуры высказываний, т.е. как логических предикатов с одной/несколькими открытыми позициями. Различают активную и пассивную валентность, поскольку одни слова способны присоединять к себе слова других классов, а другие – нет, хотя сами по себе способны являться валентностными партнёрами.

Генеративная грамматика Н.Хомского утверждает, что существует ограниченное число простейших, абстрагированных от любого значения, формальных структур (ядерных или исходных), преобразование и соединение которых даёт конкретное предложение. В рамках генеративной грамматики одним из важнейших приёмов анализа выступает приём трансформации. В центре внимания исследования находится семантическая интерпретация глубинной структуры. Заполнение позиций в глубинных структурах происходит по правилам селекции, которые отражают отношения понятий, а “правильные” предложения имеют только прямое номинативное значение, что полностью исключает некоторые семантические процессы – метафоризацию и метонимизацию.

Падежная грамматика трактует предложение как состоящее в своей глубинной структуре из предиката и аргументов, которые связаны с предложением отношениями, формулирующимися в терминах глубинных падежей. Глубинно-падежный подход предполагает построение модели предложения, исходя из глагольно-именных отношений внутри этого предложения. Глубинно-падежная грамматика решает две задачи: ограниченности и неограниченности числа падежей, формального отражения глубинных падежей. Таким образом, предложение выступает как падежная рамка, задаваемая глагольным предикатом.

Настоящее исследование выполнено в русле композиционного синтаксиса, который объединяет идеи валентностной теории, генеративной и падежной грамматик. В рамках композиционного синтаксиса предложение рассматривается как результат ряда лингвистических операций. Основное теоретическое положение композиционного синтаксиса - признание наличия в семантике предложения (как и любого знака) двух семантических аспектов - сигнификативного и денотативного, или сигнификата и денотата. С гносеологической точки зрения сигнификатом называют отражение в человеческом сознании действительности. С точки зрения композиционного синтаксиса сигнификат представляет собой логическое содержание предложения, которое выступает как языковая единица, именуемая фрагменты действительности, и именуется *пропозицией*.

Денотативный аспект семантики предложения – *ситуация* - есть некоторый описываемый фрагмент действительности. Ситуация связана с внеязыковым (внешним) миром и нацелена на его отражение. Ситуация не может быть дедуктивно выведена, а только познана через наш опыт.

Ситуация и пропозиция взаимосвязаны, но иерархия элементов ситуации и пропозиции не всегда совпадают. Оба семантических аспекта согласуются посредством механизма *эмпатии*, который состоит в определении выбора компонента ситуации, который, в свою очередь, должен при осмыслении занять главную позицию в пропозиции.

На сегодняшний момент не разработана единая система представления семантики предложения. В рамках композиционного синтаксиса семантическая структура предложения – организованный на предикативной основе смысловой комплекс, представляющий собой результат языкового отражения некоей ситуации. Некоторыми учёными был выполнен ряд частных исследований семантики предложений с отдельными лексико-семантическими группами (ЛСГ) английских глаголов с отражением различных областей действительности, и они содержат объяснения некоторым “аграмматичным” свойствам целого ряда английских глаголов, в частности. Одновременным наличием в них сем “переходности” и “непереходности”. В данной работе предпринимается попытка исследования ЛСГ глаголов, семантика которых непосредственно отражает работу мысли.

Глаголы, отражающие работу мысли, по-разному терминируются разными авторами: *глаголы умственной деятельности, глаголы мыслительной деятельности, глаголы интеллектуальной деятельности, предикатами исследования, умственной оценки и информационными предикатами, глаголы интеллекта, глаголы мышления, глаголы мысли, ментальные глаголы.*

В данной работе для обозначения выбранной ЛСГ английских глаголов используется термин *ментальные глаголы* - глаголы, описывающие явления, ограниченные областью умственной деятельности. Ср.: *mental* - adj ”of or related to the *mind*”, “of or relating to the *intellectual* as contrasted with emotional activity”; “occurring or experienced in the *mind*”, “relating to the *mind*, its activity or its products as an object of study”. Термин *ментальный* широко используется в лингвистических исследованиях зарубежных и отечественных учёных. К ментальным глаголам относятся глаголы *мыслительной деятельности, ментального скачка и ментального состояния*, или, придерживаясь другой классификации, глаголы *мыслительных действий, ментальных актов и ментального состояния*. Ментальные глаголы образуют самостоятельную ЛСГ в лексических системах европейских языков. К ментальным глаголам относят те, которые обозначают то или иное ментальное состояние (to know, to believe), мыслительную деятельность, обычно направленную на получение знаний (to consider) или указывающую на возникновение определённого состояния в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (to find out, to guess, to understand).

Лексико-семантическая классификация ментальных глаголов станет основой для выделения типов ментальных ситуаций. Данная работа опирается на глаголы, в семантике которых сосредоточен максимум

смысловых возможностей, в расчленённом виде представленных в семантике других представителей каждого класса глаголов.

В исследованиях некоторых лексикологов был предложен термин *доминанта*, которая среди класса глаголов характеризуется наличием идентифицирующих свойств. В качестве примера доминанты глаголов мышления приведён глагол *to think*, который используется для идентификации значений ряда глаголов мышления, в частности глагола *to consider*. В данной работе предлагается возможным предпочесть термин *эталонный глагол* (по аналогии с эталонным глаголом В.Станкевича) – наиболее широкозначный и наиболее частотный глагол, представляющий определённый класс ментальных глаголов.

Выделяют глаголы *ментального действия* (глаголы *собственно ментального действия* и глаголы *ментальных актов*) и глаголы *ментального состояния* (глаголы *знания, понимания, мнения и тождества*). Принимая во внимание данную классификацию, возможно определить на основе результатов ранее проведённых исследований эталонные глаголы для более дифференцированных классов ментальных глаголов.

Так, *to consider* представляет глаголы собственно ментального действия, направленные на получение знаний, достижение понимания или формирование мнения (*to consider* – “to form an opinion about”); *to find out*, *to think*, *to understand* представляют глаголы ментальных актов, констатирующие факт получения знания, достижения понимания или формирования мнения (*to find out* – “to ascertain (something) as through examination or inquiry”, *to think* – “to use the mind in order to form opinions, come to conclusions”, *to understand* – “to learn indirectly, as by hearsay”); *to know*, *to understand*, *to think* - представляют глаголы знания, понимания и мнения (*to know* – “to regard as true”, *to understand* – “to know the meaning, nature and explanation of something”, *to think* – “to be of the opinion”); *to mean* представляет глаголы тождества, обозначающие некий мысленный объект, который является результатом сопоставления ряда объектов (*to mean* – “to be used to convey, denote”).

Использование определённых глаголов в качестве эталонных в нескольких разных группах глаголов продиктовано их многозначностью, которая происходит по языковым и социально-психологическим причинам. Многозначность создаётся в семантике самого слова, как единицы языка, благодаря особенностям лексической и синтаксической сочетаемости слов и снимается в конкретных речевых условиях. В некоторых случаях многозначность обусловлена сохранением в семантике глагола тех значений,

которые были им утрачены в процессе сужения значения. Так, в старо-английский период глагол *to think* обладал рядом значений, в частности *думать, считать, намереваться*. Постепенно последние два значения были утрачены глаголом к ново-английскому периоду, однако в семантическом поле данного глагола традиционно сохранялась некоторая его способность выступать синонимом непосредственно глаголам со значениями *считать,*

думать. (Ср., также семантические оттенки глагола to find в старо- и новоанглийские периоды развития языка – *находить, обеспечивать, считать и находить, приходить к заключению*). В смысловой структуре самих ментальных глаголов выделяют различные ЛСВ, каждый из которых – основная, предельно малая двусторонняя единица в речи, обладающая ему одному присущим значением (знаковым) и знаковой формой. Тем самым каждый ЛСВ входит в определённую организацию других лексических систем.

Табункина И.А.

*К. филол. н., старший преподаватель
кафедры мировой литературы и культуры
Пермского государственного
национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ И ГРАФИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ О.БЕРДСЛИ В РОМАНЕ Д.ГОЛСУОРСИ «БЕЛАЯ ОБЕЗЬЯНА»

Выполнено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научного исследования «Поэтика русской и английской литературы рубежа XIX-XX вв.: традиции, рецепция, интерпретация», грант №МК–2181.2012.6.

Писатель-реалист Джон Голсуорси в романе «Белая обезьяна» (*The White Monkey*, 1924) из второй трилогии о судьбах семьи Форсайтов «Современная комедия» упоминается имя, ставшее знаковым явлением в художественной жизни позднего викторианства и декаданса – Обри Винсента Бердсли (*Aubrey Vincent Beardsley*, 1872–1898). Имя создателя стиля модерн в графике возникает в записке художнику Обри Грину, которую пишет Майкл Монт после обращения к нему Викторины Бикет насчет работы для своего мужа и себя. Монт характеризует Викторину как женщину «не совсем в обычном вкусе», однако она «так хороша в своем роде, что может стать художественным типом, как типы Бердсли и Дана» [1, с. 118]. Если Голсуорси пишет об образах Бердсли, графических и (или) литературных, как о «типе» в искусстве (*a type, like Beardsley's or Dana's* [2]), то переводчики добавляют слово «художественный» (художественный тип, как типы Бердсли и Дана¹).

Объявление образов творчества Бердсли *типами* может быть связано с закреплением английского графика в истории культуры и обозначением т.н. «периода Бердсли». Еще в 1895 г. принадлежность к «периоду Бердсли» объявил художник-карикатурист Макс Бирбом. Через 30 лет книга Osbert Burdett *The Beardsley period: an essay in perspective* (London: John Lane, 1925. 302 p.) открывается эпиграфом из слов Бирбома: «I belong to the Beardsley

period». После смерти Бердсли Артур Саймонс в 1905 г. писал, что «ни один художник нашего времени, тем более ни один рисовальщик не достиг более всемирной и в то же время более оспариваемой славы; <...> никто не имел такого большого влияния на современное искусство» [3, с. 340]. Голсуорси, вводя имя Бердсли в роман, безусловно, подчеркивает значение графика и его достижений для истории искусства, однако, делает это весьма неоднозначно.

Собирательный портрет Викторины Бикет, созданный словами ее мужа, Майкла Монта, его секретарши мисс Перрен, автора, а также работа героини в качестве модели, картина, описанная в романе, и имя художника, созвучное с именем Бердсли, подчеркивают в образе Викторины изобразительность, подчеркивают его тенденцию к экфрасису и дают исследовательскую возможность к сравнению с образом богини Венеры в незаконченном романе Обри Бердсли «Под Холмом, или История Венеры и Тангейзера (*Under the Hill or The Story of Venus and Tannhäuser*, 1894–1898) и на листах к нему.

Декоративность лица богини Венеры в романе Бердсли противопоставлена необычности лица молодой женщины Викторины, родившейся в лондонском районе Пэтни (*Putney*) с его викторианскими домами. Лицо Венеры было украшено (*painting*) парикмахером Космэ откровенно, пышно, без тени обмана (*frankly, magnificently, and without a shadow of deception*) [4, р. 81]. Степень декоративности и загадочности лица богини усиливает точка зрения автора, суть которой состоит в умышленном нежелании описать читателю виденное им лицо Венеры после деланного макияжа. Конкретизация слова *painting* (*It would pain me horribly to tell you about the painting of her face <...>* [5]) словами «нарумянено», «набелено», «подведено» («Мне прямо-таки больно передать вам, до какой степени было нарумянено, набелено и подведено лицо Венеры <...>» [6, с. 48] для русскоязычного читателя еще раз подчеркивает декоративность образа богини любви в романе Бердсли.

Лицо Венеры на листах к роману изображено Бердсли как деталь интерьера и большой акцент сделан на наряде героини (фронтиспис, заставка, «Венера между божествами жизни и смерти», «Туалет Венеры»). Художественный облик Венеры создают экфрасисы картин и статуй («видевшие Венеру только в Ватикане, в Лувре, в Уффици или в Британском музее, конечно, не могут себе представить, как прекрасна и восхитительна она была в действительности» [7, с. 49]), о которых упоминает автор и которые подчеркивают визуальность образа богини.

Лицо Викторины стало главной деталью ее образа: на него сразу же обращают внимание герои романа. Существительное *face*, обозначающее лицо Викторины, использовано в двух главах романа (это около 130 страниц) 27 раз. Вследствие перенесенной болезни «худое, бледное» (*thin and pale*) лицо Викторины охарактеризовано также эпитетами *unusual* (*Her trouble was – had always been – her face. It was unusual*), *interesting*, *terribly interesting-looking* (*But what an interesting face! <...> Did this terribly interesting-looking*

girl know about the snooping? «Но какое интересное лицо! <...> Знает ли эта маленькая женщина с таким необычайно интересным лицом о воровстве?» С. 117), а также глаголом со значением 'смотреть' (*He liked to see her face*. «Тони нравилось смотреть на ее лицо». С. 161). Необычность лица Викторины (*who looked like that*) Голсуорси передает через его воздействие на окружающих людей и их реакцию. «Людам трудно было придумать что-нибудь для этой маленькой женщины с таким необычным лицом». С. 114), в том числе мужа Бикета («Лицо худое, бледное, с огромными темными глазами и красивым изгибом бровей, казалось, глядит на тебя словно издали, а как взглянет – так и защежит сердце. Вот и теперь у него защемило сердце <...>» С. 61).

Два прихода Викторины к Монтю (в первый раз насчет работы для мужа, во второй раз – насчет договоренности с Монтю о неразглашении тайны ее заработков натурщицей) сопровождаются диалогом Майкла и мисс Перрен (гл. «Викторина», «Служебные дела»). Лейтмотивом их речи в обоих случаях является восхищение лицом Викторины и утверждение его качеств: оно интересное (*She's very interesting-looking, isn't she?* – мисс Перрен), «единственное в своем роде» (С. 207) (*She's unique, I'm afraid*. – Монт). Лицо героини определяется Майклом в качестве «типа» (*But some type, eh?*) и оно создано для украшения обложек книг, что подчеркивается внутренней речью Монтю, которая состоит из 4 коротких восклицательных предложений (*What a face for wrappers! Sort of Mona Lisa-ish! Storbert's novel! Ha! Какое лицо для обложек! «Прямо Мона Лиза! Ага! Роман Сторберта!»* С. 117).

Визуализации, только на живописном полотне «Отдых дриады» (*Afternoon of a dryad*), а не на графических листах и в упоминаниях картин и статуй Венеры, как у Бердсли, подвергается образ Викторины. В романе Голсуорси ее облик представлен в красках и преобразован в мифологический персонаж – дриаду. Художник Обри Грин подчеркнул загадку в лице Викторины, оно «как будто говорило: “Я знаю тайну”» (С. 193). В отзыве зрителей о картине, услышанном Бикетом, Голсуорси утверждает за образом Викторины слово *mysterious* («*Oh! perfect! the very spirit of a wood nymph; so mysterious!*» *The word that belonged to Vic!*). Не случайно при первой встрече с Викториной на ум Майклу пришел живописный образ Моны Лизы, улыбка которой демонстрировала одну из загадок мирового искусства. Бикет обнаружил дополнительные оттенки в выражении лица дриады: скорбь, одиночество и дразнящую улыбку (*The face was mournful-like, and lonely, and – and teasing, with its smile. It sort of haunted you – it did!*).

Другой деталью, значимой в облике богини Венеры, являются ее волосы. Внимание на них акцентировано уже в названии главы о вечернем туалете Венеры *Of the manner in which Venus was coiffed and prepared for supper*. Волосы Венеры – это надушенная шевелюра (*scented chevelure*). Локоны (*curls*) охарактеризованы эпитетами *delicious*, *intelligent* и сравнениями с легким дыханием (*fell as lightly as a breath*) и завитками растений (*clustered like tendrils*) [8, p. 79]. Черный цвет волос (*black hair* [9, p.

102]) Венеры усиливает декоративность образа. Изобразительная традиция мифологического образа от античности до XX в. подчеркивает роскошные волосы богини любви [10, с. 136-138]. Метафора волны (*artful waves*), применяемая Бердсли в описании волос Венеры, подчеркивает иконографическую традицию стиля модерн (см. [11, с. 25; 12, с. 208, 210]).

Волосы Викторины, как и волосы Венеры, окрашены в черный цвет (*dead-black*) и вьются на концах (*frizzy-ended*). Героями они воспринимаются вместе с формой ее лица и противопоставляют молодую женщину вкусу широкой публики, что подчеркивает социо-культурный конфликт романа (*a little too refined and anaemic for the public*): «Это худенькое большеглазое лицо, эти иссиня-черные вьющиеся волосы – необычайно интересно! Пожалуй, чересчур утонченно и бледно для вкусов широкой публики» (С. 118). В романе Голсуорси героиня носит модную в 1920-х гг. короткую стрижку, скорее всего «Боб» – короткие с завитыми кончиками волосы (*bobbed, frizzy-ended hair*).

Другой важной деталью в облике и Венеры, и Викторины являются глаза. В романе Бердсли Тангейзер говорит о глазах Венеры как о глазах богини (*as she is a goddess*). Рыцарь предполагает, что они «пресыщены совершенствами» (*I doubt not her eyes are a little sated with perfection <...>* [13, р. 76]) и богине «быть может, будет приятно увидеть вдруг совершенство, увенчанное некоторым недостатком» [14, с. 44]. На графических листах Бердсли к роману контурное изображение глаз Венеры: они прикрыты пухлыми светлыми веками и показаны сбоку (заставка, фронтиспис) или прямо («Венера между божествами жизни и смерти»). На листах «Туалет Венеры», «Экстаз Св. Розы из Лимы» глаза героинь прикрыты и свидетельствуют об их состоянии напряжения и удовольствия.

В романе Голсуорси глаза Викторины, оформленные красивым изгибом бровей (*beautifully formed eyebrows*), – это глаза тихой и покорной (*silent, passive*), однако, оказавшейся смелой и решительной женщины, которая, чтобы помочь мужу собрать необходимую сумму для отъезда в Австралию. Глаза Викторины в романе – отражение ее характера. Когда почти вся необходимая сумма была заработана, Викторина просит Майкла сохранить в секрете способ ее заработков, и он отмечает ее прямой взгляд (*but the eyes steady – really an uncommon girl!*). В двух главах («Бикет», «Викторина») повествователь называет глаза героини большими и темными (*large dark eyes*), а лицо – большеглазым (*large-eyed face*). Глаза вызывают смущение и интерес как героев (Бикета, Майкла), так и автора.

Еще одна важная деталь героинь Голсуорси и Бердсли – это губы. В упоминании немного побледневших щек и губ Венеры (*cheeks and lips that had grown a little pale with anguish of exile* [15, р. 79]) отчетливо слышна авторская ирония, которая проявляется приемом перечисления применяемых богиней предметов декоративной косметики и в использовании слова *little*. Совсем иное изображение губ и улыбки подмечает критик начала XX в.

С.Маковский в изображении такого персонажа, как «женщина с широкими скулами и густым жадным ртом», которая «улыбается чему-то» [16, с. 330].

Напротив, улыбка Викторины, по мнению Бикета, – «странная, ‘ужасно-трогательная’, загадочная» (*that smile seemed queer, ‘pathetic-like,’ mysterious – as if she saw things that one didn’t see oneself*). Ему всегда (*not for the first time*) казалось, что «жена его понимает то, чего ему не понять» (С. 61). Единичность и непохожесть Викторины (*looking different from every one*) Бикет отмечает одновременно (в тексте это сделано буквально на одной странице) с ее существованием в «каком-то своем особом мире» (*she looked a treat – in a world of her own, like that!*). Загадочность ее облика, таящуюся в улыбке, форме губ, риторическим вопросом отмечает и автор: «Что скрывали эти большие темные глаза, эти молчаливые губы? (С. 115) – *Behind those large dark eyes and silent lips, what went on?* Улыбка Викторины привлекла внимание художника («И улыбка (*smile*), которой так добивался Обри Грин, озарила лицо его натурщицы». С. 124).

Интерпретация изобразительных и литературных образов Бердсли звучит и в имени художника, создавшего полотно «Отдых дриады». Его имя Обри Грин (*Aubrey Greene*) созвучно с именем английского графика Обри Бердсли (*Aubrey Beardsley*), а манеру его творчества Майкл Монт называет *decadent way* («в декадентском духе». С. 116). Вместе с тем очевидно, что Голсуорси стоит не на стороне декадентского искусства. Художнику он дает фамилию Грин (*Greene*), которая может быть эпитетом к его творчеству и акцентирует внимание на колорите. Живописная манера вымышленного художника Обри Грина далека от графической манеры Обри Бердсли в том, что Грин использовал цветовую гамму (*colour values*), тон тела (*flesh*) и глубину тени (*shadow down the side a little deeper*). Тогда как манера Бердсли – графична и характеризуется склонностью к декоративному» [17, с. 239]. Он, по словам А.Саймонса, был «декоративным художником» [18, с. 356]. Зрители улавливают сходство с живописной манерой Леонардо да Винчи: «Вся картина слегка в Леонардовом стиле <...> (*The whole thing’s just a bit Leonardoish <...>*), а изображенные на полотне «Отдых дриады» асфодели «похожи на цветы “Мадонны в гроте” Леонардо». Нагое тело дриады изображено Обри Грином в реалистической традиции – «волосы здорово сделаны, и пальцы на ногах тоже – просто так и шевелятся, когда смотришь на них» (С. 209–210) – в противовес современной авангардной тенденции («И до чего приятно, когда ноги не изображены в виде всяких кубов». С. 208). Тогда как Бердсли, по утверждению А.Саймонса, «никогда не рисовал человеческого тела, лишь стараясь передать его линии» [19, с. 355].

В романе Бердсли «Под Холмом» Венера – богиня, откровенно декоративна, ее лицо декорировано парикмахером Космэ до такой степени, что его работа названа повествователем «печальной» (*the sorrowful work*), и он не желает рассказывать о ней. Довольно скудное описание лица Венеры (глаз и губ) Бердсли восполняет подробным описанием волос и процесса причесывания, нарядов и интерьеров. В романе Голсуорси описание лица

Викторины, ее глаз, губ дано в сочетании с чертами характера, который проявляется в сюжете романа. Викторина – молодая женщина с интересным, необычным лицом вызывает живую реакцию окружающих: ее замечают, о ней говорят, ее внешность стала моделью для живописного полотна. В образе лесной нимфы Викторина такая же живая, как в реальности. На это сходство героини и живописного образа обращают внимание сама Викторина, зрители в галерее, Бикет. Героиня Голсуорси противопоставлена изобразительному стандарту своего времени («Нельзя же из-за публики вечно рисовать стандартные синие глаза, золотистые локоны и красные, как мак, щеки». С. 118). Через образ Викторины Голсуорси отталкивается от образов декаданса и утверждает реалистичный тип красоты.

Мир Викторины – мир честного труда в работе, где легко сбиться с намеченного пути. Поэтому ее так возмущает недоверие и обвинительный тон Бикета (гл. «Квиты»). Реалистическая поэтика романа «Белая обезьяна», созданного после Первой мировой войны, объясняет социально-психологическую обусловленность поступков, этические проблематику и критерии. Мир Бердсли – мир красоты, и даже, по словам А.Саймонса, «греха, преображенного красотой» [20, с. 351]. Это мир условный и декоративный, в котором живут фантастические, нереалистические существа, в котором доминирует критерий эстетического.

Во время создания Голсуорси романа «Белая обезьяна» «новые условия социальной действительности» обусловили в художественной культуре существование классической традиции и нового модернистского искусства [21, с. 409]. Интерпретируя образ Викторины, Голсуорси подчеркивает свое «неприятие модернистского направления в литературе и искусстве» [22, с. 134], таким образом, «оспаривая славу» (А.Саймонс) Обри Бердсли и «бердслианства» в целом.

¹ Наряду с именем Бердсли герой Майкл Монт упоминает имя американского художника и иллюстратора Чарльза Дана Гибсона (*Charles Dana Gibson, 1867–1944*), создавшего идеал женской красоты рубежа XIX–XX вв., который получил название «Девушки Гибсона» (*Gibson Girls*). Анализ роли этого изобразительного образа, на который ориентировались американцы с 1890-х гг. до первых десятилетий XX в. (см URL: <http://www.livelyroots.com/things/gibsongirl.htm>), вынесен нами за рамки данной статьи.

Литература

1. Голсуорси Д. Белая обезьяна / пер. Р.Райт // Голсуорси Д. Собр. соч.: в 16 т. М.: Правда, 1962. Т. 3. С. 5–284. – В статье ссылки на это издание даны в круглых скобках с указанием страницы.
2. Galsworthy J. The White Monkey. URL: <http://www.e-reading-lib.org/book.php?book=79959> (дата обращения 13.02.2013). – В статье произведение цитируется по данному ресурсу без указания страниц.
3. Бердслей О. Многоликий порок: История Венеры и Тангейзера, стихотворения, письма / сост. Л.Володарская. М.: Эксмо-пресс, 2001. 368 с.
4. Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill. L.: Creation Books, 1996. P. 65–123.
5. Ibid.
6. Бердслей О. Многоликий порок...
7. Там же.

8. Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill. L.: Creation Books, 1996. P. 65–123.
9. Ibid.
10. Бочкарева Н.С., Табункина И.А. Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 254 с.
11. Ковалева О.В. О.Уайльд и стиль модерн. М.: Едиториал УРРС, 2002. 168 с.
12. Перси У. Модерн и слово: стиль модерн в литературе России и Запада / пер. с итал. Я.Токаревой, под общ. ред. А.Полонского. М.: Аграф, 2007. 224 с.
13. Beardsley A. Under the Hill.
14. Бердслей О. Многоликий порок...
15. Beardsley A. Under the Hill.
16. Бердслей О. Многоликий порок...
17. Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А.Басманов. М.: Игра-техника, 1992. 288 с.
18. Бердслей О. Многоликий порок...
19. Там же.
20. Там же.
21. Емохонова Л.Г. Мировая художественная культура. М.: Академия, 2001. 544 с.
22. Тугушева М.П. Джон Голсуорси. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1973. 176 с.

Катлишина Т.С.

*Аспирант кафедры лингводидактики
Пермского государственного
национального исследовательского университета
г. Пермь, Россия*

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Когнитивная семантика является не только новой учебной дисциплиной, но и относительно новым аспектом лингвистических исследований, формирование которых связано со становлением когнитивной науки второй половины XX – начала XXI века.

Название дисциплины критично настроенному уму может показаться тавтологичным. Определение «когнитивный» есть указание на принципиально иное видение объекта и его внутренней механики и факторов, которые на него влияют.

Семантика является, пожалуй, единственной из всех теоретических дисциплин, входящих в языкознание, которая традиционно всегда была связана с «живой» динамикой языка и которая, уже по своей природе, является «междисциплинарной». Если язык пытались описать как чистую форму, как систему чистых отношений, вне зависимости от его реального функционирования, вне зависимости от его носителей и среды, в которой он существует, то объект семантики в большинстве случаев исторически мыслился как своеобразный медиум между материальным и идеальным. Но даже и «редукционистское» понимание языка как чистой формы будет

когнитивным. Возьмем, к примеру, язык в концепции Ф. де Соссюра, где он понимается как метаобъект, идеальный конструкт. В такой интерпретации язык представляет собой форму (сознательного) анализа и инструмент анализа (при направленном обучении). Этот идеальный язык и есть с одной стороны психологически необходимая опорная и отправная точка для рефлексирующего носителя – языка, а с другой стороны – рабочий инструмент, эвристическая необходимость. Язык здесь выступает, прежде всего, как артефакт деятельности когниции человека. Однако в любом случае это будет когнитивное образование.

В настоящее время уже мало кто будет отрицать, что язык по своей природе – когнитивная система, часть когнитивных способностей человека. Это означает, что язык не просто тесно связан с когнитивными структурами, с ментальными репрезентациями, а что язык сам является частью этой когнитивной системы. Такое понимание влечет за собой переосмысление принципов моделирования исследуемого объекта.

Экспериментальный опыт последних десятилетий показал, что правила, по которым функционируют языковые единицы, не всегда принадлежат самому языку. Для иллюстрации этого тезиса рассмотрим простой пример из области синергетического подхода к моделированию языка.

Известно, что для того, чтобы знаки легко воспринимались, они должны, как можно больше друг от друга отличаться. Это требование автоматически ведет к увеличению инвентаря. Вместе с тем также известно, что наш «когнитивный аппарат» всегда стремится к экономии прилагаемых усилий, действует в соответствии с так называемым «принципом наименьших усилий». Среди прочего этот принцип проявляет себя в стремлении минимизации когнитивных усилий, связанных с кодированием и декодированием речи, а также – в силу ограниченности ресурсов памяти – в минимизации усилий, связанных с хранением информации. Как следствие, последние два фактора оказывают негативное влияние на «объем инвентаря». В свою очередь величина «объема инвентаря» оказывает прямое воздействие на другой параметр – «длину слова»: чем меньше инвентарь, тем чаще приходится использовать различные комбинации, тем длиннее получается в результате слово. Другими словами, чем меньше элементов на уровне второго членения, тем больше элементов на уровне первого членения. Однако, когнитивные параметры минимизации затрат на порождение речи и минимизация затрат памяти требует, чтобы длина слова не была большой. На эти требования оказывает влияние противоположное ограничение, связанное с процессом декодирования, которое проявляется в том, что если слово будет совсем короткое, то его будет тяжело воспринимать, и тогда отправитель должен привлекать какие-то дополнительные средства, чтобы снять эти затруднения, что не согласуется с принципом минимизации усилий, связанных с порождением. Таким образом, пропускная способность передачи информации, специфика организации наших когнитивных структур – на все это язык реагирует и под все эти требования извне подстраивается.

Семантика в этой связи находится в более выгодном положении, нежели другие дисциплины языкознания уже с силу специфики своего объекта, в силу того, что она «закрепляет результаты отражения и познания объективного мира, достигнутого в общественной практике людей» [4, с. 237].

Когнитивная семантика включает в себя пять частей [3, с. 8]:

- 1) историю развития семантических представлений;
- 2) принципы когнитивных исследований;
- 3) теорию категоризации и когнитивную семантику;
- 4) когнитивную теорию метафоры;
- 5) репрезентацию значений в семантической памяти.

Эволюция развития семантических представлений привела к тому, что когнитивная лингвистика в целом, как и когнитивная семантика, в частности, зачастую объединяет принципиально различные друг от друга концепции, теории, методологию исследований (философскую концепцию языка В.Ф. Гумбольдта, психологические изыскания Г.Г. Штейнталя, В.М. Вундта, Г. Пауля, А.А. Потебни; логическое направление, представленной в семантике разработками Г.Г. Фреге; структуралистский подход, берущий начало в размышлениях Ф. де Соссюра и подхваченный его учениками или автономно возникший в недрах американского дескриптивизма) [3, с. 9]:

Литература

1. Актуальные проблемы современной лингвистики. М., 2010.
2. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2006.
3. Угланова И.А. Когнитивная семантика. Пермь, 2010.
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

ІНШОМОВНІ ЗАПОЗИЧЕННЯ ТА ТЕРМІНОЛОГІЧНІ КАЛЬКИ У ЮРИДИЧНІЙ ТЕРМІНОЛОГІЇ СУЧАСНОЇ КИТАЙСЬКОЇ МОВИ

Віддаючи данину європейським дослідженням галузі термінології, неможливо оминати увагою такий словотвірний процес як запозичення у юридичній термінології сучасної китайської мови. Під час запозичення чи просто перекладу терміна із однієї мови на іншу потрібно враховувати його специфічні властивості, в тому числі співвіднесеність терміна з поняттям, системність, точність, однозначність і вмотивованість. Переклад терміна повинен бути однозначним і системним, водночас він повинен відображати вмотивованість терміна. Разом із цим бажано щоб термін був коротким і відповідав принципам будови мови.

Запозичений термін – термін, взятий з іншої мови чи з іншої предметної галузі [8, с.16].

Запозичення – елемент чужої мови (слово, морфема, синтаксична конструкція та ін.), який було перенесено з однієї мови до іншої в результаті мовних контактів, а також сам процес переходу елементів однієї мови до іншої. Запозичення окремих звуків та словотворчих морфем (суфіксів, префіксів, коренів) відбувається у процесі їхнього вторинного виділення з більшої кількості запозичених слів. Запозичення пристосовуються до системи мови-позичальниці, а іноді настільки нею засвоюються, що іншомовне походження таких слів не відчувається носіями мови та виявляється лише за допомогою етимологічного аналізу [16, с.158]. Поряд із запозиченням виділяють таке поняття як калька.

Калька – семантичне запозичення шляхом буквального перекладу слова або словосполучення. Калька – це слово, відтворене методом повної морфологічної субституції, поморфемного перекладу [1, т.11, с.234].

Калька – особливий вид запозичення: утворення нового фразеологізму, слова, або нового значення слова через буквальний переклад відповідного іншомовного елемента. Виділяють наступні п'ять видів кальок: словотворчі (структурні) – поморфемний переклад іншомовного слова, семантичні – запозичення переносного значення слова, фразеологічні – дослівний переклад фразеологізму, напівкальки – частина слова або вислову перекладається, а частина залишається без перекладу, фіктивні – виникають внаслідок хибного розуміння морфологічно-семантичної структури іншомовного слова [16, с.211].

Фролова у своїх дослідженнях біологічної термінології вводить такі терміни: термін-іншомовне запозичення (Т-ІЗ) – терміни іншомовного походження, що з певних причин перемістилися в одну з терміносистем СКМ і підпорядковуються її фонетичним і словотворчим нормам; фонетичне запозичення – це слова, зокрема терміни, які у китайській мові зберігають і значення, і форму слова мови-джерела; напівфонетичні запозичення – це терміни, що сполучають у собі іншомовний матеріал з китайським; семантичні запозичення, що часто називають кальками, – це іншомовні слова і терміни, що побудовані за зразком структурно-семантичних моделей іноземної мови з урахуванням словотворчих засобів власної мови [9, с.111-114].

З урахуванням сучасних досліджень [7, с.213-223] у китайській мові виділяють п'ять типів запозичень 外来词: 音译 фонетичні (транслітерація) – 模特儿 модель, семантично-фонетичні, 音译兼意 фонетико-семантичні – 浪漫主义 романтизм, 音译加意译 фонетичне + родове слово – 芭蕾舞 балет, 探戈舞 танго, 啤酒 пиво, 朗姆酒 ром, 意译 семантичні (калька) – 电话 телефон.

Враховуючи основні шляхи іншомовних запозичень, можна говорити про три види вмотивованості китайських термінів: 1) семантична; 2) морфологічна; 3) фонетична. Оскільки китайська мова використовує ідеографічне письмо, частини якого позначають не тільки звуки мови, але і цілі поняття, здатність китайських ієрогліфів до виявлення семантичного значення сильніше ніж до позначення звуків. У свою чергу китайські терміни складаються з ієрогліфів, які характеризуються сильною семантичною функцією, яка віддзеркалює значення слів. У зв'язку з цим семантичну вмотивованість термінів китайської мови слід вважати домінуючою. Це означає, що при перекладі термінів на китайську мову найбільше застосовувався смисловий переклад, а не фонетичний.

Крім смислового перекладу вмотивованість китайських термінів часто виражена за допомогою афіксів, кількість яких більша у термінів, ніж у загальноновживаної лексики. Причому кількість афіксів китайських термінів продовжує збільшуватися, що сприяє розширенню термінологічних систем китайської мови. Водночас, це спосіб виявити морфологічну вмотивованість китайської термінології.

Горелов В.И. пропонує виділяти два типи кальок [2, с.147-150]: структурні (不动产、国际法、自由港、生产关系、世界观), в тому числі японізми або вторинні запозичення (场所、见习、取缔、预算、借方、贷方、保险、概念、判断、前提、积极、消极、仲裁、但书、心理、所得税) та етимологічні (最后通牒、电视机).

Іванов В.В. виділяє три типи кальок: структурні кальки – відбивають модель і внутрішню форму відповідного слова мови-джерела; етимологічні кальки – не відбивають структурної моделі іншомовного слова, – або передають етимологічне значення слова мови-джерела, або в них утворюється власна внутрішня форма; семантичні кальки – це нові одиниці, що зовні збігаються із уже існуючими в китайській мові одиницями, але наділені під впливом індукції новим значенням [3, с.149].

До юридичних термінів запозичених з японської мови можна також віднести [15]: 组织, 纪律, 政治, 革命, 政府, 政党, 政策, 经济, 商业, 社会主义, 共和, 取缔, 引渡, 手续, 目的, 宗旨, 权利, 义务, 当事者, 强制执行, 代价, 债权人, 债务人, 要素, 偶素, 常素, 损害赔偿, 法人, 重婚罪, 契约, 卫生, 文凭, 盲从, 排外, 公敌, 旨趣, 派出所, 警察, 宪兵, 检察官, 水体, 场合, 打消, 动员令, 民主, 储蓄, 创作, 代表, 发明, 规则, 反对, 机关, 劳动, 社会, 系统, 印象, 原则, 证券, 总理 тощо, а також японські суфікси: ~主义, ~化, ~性, ~度. Оскільки "社会" старокитайською означало "集会结社"

– сходка, мітинг, у японську потрапило щоб записати англійське запозичення "society", а потім знову повернулося до китайської вже з новим сьогодішнім значенням "суспільство". "劳动" старокитайською означало "劳驾" – будь ласка, у японську потрапило щоб записати англійське запозичення "labour" – "праця". "经济" старокитайською означало "经世济民" – керувати і допомагати народу, у японську потрапило щоб записати англійське запозичення "economy" – "економіка". "知识" старокитайською означало "相知相识的人" – людина, яку добре знаєш, "knowledge" – "знання" [14]. Усе це так звані вторинні запозичення.

Наступні юридичні терміни дослідники також зараховують до японізмів: 保障, 本质, 必要, 标本, 表决, 博士, 不动产, 策动, 常识, 场所, 成分, 成员, 出版, 出版物, 出超, 出庭, 代表, 登记, 动机, 动议, 独占, 法律, 法人, 番号, 范畴, 分配, 分析, 分子, 封锁, 否定, 否决, 否认, 复员, 复制, 改编, 概括, 概念, 公判, 公诉, 公债, 共产主义, 规范, 国际, 国库, 国事犯, 会计, 积极, 记录, 间接, 见习, 建筑, 鉴定, 讲习, 交换, 交通, 教育, 解放, 介入, 金额, 金融, 就任, 抗议, 科目, 肯定, 理事, 立宪, 例会, 领海, 领土, 明确, 明细表, 目标, 内阁, 能力, 年度, 偶然, 派遣, 判决, 陪审, 陪审员, 企业, 前提, 侵犯, 侵略, 情报, 取缔, 人格, 人文主义, 任命, 入超, 商法, 商业, 少将, 审判, 审问, 生产, 生产关系, 施行, 时间, 世界觀, 市长, 输出, 输入, 私法, 索引, 谈判, 特务取消, 通货膨胀, 同盟, 投机, 投资, 唯物, 文化, 文明, 物质, 系统, 现金, 宪法, 消防, 消费, 消极, 协定, 协会, 心理学, 信托, 信用, 刑法, 学会, 学位, 训令, 讯问, 演出, 演习, 要素, 义务, 议会, 议员, 银行, 引渡, 元帅, 原理, 展览会, 证券, 政策, 政党, 支部, 知识, 指标, 制裁, 制约, 质量, 仲裁, 仲裁人, 主体, 自由, 自治领, 作品, 作者[13].

З наведених вище прикладів термінологічних кальок сфери юриспруденції, виявити їх у словнику неозброєним оком практично неможливо, оскільки вони мають усі ознаки китайських слів.

У китайсько-російському юридичному словнику на 16 тисяч термінів та словосполучень[4] позначених іншомовних запозичень усього 158 одиниць, що складає приблизно 1% від загальної кількості термінів, у тому числі латинізмів – 64, англомовних – 21, американізмів – 73 одиниці. Втім словник не позначає згадані нами вище терміни як іншомовні запозичення, тому повністю довірити словнику роботу по виявленню таких слів неможливо.

Наприклад, знаходимо у словнику такі запозичення з англійської як 巴律师bālǜshī та 大律师dàlǜshī – баристеп; 哀的美敦书āiměidūnshū та 最后通牒zuìhòu tōngdié – ультиматум, які мають у мові по два варіанти, – це скоріше виключення ніж правило, але навіть тут відбувається поєднання фонетичного та семантичного способів запозичення. Причому в мові з часом, як правило, зостанеться найкоротший термін. Так,

наприклад, за корпусом CCL (477 млн. знаків) [11] 最后通牒 вживається 558 раз, а 哀的美敦书 – лише 18 і переважно у переносному значенні; 大律师 – 293 рази, а 巴律师 взагалі не знайдено. Вочевидь фонетично запозичене 可卡因kēkāyīn кокаїн – у словнику не позначене жодним чином; існує також "K粉" – кетамін, що не потрапило до словника. Отже, частіше мова залишає собі короткі семантичні кальки, іноді – фонетичні запозичення чи напівкальки.

Наступні терміни вищезгаданий словник подає як запозичені з латинської: 不受债权人请求权约束的协议 або 不起诉协议 Pactum de non petendo, угода про не порушення позову; 不受欢迎的人персона нон грата; небажана особа; 不予起诉 або 不起诉 заява про відмову від подальшого судового переслідування або від подальшого захисту позовних вимог; 主体错误помилка в тотожності сторони; 买主当心 або 购者自慎покупець діє на свій ризик; 人身保护令 або 人身保护令状 судовий наказ про доставляння в суд особи, що утримується під арештом, для з'ясування правомірності його затримання; 从价відповідно до вартості; "ад валорем"; 但是裁决всупереч рішенням суду; всупереч вердикту (присяжних); 住所地法закон домілія; 依事实по факту; 依循判例 або 根据判例 "стояти на вирішеному"; зобов'язуюча сила прецедентів (при рішенні суду); 依法庭 за рішенням суду; 依法律за законом; 依职权за посадою; 债务履行地法закон місця проведення угоди; 准物权квасіріч, речове право; 出处同上 ibidem, у тому ж місці; 出自公正善良по справедливості; 参见该条що й варто дивитися; 取得时效набута давнина; узукація; 受欢迎的人персона грата; прийнятна особа; 召传令状судовий наказ про формування складу присяжних; 召集新陪审团重审令状наказ про скликання нового складу присяжних для перегляду справи; 委托遗赠 фідейкоміс (доручення, що дає заповідачем спадкоємцеві); 审判地法закон місця розгляду справи; закон суду; 对人 стосовно конкретної особи; 尽管陪审团已作裁决всупереч вердикту присяжних; 已决事项不再理与原则 "рес юдиката"; принцип неприпустимості повторного розгляду вже вирішеної справи; 已判事项"вирішена справа" (юридичний прецедент); 市民法римське, цивільне право; 强制进行判决令 наказ про повернення справи на розгляд до суду нижчої інстанції; 恶意 Mala fides, злий намір; 拘捕在逃被告令судовий наказ про арешт відповідача та про його доправлення в суд у певний день; 收回被僭占的职位的诉讼спеціальне розслідування правомірності претензій на посаду; 最大诚信найвищий ступінь довіри; особлива довіра; 有犯意的злочинний намір;

有追溯效力 після факту; дія (закон) зі зворотною силою; 根据事实 де-факто; на ділі; фактично; у дійсності; 死后 після смерті; посмертний; 民法 1) цивільне право; 2) римське, цивільне право; 永久租借 або 永租 спадкоємна, безстрокова оренда; емфітевзис; 永佃合同 емфітевзис; довгострокова або безстрокова оренда землі; 法律上 юридичний; правовий; де-юре; за законом; по праву; законно; легально; 照价 відповідно до вартості; 现状 існуюче положення; статус-кво; 真实事实 обставини, пов'язані з фактом, що становить сутність спірного питання; 移交民事被扣押人到另一法庭 судовий наказ про передачу особи, що втримується під вартою за наказом суду нижчої інстанції, для розгляду справи у вищій інстанції; 罪体 склад злочину; 罪行发生地 місце правопорушення, злочину; 罪行发生地法 закон місця здійснення злочину; 被告已供认不讳 визнання позову; 被告承认负担债务之诉 позов про збитки через невиконання зобов'язання; 责任不清 сумніви; 责问令状 судовий наказ про розслідування правомірності претензій на посаду, привілеї, право; 越权 поза компетенцією; з перевищенням правоздатності; 一般协议 Pactio, пакт; угода; конвенція.

Як бачимо переважна більшість таких запозичень це фразеологічні кальки, які вводять поняття, що існували ще за часів Римської імперії. Калька використовується особливо в тих випадках, коли ми повинні створити слова для вираження поняття, що прийшло ззовні, і не хочемо вживати іноземне слово; ... завдання сучасного етимолога полягає в тому, щоб визначити формальний матеріал, використаний тим, хто перший створив слово, і те поняття, що він хотів виразити цим словом[5, с.69-70].

Цікавим є факт наявності у запозичених термінів кількох варіантів, що є свідченням неусталеності лексичного матеріалу: 不受债权人请求权约束的协议 або 不起诉协议; 不予起诉 (11) або 不起诉 (228); 买主当心 або 购者自慎; 人身保护令 (6) або 人身保护令状; 依循判例 або 根据判例; 永久租借 (2) або 永租 (3) – причому коротший термін частотніший.

Наступні 210 юридичних термінів також можна зарахувати до термінологічних кальок із латинської мови, хоча і не всі з цих слів потрапили до китайсько-російського юридичного словника: A bon droit 以正当理由 з поважних причин; A dessein 故意 навмисний; Affidavit 宣誓作证书, 书面陈述, 书面证词 давати покази під присягою, письмові покази; A fortiori 更不用说 тим паче; Alias 化名 псевдонім; Alibi 不在犯罪现场证明 алібі тощо[12].

Запозичення наукових термінів китайською мовою може відбуватися наступними п'ятьма способами: семантичний переклад, фонетичний переклад, фонетико-семантичний переклад, семантико-фонетичний переклад і останнім часом можна говорити ще і про графічний переклад.

Останнім часом спостерігається вторинні запозичення юридичних термінів з японської мови, що є свідченням скорішого освоєння нових знань японцями на сучасному етапі еволюції, хоча у попередній період китайці були спритніші, оскільки позичали японській мові свою лексику.

Оцінити обсяг запозичень юридичних термінів до китайської мови досить складно, оскільки калькування понять не обмежується простим фонетичним наслідуванням і, ймовірно, відбувалося через посередництво кількох мов: латинська – англійська/німецька – японська – китайська, а за оцінками спеціалістів запозичені лексичні одиниці англійської мови становлять майже 70% її словникового складу і включають шари лексики, що були запозиченні в різні історичні епохи[10, с.16]; крім того, у сучасному глобалізованому світі, де відбувається тотальне "запозичення" ідей і технологій, зрозуміти, хто перший ввів те чи інше поняття, буває досить важко.

Прямими кандидатами на іншомовні запозичення є юридичні терміни довжина яких перевищує п'ять морфем (близько 15% зазначеного словника), оскільки для китайської мови характерні чотирьохскладові і двоскладові слова.

Істотна ознака термінів – їх міжнародність. Спільність термінології, навіть і при різному фонетичному та граматичному оформленні термінів у кожній окремій мові, дає передумову розуміння суті справи при читанні книги з певної спеціальності, хоча б і написаної на невідомій для читача мові[6, с.63].

Тотожні поняття юридичних термінів існують у багатьох мовах, але обсяг їх значень може не завжди збігатися, тому головне завдання не визначення кількості іншомовних запозичень, а їх "калібровки", узгодження у різних мовах.

Література

1. Большая советская энциклопедия: [В 30-ти т.] / Гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Советская энциклопедия. – 1976
2. Горелов В.И. Лексикология китайского языка / В.И. Горелов. – М., 1984. – 216 с.
3. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке / В. В. Иванов. – М.: изд-во «Наука», главная редакция восточной литературы, 1973. – 173 с.
4. Китайско-русский юридический словарь. Право. Экономика. Финансы. / Под ред. Ахметшина Н.Х., Ли Дэпин, – М., 2005. – 686с.
5. Пизани В. Этимология. История - проблемы - метод / В. Пизани. – М., 1956. – 188с.
6. Реформаторский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996.- 536 с.
7. Семенас А.Л. Лексика китайского языка / А.Л. Семенас; Ин-т востоковедения РАН. – Изд. 3-е, стереотипное. – Москва: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 288с.
8. Термінологія. Визначення основних понять: ДСТУ 3325–96. [Чинний від 1997-01-01]. – К.: Держстандарт України, 1996. – 27с. – (Державний стандарт України).
9. Фролова О.П. Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка. / О.П. Фролова. – Н., 1981. – 133 с.
10. Харитончик З.А. Лексикология английского языка: Учеб. пособие. – Мн.: Выш. шк., 1992. – 229 с.
11. 北京大学中国语言学研究中心 – Режим доступу: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir=xiandai
12. 法律翻译常用拉丁词汇: [електронний ресурс] – режим доступу: <http://www.legaltranz.com/archives/464>
13. 汉语外来词词典中的日语词汇: [електронний ресурс] – режим доступу: http://www.360doc.com/content/07/0923/01/22784_763753.shtml

14. 汉语中的新词语: [электронный ресурс] – режим доступа: http://news.xinhuanet.com/banyt/2006-07/10/content_4812623.htm
15. 外来语: [электронный ресурс] – режим доступа: <http://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%A4%96%E4%BE%86%E8%AA%9E>
16. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.

Каржанова Н.В.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
иностраннных языков и межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВПО «РЭУ им.Г.В.Плеханова»
г.Москва, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В последние несколько лет образ Европы, а также России под воздействием глобальных изменений в политике, экономике и культуре претерпел ряд существенных трансформаций. Исчезли многие границы и барьеры, стали возможными многочисленные миграции, путешествия, торговые взаимодействия, культурный обмен, что неизбежно повлекло за собой смешение языков и культур. Возникло некое единое «многоязыковое и поликультурное» [4, с.19] пространство, отличительной особенностью которого является качественно новый вид коммуникации, рассматриваемый, прежде всего, как диалог культур. Именно этот вид коммуникации призван повысить степень толерантности к носителям различных культур, улучшить их взаимопонимание, предотвратить конфликты и облегчить процесс социальной интеграции в современном обществе.

Межкультурный диалог предполагает открытый обмен идеями, взглядами между индивидуумами и представителями различных этнических, религиозных, языковых и национальных групп, базирующийся на взаимопонимании и взаимоуважении. Следует отметить, что подобный диалог невозможен без наличия у его участников определенных компетенций. Для адекватного межкультурного понимания и эффективного взаимодействия необходимо гармоничное сочетание языковой, коммуникативной и межкультурной компетенции. От человека, владеющего языком, ждут соответствующего уровня культурной грамотности и обращаются к нему как к обладающему достаточным объемом культурологической информации.

Сегодня для всех без исключения стало очевидным, что успешные контакты с представителями других культур невозможны без знания особенностей этих культур и практических навыков в межкультурном общении. Проблема формирования межкультурной компетенции является объектом детального исследования различных наук, таких как лингводидактика, социолингвистика, психолингвистика, педагогика,

психология, менеджмент, культурология. Относительно недавно зародилась новая наука - межкультурная коммуникация (cross-cultural communication) и возникла самостоятельная учебная дисциплина с таким же названием, имеющей своей целью развитие навыков и умений общения у представителей различных культур. Все чаще и чаще заходит речь о необходимости выделения в педагогике особого направления – межкультурной педагогики [1, с.330], призванной сформировать как у обучающего, так и у обучаемого так называемое «межкультурное» или «поликультурное» сознание [3, с.5]. Совершенно особая роль в формировании межкультурной компетенции отводится иностранным языкам, что вполне закономерно, поскольку известно, что любая компетенция не может существовать вне коммуникации, и именно в конкретных коммуникативных ситуациях выявляется уровень языковой и иных видов компетенции.

Практически все ученые единодушны во мнении, что не представляется возможным разграничить язык и культуру. Изучение культуры должно быть интегрировано в процесс овладения языком и не может сводиться лишь к простому набору лингвострановедческих знаний, оно должно затрагивать более глубокие элементы, такие как, например, система ценностей и верований, видение и восприятие мира. Язык оказывает влияние на манеру поведения индивидуума и на его восприятие вещей, культура же является встроенной в сам язык, в его структуру, его лексический состав и в этой связи должна преподаваться одновременно с языком. На современном этапе преподавания иностранных языком основной целью обучения должно стать не столько овладение языковой структурой, сколько приобретение межкультурной компетенции. Преподавание языка можно рассматривать, скорее, как средство формирования данной компетенции. Как отмечает Мириям Дени «языковое занятие – это особый момент, который позволяет обучающемуся открыть для себя другое видение реальности, другие ценности, другой образ жизни... Следовательно, изучение иностранного языка обозначение вступление в контакт с новой культурой» [5, с.62].

В связи с культуuroобразующей концепцией обучения иностранным языкам в настоящее время наблюдается отход от абсолютизации коммуникативного подхода и чисто коммуникативной компетенции в качестве цели обучения и говорится только о коммуникативной ориентации учебного процесса. Знание языка предполагает возможность установления контакта с носителем языка и культуры, а в рамках поликультурного и многоязыкового пространства, каковым является любое современное общество, речь идет о взаимодействии одновременно нескольких иноязычных культур и родного языка и культуры коммуниканта. Отсюда вытекают особые требования, предъявляемые как к изучающему иностранный язык, так и к обучающему. Осознавая важность формирования межкультурной компетенции, и как следствие, поликультурного сознания как обязательного условия гармоничного сосуществования и взаимодействия

представителей разных языков и культур, многие преподаватели иностранных языков испытывают некоторую растерянность при выборе методик и средств, призванных решить данную задачу на занятиях по иностранному языку. С одной стороны, это объясняется сложностью, многогранностью понятия межкультурной компетенции. С другой же стороны, преподаватели иностранных языков часто сами не ощущают себя достаточно компетентными в этой сфере или ошибочно полагают, что для формирования и развития данного вида компетенции учащиеся должны обладать достаточно высоким уровнем языковых знаний.

Под межкультурной компетенцией понимается способность осуществлять общение на иностранном языке с учетом разницы культур и стереотипов мышления. Овладение межкультурной компетенцией не ограничивается приобретением многообразной информации о культуре страны изучаемого языка, оно включает в себя целый ряд навыков и умений, определяющих способность вступать в контакт с представителями других культур, коммуницировать с ними и взаимодействовать. Обучающийся не должен иметь очень высокий уровень владения иностранным языком для формирования элементарных навыков и умений. Обучающий, в свою очередь, также не обязан иметь разного рода знания, касающиеся культуры страны преподаваемого языка, так как он может их приобрести в процессе обучения. Скорее, ему необходимо наличие поликультурного сознания, которое позволит ему создать на своих занятиях все предпосылки для мотивирования обучающихся к осознанию многообразия и различия культур, их сопоставлению, к анализу того или иного явления в культурном контексте с опорой на знание особенностей родной культуры. И обучающий и обучающийся должны быть психологически готовы к тому, что процесс овладения межкультурной компетенцией потребует от них постоянной смены ролей: в любой момент обучающий может стать обучаемым и наоборот, поскольку это всегда интерактивное взаимодействие. Обучающийся должен быть как никогда прежде максимально вовлечен в процесс обучения, поскольку межкультурная компетенция тесным образом коррелирует с его личностными характеристиками, такими как осознание собственной индивидуальности, своих убеждений и ценностей, собственное понимание добра и зла, определение реальности и т.д. Если ранее при обучении иностранным языкам основное внимание уделялось восприятию обучающимся различных коммуникативных ситуаций с целью формирования коммуникативной компетенции, то сегодня акцент смещается в сторону деятельностного подхода. Приоритетом обучающего отныне становится моделирование или создание аутентичных ситуаций, в которых обучающийся мог бы реализовывать действия как социальная личность совместно с другими участниками коммуникации, направленные на достижение коллективных целей, и в которых использование иностранного языка было бы не только вполне оправданным, но и необходимым. При этом обучающий также становится одним из участников межкультурной

коммуникации наряду с обучающимся и другими носителями иноязычных культур.

Межкультурная компетенция – понятие очень многогранное, она обладает комплексной структурой. Детерминантами межкультурной коммуникации являются различные ценностные ориентации, выражающиеся в специфическом отношении к природе, времени, пространству, характеру общения, характеру аргументации в ходе общения, личной свободы индивида, природе самого человека, без знания которых невозможно формирование межкультурной компетенции. Кроме того, можно говорить о наличии у обучающегося данного вида компетенции только при наличии у него следующих основных навыков и умений:

- способность устанавливать взаимосвязь между родной и другой культурами, выявлять общие моменты и различия;
- осознание культурной идентичности и способность использовать различные стратегии с целью установления контакта с представителями других культур;
- способность выполнять роль медиатора родной культуры при общении с представителями других культур;
- способность прогнозировать наличие конфликтов и недоразумений, вызванных культурными различиями и предотвращать их;
- способность преодолеть стереотипные представления об иноязычных коммуникантах.

В ходе формирования межкультурной компетенции можно выделить следующие этапы:

- осознание особенностей собственной культуры и идентификация личности как носителя определенной культуры;
- осознание влияния культуры на речь и поведение личности;
- выявление общих ценностей и различий в другой культуре;
- осознанное принятие различий в другой культуре;
- адаптация собственного поведения к различиям в другой культуре;
- аккультурация (интеграция двух культур), т.е. сохранение своей культурной идентичности и включение в другую культуру, в результате которого можно говорить о возникновении бикультурной или многокультурной личности. Очевидно, что последний этап является самым сложным для достижения, это идеал, к которому необходимо стремиться.

В зависимости от того в какой степени у коммуниканта сформирована межкультурная компетенция, принято выделять пять основных профилей участников межкультурной коммуникации:

1. Некомпетентный и бессознательный – коммуникант передает некое сообщение, при этом не учитывая трудности, испытываемые собеседником при декодировании данного сообщения.

2. Некомпетентный и сознательный – осознает проблемы, возникающие при декодировании сообщения, и использует различные способы передачи сообщения с целью преодоления этих проблем.

3. Компетентный и бессознательный – коммуниканту удастся донести свое сообщение до собеседника, но он не осознает каковы механизмы декодирования.

4. Компетентный и сознательный – он четко представляет себе какой способ передачи сообщения является наиболее результативным.

5. Суперсознательный и компетентный – данный коммуникант прекрасно адаптируется к любой ситуации межкультурной коммуникации.

Необходимо отметить, что современная система образования располагает достаточно широким выбором способов и методов обучения межкультурной коммуникации. Структура межкультурной компетенции и принципы, на основе которых осуществляется формирование функциональных умений, позволяющих адекватно оценить коммуникативную ситуацию и воплотить в жизнь коммуникативное намерение, определяют подбор наиболее эффективных среди них, а именно таких методов, «которые не просто преподносят готовые факты из реальной жизни, но требуют анализа этих фактов в виде диагностики конкретных ситуаций межкультурного общения и генерирования всех имеющихся знаний и навыков для преодоления культурного непонимания»[2, с.249]. С этой целью в преподавании иностранных языков на современном этапе предпочтение должно отдаваться так называемые «активным» [7, с.520] методам, таким как дискуссии, разнообразные ролевые игры, анализ ситуаций, метод проектного обучения, различные тренинги, позволяющие обучаемому погрузиться в активное контролируемое общение. Эти методы дают возможность развернуть любую проблему в динамике. Именно благодаря активным методам обучения участники коммуникации не только приобретают необходимые навыки общения и взаимодействия, но и развивают уверенность в себе, что оказывается одним из обязательных условий успешности межкультурного диалога, а также формируют способность к гибким взаимоотношениям как с представителями других культур, так и с носителями родной культуры.

Смещение акцента в сторону активных методов обучения иностранным языкам влечет за собой необходимость широкого использования на занятии и за его рамками передовых мультимедийных технологий, таких как телевидение, видеофильмы, интернет, поскольку они являются для обучающего и обучаемого одним из основных источников аутентичного материала. Это могут быть различного рода интервью, личные рассказы, которые позволяют идентифицировать личность, ее особенности мышления и восприятия окружающей действительности, способ выражения мыслей. Кроме того, представляется целесообразным использовать рекламные документы, литературные тексты, некоторые статьи из прессы, которые отличаются имплицитным характером, а также каталоги туристических агентств, туристические гиды, книги кулинарных рецептов, учебники, подборки фотографий, комиксы, карикатуры, стихи, песни и.т.д. При этом, интернет может быть использован не только как источник информации,

необходимой для моделирования ситуаций межкультурного общения, но и как средство реального общения с представителями других культур. А как известно, компетенция не существует вне коммуникации.

В заключение необходимо подчеркнуть, что формирование и приобретение межкультурной компетенции – это процесс комплексный, сложный, весьма трудоемкий, требующий креативного подхода как от обучаемого, так и от обучающегося. Межкультурная компетенция – это компетенция особой природы, основанная на знаниях, умениях и способностях вести межкультурный диалог посредством создания общего для коммуникантов значения происходящего и достигать в итоге позитивного для обеих сторон результата общения. Наличие данной компетенции является обязательным условием для успешной коммуникации с представителями мирового сообщества.

Литература

1. Миролюбова А.А. Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность. Обнинск, 2012.
2. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: учебное пособие. Москва, 2012.
3. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. Москва, 2010.
4. Conseil de l'Europe. Livre Blanc sur le Dialogue Interculturel. France, 2008.
5. Conseil de l'Europe. Le Cadre européen commun de référence pour les langues (CECRL / CEFR). Paris, 2005.
6. DENIS M. Former les élèves à l'interculturel // *Dialogues et culture* n° 44, Paris, 2000.
7. Porcher L. Interculturels: une multitude d'espèces // *Le Français dans le monde*, n° 329. Paris, 2009.
8. Springer Cl. Vers une pédagogie du dialogue interculturel: agir ensemble à travers les nouveaux environnements numériques sociaux. Provence, 2009.

Ходоренко А. В.

Докторант кафедры перевода
Днепропетровского национального университета
им. Олеса Гончара, к.ф.н., доцент,
Г. Днепропетровск, Украина

НОМИНАЦИИ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЛЮДЕЙ В ДИСКУРСЕ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Проблема, которая освещается в статье – особенности наименований объединений людей дискурса XVIII – XX вв. Номинации групп лиц (далее НГЛ) – это имена, выбранные самой группой лиц в соответствии с общностью интересов, рода занятий. Цель статьи охарактеризовать в общих чертах номинации объединений людей (кружков, литературных обществ, групп) дискурса XVIII – XX вв., а также выяснить перспективы дальнейшего исследования исторических НГЛ.

Объектом исследования являются такие исторические названия обществ (исторические НГЛ) как «Новый путь», «Вопросы жизни», «Мир искусства», «Весы», «Золотое руно», – это наименования обществ и объединений, которые издавали свои журналы с одноименными названиями.

Отметим, что этот пласт входит в поле нашего исследования номинаций групп разных периодов времени, коммерческих и некоммерческих объединений (наименования Интернет-групп, таких как «*За морем житье не худо*», коммерческих предприятий ООО «*Мир окон*», АО «*Океан надежд*», ЧП «*Клондайк*», творческих коллективов, таких как «*Поющие мандаты*» и т. п. (см. [2]).

НГЛ влечет ассоциативные связи в сознании, отображает признаки своего времени, исторического периода, в котором живут и творят люди, объединяющиеся в группы с разными номинациями. Л. Г. Березовая в своей статье «Творческие объединения Серебряного века» отмечает следующее. Важной характеристикой культурного механизма Серебряного века были литературные и художественные объединения, число которых в начале XX в. достигало нескольких десятков только в столицах. Новое рождалось в спорах, в общении, в исключительном многообразии идей. Создалась мода на всякого рода клубы, артистические кабаре и «собрания». Условие было одно: как можно больше необычного и оригинального, что подстегивало воображение и творческую фантазию. Некоторые собрания приобрели особенную популярность и стали своего рода творческими «лабораториями». Особенно выделялись несколько столичных объединений интеллигенции: объединение «аргонавтов», кружок «*Гафизы*» [1]. История создания обществ началась с подписания 31 октября 1765 г. императрицей Екатериной II устава *Вольного экономического общества* (ВЭО). В социально-культурной сфере действовали всевозможные благотворительные общества, среди них – *Литфонд*, *Религиозно-философское общество*, «где собирались З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковский, Д. В. Filosoф, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой. Петербургское религиозно-философское общество именовало себя в честь Владимира Соловьева и сочетало светскую и церковную религиозность. Среди участников заседаний бывали Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Г. И. Чулков» (цит. по [1]).

Н.А. Бердяев замечал, что на собраниях объединений и кружков «загоралось сознание огромного значения искусства для русского Возрождения» (цит. по [1]). И общества и номинации обществ демонстрируют наличие культурной ценности как причины своего создания и деятельности. Мы заметили, что в номинациях присутствует юмор, как например в НГЛ «*Ослиный хвост*» (см. таблицу 1). Тем более изучение исторических номинаций имеет значение для понимания характера эпохи своего возникновения, рождения, существования, а равно и своеобразие жизни, успехов, неудач, ошибок и побед лучших представителей русской интеллигенции, людей искусства, богемы. Для иллюстрации анализируемых НГЛ нашего фактического материала ниже (в таблице 1) мы приводим несколько известных объединений с кратким описанием их деятельности. Развернутый список исторических НГЛ приведен в приложении к настоящей работе.

Таблица 1.

НГЛ периода начала XX в.

Место/ Период	НГЛ	Описание
Москва, 1912	<i>ОСЛИНЫЙ ХВОСТ</i>	«ОСЛИНЫЙ ХВОСТ», группировка молодых русских художников (М.Ф. Ларионов, Н.С. Гончарова, К.С. Малевич, В.Е. Татлин), организовавших две одноименные выставки
Москва, 1928-32	<i>ОКТЯБРЬ</i>	«ОКТЯБРЬ», объединение художников, архитекторов, деятелей кино и критиков
Москва, 1928-31	<i>ОМХ</i>	ОМХ (Общество московских художников), Члены: С.В. Герасимов, И.Э. Грабарь, Н.П. Крымов, А.Д. Древин, А.В. Куприн, А.В. Лентулов, А.А. Осмеркин, Р.Р. Фальк
Москва, 1926-32	<i>ОРС</i>	ОРС (Общество русских скульпторов). Члены общества (Н.А. Андреев, А.С. Голубкина, С.Д. Лебедева, В.И. Мухина, И.Д. Шадр и др.)

На рубеже XIX – XX вв. возникли новые общественные организации: научные – «Русское горное общество», «Русское металлургическое общество»; творческие – объединение художников «Мир искусства», «Русское театральное общество»; культурно–просветительные – «Общество любителей старины»; спортивные – «Российское общество туристов» (1895 – 1929); социального обеспечения – «Всероссийское литературно-драматическое и музыкальное общество им. А.Н. Островского» (1909 – 1929) и др. В период 1905 – 1907 гг. появились профсоюзы – организации рабочих и служащих для защиты своих экономических интересов, создаваемые по профессиональному признаку. Однако после спада революции большинство профсоюзов прекратили свое существование, а деятельность оставшихся носила полулегальный характер. В начале XX в. в России существовали следующие основные группы легальных организаций: а) буржуазно-помещичьи, экономические; б) социального обеспечения (благотворительные и взаимопомощи); в) просветительные; г) здравоохранительные; д) научные; е) литературно-художественные. Научные общества (их насчитывалось свыше 300) зачастую возглавляли представители интеллигенции – Д.И. Менделеев, Н.Н. Зинин, А.М. Бутлеров, Н.Е. Жуковский, К.А. Тимирязев, И.П. Павлов, В.О. Ключевский и другие (цит. по [1]).

Однако многие плодотворные идеи, замыслы и проекты оставались неосуществленными. События 1917 г. изменили задачи и функции общественных организаций, превратив их в полугосударственные органы. Наряду со старыми дореволюционными обществами и союзами, часть которых продолжала работать в своей области (например, «Русское археологическое общество», 1846 – 1924), «Товарищество передвижных

художественных выставок» (1863 – 1923), возникло множество новых общественных объединений. Среди них – научные («Всероссийская ассоциация физиков», «Ассоциация натуралистов», «Научное общество марксистов» и др.); творческие («Пролеткульт», «Всероссийский союз поэтов», «Сератионовы братья», «Общество строителей пролетарского кино» и др.); благотворительные («Международная рабочая помощь», «Международная организация помощи борцам революции» и др.); культурно–просветительные («Союз воинствующих безбожников», общество «Долой неграмотность» и др.); молодежные и другие союзы и общества. Ведущее место занимали профсоюзы, наиболее массовые организации трудящихся, построенные по производственному признаку («одно предприятие – один союз»). К середине 1930–х гг. прекратили свое существование организации, возникшие сразу после революции: общества «помощи и взаимопомощи», деловые клубы, творческие объединения различных направлений и др. Одновременно создавались крупные централизованные объединения (союзные или республиканские), такие, как *Союз писателей СССР*, *Союз советских архитекторов*, *Всесоюзное химическое общество им. Д. И. Менделеева* и др. Деятельность общественных организаций целиком подчинялась интересам партийных органов. В законодательных актах правительства были регламентированы все стороны жизни общественных организаций: их правовой статус, устройство, формы и методы деятельности. Отметим, что деятельность организаций настоящего периода не регламентируется законодательно. Не существует и ограничений по выбору наименований. Само законодательство ранее содержало ряд принципиальных моментов, важнейшим среди которых был классовый подход к созданию и оценке деятельности общественных организаций. В СССР существовали следующие общественные организации: а) профессиональные союзы во главе с ВЦСПС; б) молодежные организации; в) научные общества (*Союз научных и инженерных обществ СССР*, *Философское общество СССР* и др.); г) творческие союзы и общества (*Всероссийское театральное общество*, *Союз журналистов СССР*, *Союз художников СССР* и др.); д) культурно–просветительные общества (*Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры*, *Всесоюзное общество «Знание»*, *Советский фонд культуры* и др.); е) оборонно–спортивные общества и союзы (*ДОСААФ*, *Всероссийское общество спасания на водах*); ж) общества взаимопомощи и социальной помощи (*Всесоюзный совет ветеранов войны и труда*, *Советский фонд мира* и др.); з) общественно–политические объединения (*Советский комитет защиты мира*, *Ассоциация содействия ООН в СССР*, *Советский комитет солидарности стран Азии и Африки* и др.). *Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами*, *Советский комитет защиты мира* поддерживали отношения с зарубежными неправительственными институтами. Многие общественные организации

издавали печатную литературу, имели символику, в том числе значки, марки.

С конца 1980–х гг. начался новый подъем общественной активности и самодеятельности масс. Среди возникших объединений, получивших широкую известность, – историко-просветительское общество «Мемориал», комитет «Апрель» («Писатели в поддержку перестройки»), Союз потомков российского дворянства и др. В конце 1980 – начале 1990-х гг. как в Москве, так и в других городах России возникло большое количество молодежных объединений политического, экономического, социального характера. Среди них – *Союз учащейся молодежи (1989)*, *Сибирский демократический союз молодежи (1989)*, *Ассоциация студентов (1990)*, *Демократическая молодежь России (1993)*, *Студенческий патриотический союз*.

Таков пласт НГЛ периода прошлых веков. Как видно из примеров, НГЛ исторического периода демонстрирует прагматическую функциональность (служит целям коммуникации в обществе), переданную разнообразием форм в рамках первичной и вторичной номинации. Как современные, так и исторические НГЛ обладают разнообразными функциями. Функциональность любого языкового знака особенно важна во избежание семантической пустоты знака. Семантическое содержание зависит от прагматической установки языкового образования, от выполняемых им функций. Перспективой дальнейшего анализа исторических НГЛ мы видим в установлении закономерностей процессов актов номинаций, выделение структурных (моделей слов, словосочетаний) и семантических особенностей НГЛ исторического периода в сравнении с современными номинациями.

Литература

1. Березовая Л.Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия) // Новый исторический вестник: [журнал государственного гуманитарного факультета], – 2001 № 3 (5) , – Доступ к эл. ресурсу: <http://www.nivestnik.ru/index.html>
2. Ходоренко А.В. Когнитивные особенности функционирования русской антропонимики (на примере наименований групп лиц) монография , – Днепропетровск: «Пороги», – 2011. – 423 с.

НОМИНАЦИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблема, которая в общем виде ставится в данной статье, – особенности процессов номинации в приложении к объекту исследования – наименованиям компьютерных игр (далее НКИ), такими как *Расплавленное небо*, *Анабиоз: Сон разума*, *Месть гладиатора*, *Русский Брейвик* и т. п. Цель статьи – в общих чертах особенности номинаций компьютерных игр как его составную Интернет языка, назвать некоторые найденные нами жанры компьютерных игр и дать примеры «жанровых» номинаций, номинативных процессов в пространстве фактического материала исследования в преломлении Интернет-лингвистики.

Компьютерная игра (иногда используется термин «видеоигра») – компьютерная программа или часть компьютерной программы, служащая для организации игрового процесса («геймплея»), связи с партнёрами по игре, или сама выступающая в качестве партнёра. Компьютерные игры часто создаются на основе сюжетов фильмов и книг. Компьютерные игры оказали столь существенное влияние на общество, что в информационных технологиях отмечена устойчивая тенденция к «геймификации» для неигрового прикладного программного обеспечения (см. [1]).

Компьютерные игры могут быть классифицированы по нескольким признакам. По жанру игра может принадлежать как к одному, так и к нескольким жанрам, а в уникальных случаях – быть вне жанров. Компьютерная игра и их номинации – порождение Интернет пространства, НКИ имеет особенности единицы языка пространства Интернет, в котором функционирует. Научная мысль разрабатывает проблематику Интернет-лингвистики, особенностей языка Интернет.

Остановимся на некоторых аспектах языка Интернет. Языку Интернета, «Интернет-лингвистике» (в терминологии Л. Ф. Компанцевой [1]) посвящены многие современные исследования (см. об этом [1]).

Интернет представляет собой полигон, на котором разворачивается испытание естественного языка (цит. по [3, с. 47]). Язык сети Интернет отличается и от литературного, и от разговорного языка. Некоторые исследователи полагают, что любой язык и как система, и как средство подвергся активному воздействию сети Интернет (цит. по [3, с. 64]). Номинации в языке Интернет также имеют свои особенности. Одной из таких особенностей есть метафоризация номинативных процессов НКИ. Метафора как мост между денотатом, референтом, сигнификатом представляет основной способ номинаций компьютерных игр. Примерами метафор в НКИ являются: *Стихия воздуха*, *Центурион*, *Расплавленное небо*, *Сон разума*.

Процессы и структуру актов номинации принято описывать исходя из трехчленного отношения (т. н. «семантического треугольника») «реалия – понятие – имя» (см. [2]). Каждый компонент этого универсально-логического отношения номинации в ее конкретно-языковом воплощении обогащается признаками, характерными для определения мира в языке.

1. Реалия предстает как денотат имени, то есть как совокупность свойств, вычлененных в актах номинации у всех обозначаемых данным именем реалий (класса объектов). Отметим, что в нашем случае «реалия» представляет собой некую «фантазийную сущность», «ментальную репрезентацию» мировосприятия автора НКИ. Денотатом НКИ является сама компьютерная игра. НКИ соответствует виду и жанру игр. Приведем примеры: НКИ жанра «Ужасы» (примеры номинаций: серия игр *Страх*, *Черная скала*, *Зло Президента*). Существуют и другие жанры, например, ролевая игра (RPG – англ. Role Playing Game) – игра, отличительной особенностью которой является наличие у персонажей определённых навыков и характеристик, которые можно обрести, а впоследствии развивать, выполняя какие-либо действия. К этому жанру относятся и многопользовательские ролевые игры (ММОРПГ), которые, в отличие от однопользовательских, не имеют ни конечной цели, ни законченного сюжета. Примеры НКИ: *Готы*, *Забвение*.

2. Понятие, вбирая в себя категориальные признаки, выступает как сигнификат (смысл) имени, в который могут входить экспрессивные признаки. Скажем, что понятия, создаваемы НКИ – это категории «мифической», «фантазийной», «виртуальной» действительности. Примеры: *Гладиатор*, *Гоблины*, *Орки*.

3. В теории исследований номинации говорят о звукоряде, когда имя осознается как звукоряд, расчленяемый в языковом сознании в соответствии с организацией конкретного языка [2, с. 5]. Мы в нашем случае говорим о формальной структуре НКИ, представленной в фактическом материале словом (пример НКИ *Комбат* словосочетанием (с сочинительной и подчинительной связью, именные и глагольные), пример НКИ: *Живой или мертвый*, *Неизвестный враг*, *Просто танцуй*, *Люди и гоблины*.

Результаты процессов номинации в НКИ сводятся к обозначению элементов внеязыковой действительности в языковом знаке НКИ. В процессах номинации, НКИ приспособляет элементы языка к идентификации элементов действительности или к сообщению об их признаках (особенности той или иной игры) в номинации. Особенности номинаций компьютерных игр является метафоризация понятий внеязыковой действительности. С помощью метафор создается имплицатура имени НКИ. НКИ денотирует компьютерную игру, апеллируя к понятию сигнификата внеязыковой действительности, с которого происходит метафорический перенос признака этой внеязыковой действительности на объект – компьютерную игру.

Литература

1. Компанцева Л.Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. – Луганск: Знание, 2008. – 321 с.
2. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания: учеб. пособие – М. : Просвещение, 1975. – 271 с.
3. Ходоренко А. В. Наименования лиц в русскоязычной интернет-коммуникации: структурный и семантический аспекты : дисс. на соискание учен. степени канд. филолог. наук : спец 10.02.02 «Русский язык» – Днепропетровск, 2005. – 226 с.

Щеголь Л.Д.

*аспірантка Київського національного університету
імені Тараса Шевченка
м. Київ, Україна*

СТАНОВЛЕННЯ ІСТОРИЧНОГО СЕРБСЬКОГО РОМАНУ У КОНТЕКСТІ ЛІТЕРАТУРНОЇ ТРАДИЦІЇ 60-80-Х РОКІВ ХХ СТОЛІТТЯ

Прагнення мислити історично – тобто, бачити життя у розвитку, в складному процесі переходу від дня «вчорашнього» до дня «завтрашнього», бачити соціально масштабно – диктувалося ХХ століттям із непорушною владністю. Від подій, що трапились нещодавно, до подій, що відбувались декілька століть тому – усе сприймається та обмірковується із особливою інтенсивністю, бо так чи інакше допомагає зрозуміти сучасність.

Кінець другої світової війни став новим етапом розвитку політичних, економічних, духовних, загальнокультурних відносин – своєрідним кордоном нового часу та нового світу. Поразка фашизму, перемога народної революції відкрили перед сербським народом шлях нових, глибоких, революційних перетворень. [1, с. 417]. Розвиток Сербії ускладнювався тяжким економічним становищем країни, занепадом сільського господарства, промисловості, малорозвиненістю наукової сфери. Влада неодноразово змінювала конституційні закони, вносила певні доповнення до Конституції (1953р., 1963р.) з метою ліквідації економічної та науко-технічної відсталості країни. В 60-70-ті рр. у зв'язку з високою інфляцією, зростає кількість емігрантів, які в пошуках кращих умов праці та життя виїждять цілими сім'ями за кордон. Політика децентралізації Й. Броз Тіто хоч і мала позитивні наслідки в економічних питаннях, поліпшила та прискорила розвиток промисловості, але призвела до загострення міжетнічних відносин.

У політичному відношенні період 60-х рр. в Сербії ознаменувався деякою демократизацією суспільного життя і подальшою лібералізацією економіки. Проте пізніше була проведена масова чистка партійних рядів, в результаті якої при владі опинилися прихильники догматичного марксизму. Це призвело до посилення контролю комуністичної партії над економікою та іншими сферами життя, нового витка індустріалізації. У цей час, децентралізація країни призвела до фактичного розпаду спільного ринку та

ізоляції національної економіки. Економічне зростання змінилося стагнацією і, в кінці 1970-х рр., падінням[1, с. 420].

Усі ці факти історичного розвитку Сербії вплинули на розвиток літератури 60-80-х рр. XX століття. Протистояння політичних ідей багато в чому визначило тенденції розвитку літератури цього періоду. У творах сербських письменників знайшли своє відображення найважливіші та найвагоміші проблеми сучасності, соціалістичного будівництва, в ході якого вершилося формування нової людини. Трагічність післявоєнного буття продукувала відчуття того, що зовнішній світ став негуманним, не справжнім, агресивним. Це призвело до виникнення нових варіантів відображення дійсності: посилюється наявність міфологічного начала у творах[7, с. 951]. Письменники, осмислюючи роль людини у створенні власного середовища проживання, її відповідальність за існування цивілізації, створюють калейдоскопічну картину життя різними, а часто і протилежними способами.

Політичні та культурні зміни, що відбулися в Сербії після другої світової війни, ангажуючи суспільство і мистецтво, спричинили за собою зміни не тільки художніх систем, але й абсорбували появу нових жанрових форм. Потреба відтворення історичних подій та осмислення того, що сталося, призвело до зрощування художніх і документальних варіантів відображення реальності, де недавнє минуле стало джерелом роздумів про сьогодення. Інтерес до глибинних «коренів», до національних засад породжує процес самоідентифікації нації та визначення її місця у всесвітній співдружності.

Розглядаючи мистецтво цього періоду, необхідно зауважити, що воно продовжує синтезувати різні художні способи відображення дійсності. Якщо говорити про принципову різницю інтерпретації світу, то для літератури 60-80-х рр. XX століття важливим є наголос на тотальному відчуженні людини, а проза тяжіє до скрупульозного і докладного аналізу найпотаємніших куточків людської душі, розкладаючи її на найдрібніші складові. Вона втягує у свою орбіту неоміф, символ, розуміння екзистенційності буття, умовний та ліричний початок, звернення до архетипів, тому що архетипні константи дозволяють відновити єдність світу й віру в майбутнє[4, с. 117].

Дослідження характерних сегментів літературного процесу 60-80-х рр. XX століття дозволяє зробити висновок, що провідною тенденцією їх розвитку є тенденція «деканонізації» [5, с. 15], яка характеризується не взаємодією різних жанрових різновидів роману, а повним стиранням граней, що покладені в основу диференціації типів та підтипів жанру роману. Таким чином виникають нові приклади романістичної прози, які характеризуються складною оповідною структурою та розривом із канонами роману класичного вольтерівського типу. Відбувається взаємопроникнення різних ідейних, філософських та естетичних тенденцій, які реалізувалися у неймовірних комбінаціях літературного процесу та твору зокрема[4, с. 119].

Ідейно-естетичні пошуки визначили й вплинули на розвиток та становлення романної прози і характеризувалися певним непрямолінійним

розвитком літературного процесу із дійсною реальністю. Література шукала відповідні сучасні художні світосприймальні форми, експериментувала, пробувала свої сили в освоєнні досить детермінованого світу та суспільства у післявоєнній дійсності. Активізується розвиток роману, який триває і до сьогодні. Актуалізується використання терміну «час роману» для атрибутування концептуального жанрового напрямку літератури другої половини ХХ століття[3, с. 197]. Роман стає основним жанром, що визначає розвиток усього літературного післявоєнного процесу. Але, налагодивши зв'язки із сучасною європейською та російською літературами, сучасний сербський роман розкриває багато невикористаних можливостей.

Якщо традиційний сербський роман тісно пов'язаний із оповіданням, то сучасний роман розвивається у безпосередньому контакті з поезією та характеризується зміщенням основної уваги у бік морально-етичної проблематики на рівні окремої особистості[6, с. 252-253]. Романісти приносять у роман не лише ліричні почування та поетичну метафорику, а й досвід, притаманний поезії, що призвело до глибинних трансформацій у структурі роману, схожих на ті, що домінували першими десятиліттями у європейській літературі та романістичній манері загалом.

Зацікавлення минулим та історією активізує розвиток жанру історичного роману, який розвивається двома напрямками: перший – спроектований на зображення історичного минулого, як самостійного та незалежного явища, а другий – виокремлює у минулому той чи інший період або проміжок історичного часу, який можна було би співствити та співвіднести із сучасним[6, с. 254]. Характеризуючи та досліджуючи ці два напрямки, варто зазначити, що перший напрямок уособлює собою історичну прозу, а другий – прозу «зв'язку часів»[6, с. 260].

Романи, що апелюють до минулого, все частіше проймаються історизмом художнього мислення. Характери та проблеми наближуються до сучасності та проводять паралелі між минулим та сьогоденням. Таке звернення наголошує на витоках національного характеру та елементах багатовікового досвіду. Загострюються проблеми громадянської активності, самостійності суджень, сміливості діянь, споживацького ставлення до життя. Створюється нове поєднання соціально-історичної універсальності та конкретності, завдяки вмілому висвітленню індивідуального та його зв'язок із досвідом мільйонів.

Звернення до проблем історичної пам'яті також пояснюється визначенням історії, як спірального розвитку причинно-наслідкових подій, що з певної періодичністю повторюються у житті людства. Сприйняття реальної дійсності відбувається через індивідуальну свідомість. Реальність історичної основи часто досягається завдяки прямому використанню документів, архівних матеріалів та інших документів такого ґатунку, як це зробили М. Цирнянський та І. Андрич.

В історичному романі на перший план виходять глобальні проблеми добра і зла, війни та миру, справедливості та несправедливості,

характеристики трансформації моральних усталених норм[3, с. 203]. Автори прагнуть відтворити нещодавнє минуле та по свіжим слідам описати вплив усіх цих подій на життя та свідомість героя. Предметом розгляду для автора ставали вчинки людини, особистості, що були породженні її соціально-суспільною приналежністю. Зображуються взаємини свідомого і несвідомого в людині, механізмів його сприйняття, примхливість роботи пам'яті[3, с. 205].

Ініціативна зацікавленість потаємними куточками людської свідомості народжує новий тип сучасного героя роману – людину слабку перед титанічними випробуваннями долі та жаття. Автора цікавить не опис подій та випробувань, що випали на долю героя, а безпосередні зміни у свідомості героя, коли він стикається з ними. Сучасний герой зображується, як правило, у всій цілісності своїх переживань, свого суб'єктивного буття, хоча сам масштаб його життя може бути дрібним, нікчемним. Особистість та її духовний світ розглядаються у прямій співвіднесеності із закладеними в минулому чинниками, що допомагає автору більш докладно та влучно дослідити особливості духовного світу людини в контексті історії[6, с. 260]. Стають цікавими не тільки закони успадкування та наслідування, а спадкоємність, пов'язана із формуванням духовно-морального світу, на основі минулих традицій.

Отже, як висновок, – починаючи з 60-х рр. ХХ століття сербська література перебуває на перехідному етапі, коли відтворення героїчних догм війни стало абсурдним, письменники починають розвінчувати міф героїчного вчинку, вбачати в ньому не лише відважність та мужність, а абсурдність вбивства, цим самим засуджуючи політику Й.Броз Тіто. Таке протистояння не могло відбуватися у прямій формі, тому доводилось використовувати алегоричний спосіб відтворення дійсності, апелювати до історії минулих часів, щоб на фоні минулих епох підняти актуальні проблеми сучасності, показати циклічність історичного процесу, продемонструвати зв'язок часів. У цьому руслі актуальним жанровим різновидом виступає історичний роман. Головний герой таких творів – виходець війни, який розглядається як особа, що протистояла фашистським силам, а предметом дослідження стають зміни у свідомості героя.

Література

1. Історія західних і південних слов'ян (з давніх часів до 20 ст.) : Курс лекцій: Навчальний посібник для студ.історич. спеціальностей вищ. навч. закл. / За ред. В.І. Ярового; Авт.: І.І.Ілюшин, С.І.Лиман, П.М.Рудяков. – 2-ге вид., стереот. – Київ : Либідь, 2003.
2. Мещеряков С.Н. Жанровое своеобразие сербского реалистического романа 1970-х годов / С.Н. Мещеряков – Автореф.канд.дис. – М., 1986.
3. Палавестра П. Послератна српска књижевност 1945 – 1970. – Београд, 1972.
4. Рудяков П.Н. История как роман / П.Н. Рудяков. – Симферополь, 1993.
5. Рудяков П.Н. Украинско-хорватские литературные отношения в XIX-XX вв : Автореф... канд. филолог.наук: 10.01.04 / Рудяков П.Н.; Ин-т лит. АН УССР. – Киев, 1984.
6. Рудяков П.М. Югославський роман новітнього часу // На нових орбітах: Літературно-критичні статті. – К., 1990. – С. 250–295.
7. Deretić J. Istorija srpske knjizevnosti. – Beograd: Prosveta, 2004.

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: РЕАЛЬНОЕ И НОРМАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ (ТЕОРЕТИКО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ)

В современной лингвистике нескольких предыдущих десятилетий много внимания уделяется терминологии. Она исследуется в самых разных аспектах, исследования носят как теоретический, так и прикладной характер. И этот повышенный интерес к языкам для специальных целей представляется далеко не случайным. С одной стороны, ему способствует инновационное развитие науки и техники, сопровождающееся массовым появлением новых терминов и ростом профессионального тезауруса. Результатом упомянутого процесса становятся изменения в состоянии современных терминосистем, что требует участия терминоведов для их упорядочения. С другой стороны, возрастание объема терминологической информации повышает требования к уровню дискурсивной профессиональной компетенции специалистов, от которого во многом зависит результат профессиональной деятельности.

Не является исключением и медицинская терминология, успешное использование которой особенно актуально для организации эффективной коммуникации. Наряду с профессиональным медицинским дискурсом в лингвистическом метаязыковом пространстве существуют и другие формы дискурса, например, учебный и научно-популярный. В частности, учебный дискурс, по сравнению с профессиональным, представляющим собой теоретические рефлексии профессиональной языковой личности, отражает освоение научных знаний непрофессионалами, а точнее рефлексия рядового носителя языка – студента.

Исследование способов освоения теоретических знаний обыденным сознанием и перевода научного метаязыка на обыденный имеет как практическое, так и теоретическое значение. В контексте педагогического дискурса результаты исследования могут быть использованы в дидактических целях, например, позволят прогнозировать степень усвояемости семантики терминов и минимизировать случаи агнонии, а также дадут возможность корректировать метаязыковую деятельность обучаемых в целях предотвращения коммуникативных неудач. Одним из приемов изучения процесса усвоения научных понятий обыденным сознанием может послужить исследование метаязыковой деятельности рядового носителя языка в позиции наивного лексикографа, тем более что проблема обыденного лексикографирования уже находится в кругу вопросов, поднимаемых исследователями обыденного метаязыкового сознания.

В круг поднимаемых вопросов попала и проблема обыденного лексикографирования терминологической лексики. Ей посвящены работы

Н.Д.Голева [1] исследования обыденных толкований юридических терминов [2], религиозных терминов [3], метаязыковой рефлексии непрофессионального историка [4], работы по наивному литературоведению [5]. Авторы единодушны в своих выводах. «Субъект, предлагая личностное осмысление какого-либо спорного вопроса истории, зачастую так или иначе демонстрирует свою языковую компетенцию» [4,с. 299], «дистанция между носителями религиозного и светского сознания велика» и «характер презентации религиозной лексики настолько контрастен, что выделение общих признаков при толковании значения какой-либо лексемы обеими группами испытуемых представляется невозможным» [3,с.315], «функционирование юридических терминов в обыденном сознании весьма отличается от требований юридической техники» [2 с. 297].

Сопоставление объяснений одних и тех же слов в толковых и энциклопедических словарях позволило Н.Д. Голеву выявить их существенные различия и разницу в отношениях с реальным минимумом дифференциальных и квалификативных признаков, ассоциирующихся с данным словом [1,с. 226]. На основании фактов, свидетельствующих о расхождении оснований научной и обыденной классификации и наличия особых тематических компонентов как основания классификации, автор предлагает в качестве более реальной единицы, внутри которой можно выделять дифференцирующие признаки, «номинативно-видовое поле».

Таким образом, теоретически обоснована и практически подтверждена необходимость описания семантики реально существующей в сознании рядовых носителей языка, в сравнении с нормативным определением.

Данное исследование посвящено выявлению особенностей реального лексикографирования медицинских терминов. Банк языка медицины, так же как терминосистема любой из современных наук, обладает определенной индивидуальностью, отображающей специфику соответствующей области познания объективной действительности и когнитивных механизмов ее осмысления и представления в языке. Данный факт позволяет предположить, что сфера бытования специальной лексики накладывает отпечаток на ее функционирование в сознании рядовых носителей языка, следовательно, изучение обыденного лексикографирования медицинских терминов может дать дополнительную информацию к описанию его общих когнитивных механизмов.

В роли информантов выступили студенты двух врачебных факультетов (лечебного и педиатрического) Сибирского медицинского университета, закончившие 1 курс и прошедшие обучение латинскому языку и основам медицинской терминологии. Из дисциплин, имеющих непосредственное отношение к медицине и ее профессиональному языку, они изучали анатомию. Для более полной характеристики их информационной базы, связанной с объектом исследования, добавим знания естественно-научных дисциплин общеобразовательной школы. С таким багажом и определенным количеством навыков наших испытуемых можно квалифицировать как

рядовых носителей языка с преобладанием обыденного, непрофессионального типа сознания. Можно предположить, что расширение круга испытуемых и включение в эксперимент студентов других факультетов и курсов, выпускников позволит сделать наблюдения над изменением содержания этимологических дефиниций в соответствии со сменой долевого соотношения обыденного / профессионального сознания, определяющего метаязыковую рефлексия.

В качестве основы эксперимента было использовано задание экзаменационного билета, в котором информантам предлагалось объяснить значение производного термина, то есть давалась установка на мотивизацию. Проанализировано более 500 толкований.

В качестве материала исследования были избраны производные клинические термины. Выбор данного раздела медицинской терминологии обусловлен актуальностью терминов, обозначающих болезни, в жизни и деятельности рядовых носителей языка, затрагивающих интересы практически всех людей и вызывающих определенное эмоциональное отношение. В списке терминов, предлагаемых информантам, как общеизвестные наименования, ставшие частью обиходного языка, так и слова более узкого употребления.

Предпочтение производным терминам перед непроизводными вызвано особым интересом, который представляют собой мотивированные термины в аспекте интерпретации их значения рядовыми носителями языка. С одной стороны, внутренняя форма таких слов обладает большими порождающими возможностями, задавая определенное направление, схемы мотивизации значения, и в этом случае можно говорить о зависимости результата интерпретационной деятельности от степени прозрачности внутренней формы, большей или меньшей доступности для выведения значения термина. С другой стороны, словообразовательная модель служит только рамкой для заполнения необходимой научной информацией, а сами терминологические элементы по отдельности и в совокупности друг с другом могут порождать большое количество смыслов и прототипических ситуаций. «Идентификация вербальной единицы может реализовываться на разных уровнях внешнего и внутреннего контекста с использованием различных стратегий и опор, имеющих универсальный характер для человека при некоторых расхождениях в степени актуальности для той или иной личности» [7, с.112-113]. В этом аспекте субъективная специализация значений терминов при слиянии концептуальных пространств, отражаемых в композиционной семантике терминов, представляет огромный интерес для характеристики обыденной метаязыковой лексикографической деятельности индивида.

И то обстоятельство, что, находясь в условиях запрограммированности, носителю языка удастся проявить свою индивидуальность, только ярче высвечивает творческую составляющую обыденного лексикографирования.

Еще одной особенностью анализируемого материала является то, что в центре внимания оказались ошибочные толкования или так называемые

девиации. Выбор был сделан неслучайно. Из ответов студентов сознательно методом сплошной выборки отбирались неверные ответы. На фоне правильных, но недостаточно информативных, с точки зрения целей нашего исследования, толкований, неверные ответы представляют большой интерес. В лингвистической литературе уже обращалось внимание на смысл изучения ошибок, ляпов, так как «именно в них можно проследить динамику развития индивидуального сознания от наивных к научно одобренным личным конструктам перевода» [8, с. 55]. По мнению Н.Д.Голева, ошибки – источник размышлений, скрытых ментальных процессов и наивной процессуальной лингвистики [1].

Здесь «уместно будет замечание о «семантическом излучении», которое идет от объекта внимания – клинической терминологии. Проблемы, связанные со здоровьем, занимают важное место в концептуальной картине мира человека. Вот как определяет его Устав Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье – состояние полного физического, умственного, психологического и социального благополучия». Не удивительно, что любое нарушение этого баланса затрагивает интересы его обладателя, поэтому термины патологии и клиники окружены определенным ореолом таящейся в обозначаемом ими явлении определенной опасности. ЭСМТ характеризует болезнь как «жизнь, нарушенную в своем течении...», по определению К. Маркса, «болезнь – это стесненная в своей свободе жизнь» [9, с.148]. Русское слово болезнь этимологически связывают с состоянием наличия боли.

Для рядового носителя языка это очень значимо, особенно, учитывая «ослабление рационально-логического начала интерпретации и усиление ее интуитивно-образного начала» [2]. В частности, замечено, что «при интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка чувственная форма познания (образная) преобладает над рациональной» [2] из этого следует, что лексика столь специфической сферы бытования, как медицина, способна ярко высветить особенности функционирования обыденного метаязыкового сознания при понимании и репрезентации медицинских терминов.

Таким образом, можно предположить, что лексикографирование медицинских терминов (научное и обыденно-реальное) предопределяется многими факторами: не только сферой их употребления (специальной или общенародной), особенностями сознания реципиентов и типом языковой личности, уровнем знаний в соответствующей области и общей информационной базой, жизненным и коммуникативным опытом, но и спецификой самого фрагмента внеязыковой действительности, элемент которого именуют термины.

Итак, объектом нашего исследования является медицинская терминология, а предметом изучения – ее функционирование в обыденном метаязыковом сознании. Заявляемую гипотезу можно сформулировать следующим образом: нормативное значение медицинских терминов в научном дискурсе отличается от реального бытования при обыденном

лексикографировании. И поскольку рядовой носитель языка действует в соответствии с реальным значением термина, эта проблема представляет большой теоретический и практический интерес.

Традиционно считается, что научное содержание представляется прежде всего в логической форме понятия, представленного термином. Научное понятие как форма логического мышления является концентрированным отражением внутренних, существенных, определяющих свойств и закономерных связей предметно-материального мира [10,с.88]. Это особое мыслительное образование, результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определенной совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них признаков [10,с.91]. Среди множества других способов познания понятия представляют наибольшую ценность, так как в них предметы обобщаются по существенным признакам. Но с гносеологической точки зрения мысль представляет собой понятие, независимое от того, насколько существенными являются признаки, составляющие основу обобщения предметов, тем более, что для предметов одного и того же класса возможны и менее, и более существенные признаки, существенные для характеристики самих этих предметов или с какой-то точки зрения в связи с тем или иным использованием предметов [Там же: 91].

Главная особенность понятий как отражательной сущности лежит не только в плоскости объекта (полноты набора признаков) и качества (степени существенности) содержания, но и формы внутреннего (ментального) содержания и формы экспликации его изнутри вовне [1,с.206].

Основная форма экспликации нормативного содержания медицинских терминов – развернутая дефиниция (перечисление признаков предметов) различной степени полноты. Словарная статья МЭС [11,с.581] способна занять 13 строк во всю ширину страницы формата 84x108. Энциклопедическое лексикографирование реализует весь комплекс аспектов, актуальный для данного круга денотатов. Оно содержит указание на родовое понятие – болезненное состояние, и дает перечень дифференциальных признаков в роли видовых: патологоанатомическая картина болезни, локализация, причинно-следственные связи, симптоматика, диагностирование, лечение. Практически перед взором читателя предстает фактически научный концепт дисциплинарной категории «болезнь» как часть научной картины мира.

Концептное содержание слова болезнь определяется семантическим ядром, репрезентируемым понятием «состояние, обусловленное нарушениями структуры и функций организма и его реакциями на эти нарушения». В энциклопедическом толковании реализуются не только практически все дифференциальные признаки, но и семы, составляющие периферию научного концепта – диагностирование и лечение.

В Кратком толковом словаре медицинских терминов под редакцией А.Э. Радзевича [12, с.294] в толковании термина тромбофлебит объем реализованных аспектов в соответствии с типом словаря резко сокращается и сводится к минимуму. «Очертить и эксплицитно выразить минимум предметных сведений, подразумеваемый лексическим значением данного слова, не всегда легко». [13, с.132]. Авторы словаря решают эту проблему с опорой на научное понятие, отобрав в соответствии с ним признаки, необходимые для понимания значения и правильного использования медицинских терминов. Сравним содержание понятия «представление о сущности предмета, охватывающее его существенные признаки» и его репрезентацию в кратком толковом словаре: воспаление вены с образованием тромба.

В аннотации к словарю оговаривается включение терминов, широко используемых в клинической практической и медицинской литературе, составляющих обще-научный лексикон, то есть словарь предназначен для врачей, клинических ординаторов, молодых преподавателей, аспирантов, студентов медицинских и фармацевтических учебных заведений. Там же указывается, что разъяснение значений терминов дано в соответствии с информационными стандартами, определениями, представленными в энциклопедических изданиях, учебной и фундаментальной научной литературе.

По своей сути словарная дефиниция представляет собой репрезентацию признаков, связанных с понятийным содержанием. В статусе признаков, необходимых для выделения объекта из дальнего круга смежных денотатов (указание на воспалительный характер заболевания) и из ближнего (локализация и патогенез).

Сопоставление двух дефиниций одного и того же термина в энциклопедическом и кратком толковых словарях демонстрирует разницу в объеме репрезентированных аспектов (развернутый в ЭС и выборочный в ТС). На фоне минимизации реализуемых аспектов выбор признаков продиктован определенной логикой: можно наблюдать движение от отражения онтологических категорий (в клинической терминологии репрезентируемое значение – процесс / состояние, объект и действие) в совокупности с универсальными гносеологическими (время, причинно-следственные связи, пространство, количество и другое) и специфическими медицинскими категориями (этиология, патологический процесс, анатомический объект, симптоматика) в энциклопедическом лексикографировании к экспликации только дисциплинарных признаков.

Подобные изменения в предпочтениях вполне совпадают с выводами, сформулированными Е.В. Бекишевой [14] о том, что дисциплинарные категории являются наиболее предпочтительной и информативной основой номинации в медицине. В процессе научного мышления активируется прежде всего профессиональная когнитивная система, поэтому дефиниция отражает определенным образом структурированные знания о денотате. В

процессе энциклопедического лексикографирования основой экспликации содержания становится концепт, краткое толкование базируется на такой форме ментального существования содержания, как понятие. Медицинские понятия имеют содержание, позволяющее формулировать критерии отличия изучаемого объекта от других объектов [15, с. 285- 287] и состоит только из категориальных признаков. Научное содержание представляется прежде всего в логической форме понятия, выражаемого термином [1, с. 206].

Научное понятие как форма логического мышления является концентрированным отражением внутренних, существенных, определяющих свойств и закономерных связей предметно-материального мира [10].

В медицинской классификации основными классифицирующими признаками являются этиология и патогенез, так как это – базовые научные концепты нозологии и патологии (причины и механизмы развития болезни, сущность глубинных процессов, обуславливающих структурно-функциональные нарушения в организме). В настоящее время рассматривают отдельно патогенез возникновения, развития и разрешения болезни. Можно также говорить о патогенезе как науке о причинах и механизмах, а также о последствиях отдельных болезней. Рабочее определение патогенеза – изменения, протекающие в организме в период заболевания. Поэтому вполне естественно, что структура дефиниции организована по родо-видовому принципу и представляет собой краткую экспликацию научного понятия. Выбор репрезентируемых признаков денотатов обусловлен степенью их существенности для данной области научного знания.

Суть природы обыденного лексикографирования иллюстрируют ответы информантов, среди которых было обнаружено 24 варианта толкования термина тромбофлебит. Такое впечатляющее количество репрезентаций значения одного термина – яркая иллюстрация интерпретативной сущности процесса толкования, «получения на основе одного, исходного значения другого, предлагаемого в качестве равнозначного исходному. В результате на фоне основного значения слова, зафиксированного в словаре, возникает множество вариантов толкований данного слова» [1, с. 270].

Кроме того, вариативные толкования предоставляют прекрасную возможность для выявления субъективных компонентов значения, возникающих при интерпретации терминов обыденным сознанием, и попытку описания когнитивных механизмов наивного лексикографирования. Переходя к его анализу, невозможно отказать себе в желании упомянуть популярную во многих работах мысль, что в процессе дефинирования говорящий формулирует отраженное знание, структура которого отражает форму его существования в языковом сознании [1, 17].

Как известно, основными формами ментального бытия внеязыкового содержания лексических единиц являются понятия, представления, образы и концепты. Способы отражения знания и формы репрезентации значения в сознании – одно из оснований для различения типов языковой личности, обладающих неодинаковыми возможностями и стратегиями семантизации

значения слов, в том числе терминологической лексики. Поэтому, несмотря на существование у каждого носителя языка потенциальной способности членить семантическую структуру языковых единиц и синтезировать обозначаемые ею признаки, а также на существование типических закономерностей осознания и дефинирования значения [1,с.273], вариативность неизбежна.

Не меняет положения дел и производный статус анализируемых терминов. Как уже отмечалось, внутренняя форма может порождать большое количество смыслов и при слиянии нескольких концептуальных пространств наблюдается специализация значения термина. Поэтому, несмотря на то, что словообразовательная форма является ведущим стимулом речемыслительной деятельности в ходе идентификации семантики слова [15,с.92], результат во многом определяется опытом владения языком специальности, уровнем профессиональных знаний при толковании переменных характеристик, из которых складывается композиционная семантика терминов, построенных по одной модели.

Вспомним, что объем содержания словарной дефиниции медицинских терминов складывается из указания родового признака (заболевание как патологическое состояние) и видовых: характер заболевания (например, воспалительный), локализация (анатомический объект) и патогенез (сущность глубинных процессов, происходящих в организме). Анализируемые обыденные толкования термина тромбофлебит заметно отличаются от словарной дефиниции по составу и статусу репрезентируемых в них признаков. Например, указание на локализацию отсутствует в двух случаях, что свидетельствует о его возможной неактуальности для реального лексикографирования терминов. Правда, следует оговориться, что факт отсутствия данной семы в толковании не показателен для характеристики деятельности ОМЯС в целом, так как связан со степенью осведомленности конкретного индивида. Не исключено, что носитель языка может быть уверен, что образование тромбов происходит только в вене и поэтому не актуализировал локализацию процесса (хотя его мнение не вполне соответствует действительности, поскольку образование тромбов возможно и в других кровеносных сосудах, и в полости сердца, например: тромбангиит, тромбозэндокардит).

Репрезентация указания на характер заболевания отмечена в 13 толкованиях термина тромбофлебит, соответственно отсутствует в 11, что указывает на нейтрализацию данного видового признака. Воспаление как научное понятие отражает достаточно сложное явление. В реальности это универсальная защитная реакция организма на действие различных патогенных факторов, в результате которой происходит обезвреживание и уничтожение вызвавших повреждение факторов, а также ограничение и отторжение погибших тканей [11, с.104]. Подобный уровень информированности не доступен рядовому носителю языка, который не понимает разницы между заболеваниями различного характера и потому

может назвать воспалением совсем другой по типу патологический процесс. Поэтому нейтрализация видового признака «характер заболевания» и замещение его другим, более актуальным признаком вполне понятна. И совсем не случайно в этой роли оказывается сема «деструктивные, регрессивные изменения», имеющая более высокую практическую значимость по сравнению с абстрактным для рядового носителя языка характером заболевания.

Напомним, что болезнь – это состояние, обусловленное нарушениями структуры и функций организма и его реакцией на эти нарушения, и именно они чаще всего актуализируются в практике обыденного лексикографирования. Выбор типа их экспликации прогнозируется внутренней формой термина, облегчающей семантизацию. Смысловое содержание образуется на основе семантических опор, которые задают направление инферентных операций. В этом процессе участвуют рефлексивные и интуитивные компоненты ОМЯС, учебные и эмпирические знания. Память подсказывает общее представление (недетализированный усредненный образ предмета), мышление включает свои механизмы, выстраивая логические связи, а МЯС подбирает формы экспликации элементов прототипической модели.

По определению Е.К.Войшвилло, в этом процессе участвуют более или менее четкие представления (чувственные интуиции) или некоторые интеллектуальные интуиции, возникшие в процессе усвоения языка [10,с.99]. Эти абстракции, представляющие интуитивно употребляемые имена, в практике научного познания тоже называются понятиями, но не в строгом смысле. « Опирируя таким понятием, человек может не иметь о нем понятия. Это парадоксальное на первый взгляд утверждение означает лишь то, что дважды употребленный в данной фразе термин «понятие» имеет в одном и другом случае разное значение» [10, с.100].

Именно эти представления, отражающие предмет в более или менее цельном естественном виде, будучи субъективными от природы, определяют выбор формы репрезентации наглядной модели с ядерной семой «деструктивные, регрессивные изменения». Уточним, что речь идет о толкованиях с нейтрализацией видового признака «воспаление» и его замещением другим признаком. Самой продуктивной моделью замещения оказывается толкование деструкции как образования тромбов (9 случаев из 15), что свидетельствует об изменениях в иерархии признаков, а именно о нейтрализации видового признака «характер заболевания» и абсолютизации патогенетической картины болезни как ее наиболее яркого проявления (напомним, что данный признак фигурирует в «традиционном» определении «воспаление вены с образованием тромба»). Актуальным для рядового носителя языка оказалось и следствие этого процесса – явление закупорки просвета сосуда образовавшимся тромбом как конечный этап во всей процессуальной цепи (5 толкований). Чаще всего в повседневной жизни фигурирует именно факт последствий отрыва тромба, производящий

сильное впечатление своей трагичностью и оставляющий неизгладимый след в обыденном сознании.

Единичными оказались такие толкования, как «нахождение, возникновение, скопление тромбов» и «склонность к образованию», либо периферийные с точки зрения носителя языка, либо менее яркие с позиций интенсивности проявления признака процессуальности. В целом вариативность толкований цементируется стержневым компонентом, актуализирующим различные аспекты процессуальности и изменчивости в зависимости от степени их значимости для конкретного носителя ОМЯС. Субъективность толкований проявляется также в возникновении образных наслоений в виде «воспаленных тромбов или тромбоцитов» и уж совсем наивном образе «воспаление закупоренных вен», что свидетельствует о существовании собственной шкалы правдоподобия и об отсутствии стадии верификации результатов толкования.

Элементаризм, присущий обыденному сознанию, проявляется в возникновении не только формальных, но и эмпирических смыслов, выражающихся в выделении лишних элементов, не всегда адекватных объективному положению дел. Например, в толковании, наиболее приближенном к «правильному» определению, референт домысливает прототипическое значение, уточняя локализацию патогенетического признака экспликацией семы «стенка». И хотя само по себе уточнение является неверным (тромбы образуются не на стенках, а в просветах сосудов), в представлении рядового носителя языка, не очень искушенного в медицине, оно было актуальным, поскольку делало общий смысл, на его взгляд, более законченным. Элементаристский подход проявляется и в масштабировании объектов семантизации: в 3 определениях вместо тромбов фигурируют тромбоциты.

Обобщая результаты анализа обыденных толкований термина тромбофлебит с позиций их соотношения с научными определениями, можно высказать предположение о составе обыденного понятия, содержание которого раскрывается реальной дефиницией: «один видовой признак (инвариантный) в роли родового + локализация патологических процессов + образные наслоения». Как показывает анализ, наивный лексикограф старается придерживаться структуры «правильного» определения, но на его состав оказывают сильное влияние многие факторы, в результате действия которых признаки, отражаемые в реально функционирующем значении, не совпадают с содержанием лексикографического значения: родовой признак как несущественный для обыденной категоризации выносится за скобки, в роли родового воспринимается видовой признак, отображающий характер процесса или происходящие деструктивные, регрессивные изменения, состав видовых признаков зависит от типа наивного родового компонента. Самым стабильным оказывается признак локализации процесса и это вполне объяснимо в контексте вопросов врача : Где болит? На что жалуетесь?

Точность ответа на эти вопросы зависит от симптоматики, одной из важнейших медицинских дисциплинарных категорий, о значимости которой свидетельствует реальное лексикографирование значения термина остеохондроз. По сравнению с тромбофлебитом, самым заметным проявлением которого является исход болезни, остеохондроз – заболевание с ярко выраженными внешними проявлениями и выразительной симптоматикой. Сказать, что это одно из наиболее распространенных и известных рядовому носителю языка заболеваний, значит, ничего не сказать о нем. Визитной карточкой этого заболевания являются острые боли, ограничения в свободе движений и проблемы в совершении каких-либо действий, то есть так называемые клинические проявления болезни. Интересно, что симптоматика болезни не зависит от патогенеза и находится на периферии научного значения термина, определяемого толковым словарем как «дегенеративно-дистрофическое поражение межпозвонковых дисков и подлежащей костной ткани». Патологический процесс имеет клиническое своеобразие, но оно вряд ли имеет значение для рядового носителя языка. Об этом свидетельствует толкование данного термина как воспаления суставов и костей. Как видим, даже локализация оказалась не столь важна, тем более, что кости – это более понятно, чем хрящи, которые не упоминаются даже в научном толковании. Экскурсы в историю термина не входили в цели нашего исследования, поэтому, оставив в стороне анализ причин данного расхождения, выскажем предположение о нерасчлененном обыденном восприятии всей костной системы.

Наибольший интерес в данном аспекте представляют два ответа референтов о значении термина остеохондроз: «боль в пояснице» и «острый хондроз». В них доминирует чувственная (образная) форма познания мира, определение теряет свою родо-видовую структуру, превращаясь из определения-описания в определение-характеристику.

Характер дефинирования во многом предопределяется типом языковой личности, складом ума и типом мышления, но результаты реального лексикографирования медицинских терминов свидетельствуют о том, что чувственный или рациональный характер толкования связан не только с типом языковой личности. Можно предположить наличие следующей закономерности: чем шире распространение болезни и ярче проявление ее признаков, тем более личностным и более вероятностным становится образное восприятие. И соответственно, чем менее известен термин, а значит, менее понятна называемая им болезнь, тем сильнее потребность в элементаристском подходе к уяснению и интерпретации его семантики.

Исследуемый материал дает основания говорить о том, что обыденное лексикографирование медицинских терминов носит специфический характер: помимо всех установленных и описанных особенностей реального лексикографирования заметную роль играет место данной области знаний в жизни и коммуникативной деятельности рядовых носителей языка, определяющее личностное отношение к объекту толкования.

Другой характерной чертой процедуры интерпретации значения медицинских терминов является наличие большого количества тематических компонентов, которые становятся основой объединения различных видов заболеваний. Причем, в роли отличительных выступают не обязательно бросающиеся в глаза признаки. В случае с термином остеохондроз это боль и принадлежность к костной системе. На основании последнего, как уже отмечалось, сопоставляются заболевания различного характера и локализации, например: остеохондроз и остеоартроз трактуются одинаково – «воспаление костей и суставов», остеоартроз преподносится как «уплотнение костной ткани», периостеит («воспаление надкостницы») толкуется как «воспаление позвонка». Проблемы с суставами и позвоночником (а именно они являются основными для заболеваний костной системы) переносятся даже на анатомические термины с нейтральной семантикой. Так, термин синхондроз, которым в анатомии обозначают соединение костей хрящевой тканью, толкуется как «заболевание, связанное с соединением костей хрящевой тканью (плохое соединение)». В данном случае можно усмотреть влияние коммуникативного употребления сходного по форме термина хондроз. Возможно, обыденное сознание даже не вполне различает остеохондроз и хондроз.

Номинативно-видовое поле «заболевания костной системы» в реальном лексикографировании медицинских терминов включает наименования процессов различной локализации (кости, суставы, позвоночник и даже спинной мозг и мышцы). Среди ответов встречаются толкования по типу родо-видовых, основанные на элементаристском подходе. В них наблюдается уже упоминавшаяся нейтрализация родового признака и замещение его видовым в различной интерпретации характера деструктивных изменений. Наибольший интерес представляют образные толкования, в которых фигурируют окостенение суставов и даже костяные суставы, обморожение конечностей и т.п. В этом номинативно-видовом поле отмечены ассоциативные дефиниции, основанные на формальном сходстве терминоэлементов, созвучии различных наименований. Причина их кроется прежде всего в типе языковой личности, настроенной на слуховое восприятие термина, и в то же время существуют предпосылки вариативного толкования, создаваемые нечеткой членимостью самой информационной области в обыденном сознании. Отсюда фонетические ассоциации мио-\миело (мышца\костный мозг), циан-\синильная кислота\цианит с последующим отравлением.

Практика реального лексикографирования термина остеохондроз вновь подтверждает существование определенных закономерностей осознания и дефинирования значения слова, обусловленных характером осмысливаемого значения. Для медицинской терминологии факторами, влияющими на процесс и результат толкования, являются место обозначаемых явлений, а также их роль в жизнедеятельности людей, рождающие коннотативные и оценочные компоненты толкований. Возможность их появления возрастает с

усилением выраженности проявлений болезни и степенью их опасности для человека. Сравните лексикографирование наименований заболеваний с яркой симптоматикой и названий асимптомных болезней (остеохондроз и тромбофлебит) и отношение ко всему, что связано с серьезными заболеваниями и особенно с онкологией.

В этом плане показательны ответы по поводу терминов патогенный и канцерогенный. Толкования термина патогенный обнаруживают признаки: вредный, заразный, опасный, влияющий отрицательно; у термина канцерогенный встречаются толкование «провокатор (источник) происхождения раковых клеток» (авторская форма сохранена). Подобные образные наслоения отражают ореол, окружающий эти термины в обыденном сознании рядовых носителей языка, и фиксируют отношение к явлениям и их оценку.

Прежде чем сделать заключение, хотелось бы отметить, что сделанные наблюдения органично вписываются в контекст современных исследований способов репрезентации научных и обыденных знаний в профессиональной медицинской терминологии.[17] Данный факт не только доказывает единство природы гносеологических механизмов деятельности языкового сознания во всех его проявлениях, но и позволяет разрабатывать типологию профессиональной и непрофессиональной языковой личности. Наблюдения о соотношении нормативного и психологически реального значения, о степени освоенности семантики термина обыденным сознанием, о формах их зависимости от типа языковой личности и качества языковых способностей дают возможность разрабатывать личностно-ориентированные стратегии обучения медицинской терминологии, направленные на оптимизацию результата и повышение уровня терминологической грамотности.

Литература

1. Голев Н.Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции; Общий очерк концепции в «Словаре обыденных толкований русских слов»././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.- Кемерово. – 2010. – С. 219–263; с. 205–219.
2. Воробьева М.Н., Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований юридических терминов././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.- Кемерово.- 2010. – С.297–305.
3. Барышева Е.Л. Словарь обыденных толкований религиозных терминов././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.- Кемерово.- 2010.- С.306–316.
4. Катышев П.А., Оленев С.В. Метаязыковая рефлексия непрофессионального историка Ю.Н.Фадееенкова././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово. – 2009. – С. 299–312.
5. Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты (опыт группового портрета). – Кемерово. – 2009. – С.313–320.
6. Швец А.В. Наивное литературоведение и метаязыковая деятельность говорящего././ Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты.- Кемерово. – 2009. – С.17–25.

7. Залевская А.А. Семиозис в действии.// Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: сб. науч. тр. – Москва; Калуга. – 2006. – С.112–113.
8. Кашкин В.Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология.// Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово. – 2009. – С.55.
9. Энциклопедический словарь медицинских терминов (ЭСМТ): в 3-х томах./ Под редакцией Б.В.Петровского. – Москва: Советская энциклопедия. – 1982–1984.
10. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. Москва – 1989. – С.88.
11. Медицинский энциклопедический словарь (МЭС)./ Под редакцией В.И.Бородулина. – Москва. – 2002.
12. Краткий толковый словарь медицинских терминов./ Под редакцией А.Э.Радзевича. Москва. – 2004.
13. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и его обозначения. Москва, 1972.
14. Бекишева Е.В. Категориальные основы номинации болезней и проблем, связанных со здоровьем. – Самара. – 2007.
15. Новая философская энциклопедия, Москва, 2010.
16. Денисова Э.С. Иконичность окказиональных дериватов в свете проблем инференции.// Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникаций: сб. науч. тр.- Москва; Калуга. – 2006. – С. 92.
17. Алленова Н.А. Названия болезней в национальной научной и наивной картинах мира США. АКД.- Владивосток- 2003; Маленова Е.Д. Наивная картина мира и ее отражение в английской медицинской терминологии. АКД. – Омск. – 2006; Перевозова Ю.Е. Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества. АКД. Тамбов. – 2004; Новодранова В.Ф. Репрезентация научного и обыденного знания в терминологии.// Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний. – Калуга. – 2007. – С62–66; Новодранова В.Ф. Типы знания и их репрезентация в языке для специальных целей // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Москва; Рязань. – 2007. – С.136–140.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭВФЕМИЗМОВ ОТ СМЕЖНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Одним из наиболее распространенных явлений в современной речи является ее эвфемизация. Эвфемизмы представлены во всех сферах межличностной коммуникации, они используются в рекламе, средствах массовой информации, художественной литературе и т.д. На широкое распространение этого явления указывают как отечественные (А.М.Кацев, В.П. Москвин, Е.П.Сеничкина, Л.П.Крысин, Е.И.Шейгал, М.Л.Ковшова), так и зарубежные лингвисты (З. Лухтенберг, Р. Рада, С. Видлак, Э. Лейнфельнер, Р. Глэзер и др.).

Традиционно под эвфемизмом понимается «эмоционально нейтральное слово или выражение, употребляемого вместо синонимичного ему слова или выражения, представляющегося неприличным, грубым или нетактичным» [6, с. 590]. Однако нередко рамки данного определения значительно расширяются. В результате термин «эвфемизм» употребляется по отношению к элементам нелитературных форм языка: просторечия, вульгарной лексики, жаргона. Такая точка зрения представлена в работах А.А.Реформатского, А.М.Кацева, Л.П.Крысина, Г.Маньковской, Т.Л.Павленко, З.Лухтенберг и др.

На наш взгляд, это связано с отсутствием в современной лингвистике единого критерия идентификации эвфемизмов и с различной трактовкой существующих критериев.

Цель настоящей работы – рассмотреть наиболее спорные случаи причисления к эвфемизмам тех или иных лексических единиц и сформулировать оптимальные критерии дифференциации эвфемизмов от смежных языковых явлений.

Ряд лингвистов придерживается мнения, что одной из основных причин использования эвфемизмов является желание коммуникантов с их помощью создать наименования, «направленные на обособление от общепринятой системы лексических значений языка» [1, с. 51]. Речь идет об использовании эвфемизмов в социальных жаргонах. Л.П.Крысин в качестве примера таких эвфемизмов приводит следующие слова: *забемолеть* вместо *забеременеть*, *гонец* вместо *торговец наркотиками*, *браслеты* вместо *наручник*» и т.д. [5, с.48]. Схожую точку зрения разделяет и А.А.Реформатский, отмечая, что «в некоторых жаргонах наряду с «украшающими» эвфемизмами (например, *пришить* вместо *убить*) встречаются еще и «обратные» эвфемизмы, когда приличные наименования заменяются неприличными; в этих жаргонах эвфемистика служит целям тайноречия» [8, с.105].

З.Лухтенберг также считает, что эвфемизмы представлены не только в литературном языке, но и в его нелитературных формах таких как профессиональные аргы и воровские (блатные) жаргоны. Однако, по ее мнению, проблематичным является однозначное установление эвфемистического характера «тайных языков», т.к. не все выражения носят явный эвфемистический характер. Единственным критерием, по которому можно судить, является ли лексема, используемая в жаргоне, эвфемизмом, служит контекст. Например, слово *Obermann* (дословно «верхний акробат») в воровском жаргоне используется в значении *Hut* («шляпа») и не является эвфемизмом. Однако, по убеждению З.Лухтенберг, если речь идет о краже чьей-либо шляпы, то данное слово приобретает эвфемистическую функцию [10, с 159].

В.П.Москвин утверждает, что такого рода языковые факты уместнее отнести к корпоративной криптолалии, поскольку целью такого словоупотребления является, прежде всего, желание «скрыть предмет разговора от третьих лиц с помощью специально разработанной для этого микросистемы или даже целой системы языковых средств, то есть тайного языка» [7, с. 78].

Мы полагаем, что, помимо вышеупомянутой «криптологической» функции, можно говорить об еще одной причине использования подобных слов. Создание и использование специфических наименований обыденных объектов в пределах социальных группировок можно рассматривать как своеобразный коммуникативный код, служащий способом дифференциации коммуникантов на основе социального статуса, рода деятельности и условий жизни.

Таким образом, несмотря на то, что ряд таких наименований относится к понятийным сферам, традиционно подвергающимся эвфемизации (физиологические процессы, половые отношения, преступления, вредные привычки и др.), от эвфемизмов их отличает, прежде всего, функциональный аспект. Если эвфемизмы традиционно используются для смягчения негативно воспринимаемой информации и, следовательно, для предотвращения коммуникативного дискомфорта, то жаргонизмы выполняют две вышеназванные функции – сокрытие информации и отождествление говорящего с определенной социальной группировкой. Кроме того, в отличие от эвфемизмов, которые дают возможность слушающему понять суть сообщаемой информации, жаргонные наименования не позволяют декодировать полученную информацию и полностью скрывают смысл сообщения, в том случае, если слушающий не владеет данным жаргоном. Интенции использования эвфемизмов и жаргонных наименований различны: употребление эвфемизмов демонстрирует уважительное отношение к собеседнику, в то время как «арготическое употребление пронизано, как правило, иронически презрительным отношением как по отношению к объекту беседы, так и к собеседнику» [1, с. 53]. Таким образом, учитывая их интенциональную

направленность, уместнее квалифицировать такие единицы, в частности, относящиеся к воровскому жаргону, не как эвфемизмы, а как «криптологические иносказания» (термин Н.М.Бердовой).

Спорным также следует считать вопрос о том, правомерно ли выделение так называемых «вульгарных» эвфемизмов. А.М.Кацев полагает, что сленг может успешно выполнять функции эвфемизмов, отмечая, что «стилистическая сниженность не препятствует основной функции эвфемизма – камуфлировать неприятное содержание» [3, с. 56].

З.Лухтенберг полагает, что, будучи частью лексического состава языка, эвфемизмы обладают различной стилистической окраской, и наравне с «эвфемизмами высокого стиля» (*heimgehen, in gesegneten Umständen sein*) можно выделить «эвфемизмы разговорной речи» (*rückwärts essen, die Nieren ausschlenkern*) и «вульгарные эвфемизмы» (*abkratzen, Fracksausen*). [10, с. 154]. Единственным отличием последних является определенная стилистическая коннотация – небрежность, непринужденность, в то время как «эвфемизмам высокого стиля» присуще благородство, изысканность звучания.

Судя по приведенным примерам, эвфемизмами можно считать любые обозначения объектов и явлений, конвенциональные наименования которых, по каким-либо причинам не используются, вне зависимости от того, какая эмоционально-экспрессивная окраска присуща новому наименованию.

На наш взгляд подобные слова не могут быть квалифицированы как эвфемизмы по ряду причин. Во-первых, такие лексические единицы направлены на достижение коммуникативного эффекта, который противоположен прагматическим установкам эвфемизмов. В.П.Москвин отмечает, что для сленга характерна стратегия осмеяния, ёрничества, стеба, которая совершенно несовместима с эвфемией [7, с. 98]. Е.П.Сеничкина подчеркивает, что функция вульгаризмов (например, *залить глаза, нажраться* в значении *стать пьяным*) – выражение грубой отрицательной оценки – противоположна эвфемистической [9, с. 7]. Во-вторых, стилистическая окрашенность таких «вульгарных эвфемизмов» такова, что они сами требуют эвфемизации. В-третьих, эвфемизмы относятся к языковым универсалиям, использование которых «обусловлено нормами культуры речи и языкового этикета» [4, с. 9], следовательно, они должны быть уместны и эффективны в любой коммуникативной ситуации. Е.П.Сеничкина даже предлагает такой способ идентификации эвфемизмов: «Нужно мысленно представить, что вы применили эту языковую единицу к собеседнику с более высоким социальным статусом. Если собеседник не возмутится, ... это эвфемизм» [9, с. 21]. Такие слова как *дятел, параша, сыграть в ящик, замочить* могут быть использованы только в специфичной ситуации общения, в определенной социальной группе, следовательно, не должны расцениваться как эвфемизмы.

Таким образом, эвфемизмы частично сближаются с жаргонизмами и вульгаризмами по понятийным сферам (наименования преступных действий,

их подготовки и совершения, наименования спиртного, наркотических веществ, наименования сексуальной тематики, наименования физиологических отпавлений, а также болезней и смерти), однако принципиально отличаются от них с точки зрения коммуникативно-прагматической направленности.

Наряду с такими «жаргонными эвфемизмами», характеризующимися сниженной стилистической окраской, трудности представляет разграничение эвфемизмов от смежных лексико-фразеологических образований с нулевой и положительной стилистической характеристикой. Речь идет о словах и формах слов, которые расцениваются частью говорящих (главным образом носителями просторечия) как более вежливые, смягчающие прямое отношение к адресату и потому употребляются ими в качестве эвфемистических замен «прямых» обозначений. Л.П.Крысин обозначает такие лексические единицы как «просторечные эвфемизмы» и относит к ним такие слова как «подъехать» вместо «приехать», «подойти» вместо «прийти», «подвезти» вместо «привезти», «кушать» вместо «есть», «отдыхать» вместо «спать». Е.П.Сеничкина считает, что такие языковые явления уместнее отнести к проявлению вежливости, а не эвфемии, обосновывая это тем, что глаголы «приехать», «прийти», «есть» и т.д. обладают не «отрицательным, а «положительным» денотатом [9, с. 66].

На наш взгляд, в данном случае уместнее говорить о таком явлении как «языковой снобизм». От явления эвфемии языковой снобизм отличается прежде всего коммуникативной интенцией. Использование эвфемизмов, как мы уже отмечали, связано со стремлением избежать наименования того, что способно вызвать негативные чувства у реципиента. В свою очередь языковой снобизм «продиктован исключительно стремлением щегольнуть своей образованностью, эрудицией либо произвести впечатление без наличия соответствующих данных» [3, с. 52]. Кроме того, в отличие от эвфемии и вежливости, которые можно считать универсальными явлениями для носителей литературных форм национального языка, языковой снобизм является проявлением «просторечного типа речевой культуры», представители которого пытаются наполнить речь «признаками более высокой культуры», [2, с. 105], заменяя даже те слова и обороты, которые не оцениваются у носителей литературного языка как неприличные или грубые.

Таким образом, выделяя в качестве ведущего критерия идентификации эвфемизмов их функционально-коммуникативную направленность, мы можем дифференцировать их от многочисленных смежных языковых явлений, выполняющих в речевой коммуникации иные прагматические функции.

Литература

1. Бердова Н.М. Эвфемизмы в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04/ Неля Михайловна Бердова. Киев, 1981.
2. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи. Учебник для студентов-нефилологов. М., 2008.

3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия : учеб. пособие и спецкурс / Ленингр. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. Л., 1988.
4. Кипрская Е.В. Некоторые проблемы исследования эвфемизмов // Психолингвистические исследования: слово и текст. Тверь, 2002. – С.53-58.
5. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. – Берлин, 1994. – № 1/2. – С. 28-49.
6. Лингвистический энциклопедический словарь под ред. В.Н.Ярцевой. М., 1990.
7. Москвин В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Изд. 2-е. М., 2007.
8. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учебник . -5-е изд., испр. М., 2004.
9. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: Учеб. пособие/ Е.П.Сеничкина. М., – 151 с.
10. Luchtenberg S. Euphemismen im heutigen Deutsch: mit einem Beitrag zu Deutsch als Fremdsprache. Europäische Hochschulschriften: Reihe 1. Deutsche Sprache und Literatur. Bd. 834. Frankfurt a.M., 1985.

Семенова М.Ю.

*К.филол.н., заведующая кафедрой гуманитарно-социальных дисциплин
Ростовского-на-Дону филиала НОУ ВПО «Московская академия
предпринимательства при Правительстве Москвы»
г. Ростов-на-Дону, Россия*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТСТАНДАРТНОГО РУНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Во второй половине XX в. наступила эпоха, предвосхитившая начало всесторонней глобализации. В послевоенное время появились крупные компании, работающие на международном уровне и конкурирующие друг с другом. Сегодня ключом к ведению успешной экономической деятельности всё чаще становятся не ресурсы и технологии (доступ к которым сейчас есть практически у каждого), а уровень сервиса. В свою очередь, решающим фактором повышения качества обслуживания клиентов является искусство общения, культура речи работников конкурирующих компаний. Например, компания «МакДональдс» в течение более 50 лет проводит специальные тренинги по культуре речи для своих сотрудников в 180 странах мира, ориентируя их на американские стандарты общения. Ещё одним шагом на пути к глобализации можно считать появление многочисленных разговорников и путеводителей.

В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что решающую роль в глобализации сыграло употребление английского как языка международного общения в условиях объединённой Европы и функционирования различных экономических и политических международных организаций. В результате распространения английского языка в конце XX – начале XXI вв. количество двуязычных людей резко выросло.

После открытия политических и экономических границ в 1991 г. Россия (как многие другие государства) также попала под мощнейшее влияние англоязычной культуры, отразившееся на состоянии современного русского языка. Данное воздействие усиливается за счёт экстенсивного использования приёмов игры слов, что приводит к формированию целого ряда псевдоанглийских элементов на различных уровнях языка:

- лексические псевдоанглицизмы: *арт-бизнес* – продажа/покупка произведений искусства; *слайс-бар* – пиццерия или кафе, где пиццу продают кусочками; *фейс-контроль* – особый режим пропуска в ночной клуб; *шоумен/шоувумен* – ведущий/ведущая развлекательной программы; *шеф-мейкер* – лицо, ответственное за определенный род деятельности в ходе создания телепередачи;

- нарастание аналитизма: *Обновилась программа, которая позволяет создавать и записывать дата-CD диски. Программа производит поиск и исправление ошибок (стоп-экранов). Из обычной широченной футболки решили сделать панк-гламурное платье.*

Анализ рунглийского языкового материала позволил нам выделить определённые устойчивые словообразовательные модели, основанные на аналитическом сложении:

- имя существительное + послелог (*стэнд-ап, ролл-овер*);
- имя существительное + глагол + -ing (*брейн-пирсинг, ски-джоггинг, сноубординг*);
- имя существительное + глагол + -ег (*плеймейкер, ньюсмейкер*);
- имя существительное + имя существительное (*трип-хоп, хэтчбек, бол-бой, пейнтбол, хет-трик, писбокс, деливери-ордер*);
- усечённое имя существительное + имя существительное (*параски*);
- имя существительное + союз *and* + имя существительное (*лидз-энд-лэзз*);
- имя прилагательное + имя существительное (*мейн-стрим; хавпайп*);
- глагол + -ing + имя существительное (*букинглист; шоппинг-сервис*);
- усечённое имя существительное + имя существительное + глагол + -ing (*мотоскироллинг; мотостритрейсинг*).

Следует также отметить характерное для рунглийских единиц изменение норм орфографии. Так, в английском языке существует два равноправных варианта написания сложных слов (слитное и дефисное). В русском языке слитное, дефисное и раздельное написание слов закреплено строгими правилами. Однако в анализируемых нами сложных именах существительных нет чёткого следования русским орфографическим нормам. Тем не менее, можно утверждать, что чаще наблюдается дефисное написание, что, как представляется, призвано облегчить чтение и произношение лексических единиц.

Рунглийские лексические элементы также отличает такая тенденция, как переосмысление аббревиатур, в результате которого они приобретают

шутливые или каламбурные оттенки, а также служат основой для образования новых лексем:

- *рама* – (от англ. *RAM – Random Access Memory*) – оперативная память;
- *ромка* – (от англ. *ROM – Read Only Memory*) – постоянное запоминающее устройство;
- *заниматься делом* – удалять файлы с помощью команды *del*.

Одним из первых примеров рунглийской языковой игры можно считать обыгрывание английской фразы *Who is who?* (рус. *Кто есть кто?*) в контексте знаменитого высказывания М.С. Горбачёва (*Кто есть ху?*), содержащего также аллюзивную и обценную коннотации: *КТО БЫЛ НИКЕМ – ТОТ СТАНЕТ ХУ* (заголовок из газеты «Московский комсомолец», после которого приводится перечень кандидатов в Государственную Думу на выборах 1993 г.). Значительно позже появилась ещё одна фраза, имеющая аллюзию на упомянутое высказывание: *Who is Mr Putin?* (рус. *Кто такой господин Путин?*) – и, как можно заметить, сохранившая латинскую графику.

Необходимо заметить, что рунглийские тексты существуют в основном в глобальном информационном пространстве и более характерны для СМИ (прежде всего, для Интернет-СМИ). Многие периодические издания, ориентированные на молодёжь сознательно употребляют большое количество рунглийских элементов на своих страницах. Так, журнал «Компьютерра» можно считать не русско-, а «рунглоязычным» изданием. Типичным примером текста такого типа может служить предложение: *Инвестигейторы использовали онлайн-софтвер* [1, с. 40].

Однако рунглийский всё больше находит применение в разговорно-бытовом стиле. Так, всем изучающим английский язык известен популярный анекдот, демонстрирующий интерференцию со стороны русского языка:

- *How many hours?* (- Сколько часов?)
- *It's three hours.* (- Три часа.)
- *That late!* (- Так поздно!)
- *To whom how.* (- Кому как.)

В районе Брайтон-Бич в Нью-Йорке уже 30 лет существует достаточно большая русскоязычная община, внутри которой зародился свой собственный рунглийский язык. Это уникальное явление, так как, по данным Интернет-ресурса www.langust.ru, этого временно достаточно для того, чтобы иммигранты выучили английский язык и стали на нём общаться, включая в этот процесс и своих детей, родившихся в США. Русская община Брайтон-Бич – единственное исключение. Особенностью их разновидности рунглийского можно считать высокую степень взаимопроникновения русских и английских элементов. Дело в том, что обычно переключение языкового кода происходит на стыке слов или синтагм, но в данном случае мы зарегистрировали достаточно необычное явление (встречающееся только в т.н. испанглийском), когда переключение языкового кода наблюдается внутри слова, например: *Закрой видовочку, а то чилдренята заффризенеют!*

Упомянутый выше электронный ресурс содержит на своём сервере рунглийские произведения, демонстрирующие все характеристики, свойственные рунглийскому тексту. Вот одно из рунглийских стихотворений С. Бородина [2]:

*Прекрасно жить в свободных Штатах при обеспеченных харчах,
При службе, при больших зарплатах, автомобилях и домах!
Здесь лишь одно немного грустно: язык не тот, не как в Москве.
Не говорят они по-русски, хоть кол теши на голове!
Но к трудностям такого сорта любой из нас уже привык.
Мы спикаем по-русски гордо, мы кипаем родной язык.
Мы соль не спилаем на раны, подругу киссаем взасос,
На службе ранаем программы, когда реквестает наш босс.
Мы дринкаем сухие вина, энджоем собственный уют,
Мы лихо драйваем машины, берем хайвей (когда дают).
Когда окюритя возможность, возьмем э фью денечков офф,
Махнем в апстейт по бездорожью, в лесу напикаем грибов!
А то – возьмем большой вакейшен, допустим, парочку недель,
В Париже, в дистрикте старейшем себе забукаем отель.
А там – и Рим не за горами, Мадрид, Берлин, едрёна мать!
Мы будем шопать в Амстердаме! Мы будем в Праге ланчевать!
При наших, при больших зарплатах нам вся Европа – по плечу!
Ах, хорошо в Юнайтед Штатах! Эх, травеляй, куда хочу!
Аппрочает весенний вечер, даркеет – прямо на ходу.
Стихают речи, гаснут свечи, и Пушкин спинает в гробу...*

Наконец, отдельные рунглийские элементы становятся текстообразующими в мировой художественной литературе. Примерами самым популярных произведений, авторы которых использовали такие единицы, являются романы Э. Бёрджеса «Заводной апельсин» и А. Кларка «2010: Одиссея Два».

Таким образом, становится очевидным, что отличительной особенностью подобных единиц является их пограничный характер: они не принадлежат ни англо-, ни русскоязычной культуре и требуют от говорящего свободного владения обоими языками. При этом абсолютно неважно, какой язык является родным: английский или русский. Оба языка в равной степени можно рассматривать как субстраты для псевдоанглийских единиц. Следовательно, представляется, что мы имеем дело с принципиально новым языковым явлением, которое можно было бы назвать постстандартом.

Термин «постстандарт» описывает языковое образование, имеющее пять основных признаков:

1) оно основано на субстратных по отношению к нему стандартных языках (например, на русском и английском языках), что находит отражение в наименовании его разновидностей (рунглийский, испанглийский, франглийский и т.п.);

2) оно вызвано двуязычием его носителей, приводящим к взаимопроникновению разных культур;

3) функция такого языкового образования – интегрирующая, объединяющая народы и культуры, преодолевающая государственные и иные границы;

4) оно порождено всесторонней глобализацией и способствует её дальнейшему развитию;

5) важную роль в нём играют разновидности игры слов, основанные на двуязычном языковом материале.

Самым развитым постстандартным языковым образованием можно считать испанглийский, который также можно рассматривать как отдельный язык: в нём имеется то, что принято называть литературной нормой, системой функциональных стилей, этот язык имеет черты самоидентификации и является языком учебников, словарей и художественной литературы (в том числе и переводных текстов).

В отношении рунглийского языкового образования и его статуса представляется очевидным, что в структуре современного русского языка происходит формирование целого класса пограничных рунглийских элементов, которые могут быть понятны исключительно носителям русского и английского языков. Однако, в отличие от испанглийского, рунглийский как отдельное языковое образование носит на сегодняшний день характер стилистической игры. Поэтому рунглийский можно пока ассоциировать только лишь с социолектом русского и/или английского языка, т.е. с выбором стиля общения, а не с отдельной языковой системой.

Литература

1. Шахова Н. Лошадиная сила изделия // Компьютерра. – 1995. – № 35–36. – С. 40–42.
2. Лангуст [Электронный ресурс]. URL: www.langust.ru (дата обращения: 15.01.2012).

РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

Смулов А.М.

Преподаватель кафедры Миссиологии
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,
г. Москва, Россия

МОНАШЕСКИЕ СЪЕЗДЫ 1909 И 1917 ГГ. И СОВРЕМЕННОЕ МИССИОНЕРСКОЕ СЛУЖЕНИЕ РПЦ

«... за последние двадцать с лишним лет произошло, может быть, самое главное: люди начали связывать свою жизнь, свое благополучие, нравственное здоровье страны с Русской Православной Церковью. Какая же колоссальная теперь на нас ответственность!»

Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси [1, с. 119].

Первый Всероссийский монашеский съезд 1909 г. (5-13 июля ст.ст.) явился важным событием для всего русского монашества, крайне нуждавшегося в обсуждении назревших и больных вопросов духовного и земного бытия монашествующих. Св Синод определил Почетным председателем съезда Московского митрополита Владимира (Богоявленского), а председателем – Вологодского архиепископа Никона (Рождественского), который и стал основным докладчиком с темой: «Нужды современного русского монашества».

Основной и главнейшей задачей съезда стало получение ответа на вопрос о том, «какие меры возможно и должно принять для поднятия духовной жизни в современном монашестве, какие препятствия к этому необходимо устранить...» [2].

Перечень вопросов решаемых на съезде составил 22 позиции, но к самым важным из них, а ныне и крайне актуальным, можно отнести вопросы о:

- мерах по усилению воспитательного действия богослужения;
- развитию в монастырях старчества и духовничества;
- монастырском миссионерском служении, включающем старчество для мирян, внебогослужебные беседы, борьбу с сектантами и безбожием;
- служении иночества во время войн и смут.

Особо напряженно ставился и обсуждался вопрос об усилении монашествующими всех видов миссионерской деятельности, но при этом дискуссионным оставался вопрос о благотворительной деятельности монастырей и о формах их социального служения вообще. Докладчик (архиеп. Никон) подчеркивал: «...не значит, что монастыри вовсе не могут делать и такое добро для мира: это значит только, что сие добро не должно ставить самоцелию для монахов. Пусть оно явится, если сие Богу угодно, как зрелый плод их духовного преуспевания...» [2].

Съезд подчеркивал, что центром монастырского делания является истовое исполнение богослужения. Именно оно приводит к возгреванию молитвенного духа, ведет к постоянному хождению перед Богом, являет науку и пример мирянам. Потому Божии службы обязаны совершаться чинно, благоговейно, благолепно, с должным уважением, не упуская «словеса Христовых блаженств» и вычитывая все положенные святоотеческие поучения.

Старчество было определено как самый жизненный нерв истинного православного монашества. Без старчества невозможно воспитание достойной высоты духа, нуждается в старце любая и каждая обитель, и развитие старчества есть насущная и важнейшая задача Православной Церкви. Чудесным признан тот общеизвестный факт, когда общение со старцами не прекращается и по их смерти. Старчество признается главным путем служения миру и духовничеством для говеющих мирян. Старец, сам прошедший все искусы, может быть помощником искушаемым, их Учителем и Наставником.

Справедливую критику вызвало состояние и деятельность ученого монашества, которое проявляет себя на поприщах учебном, пастырском, миссионерском, но не являет при этом примера высоко духовной послушнической жизни. Проблема определяется тем, что обычный монах движется по иерархическим ступеням постепенно, вооружается терпением и смирением, а его ученый собрат, весьма часто, сразу, с учебной скамьи, взбирается на иерархические высоты и только там уже учится быть послушником, воспринимая путь скорбей и крестоношения в облегченных условиях или воспринимая его ущербно. Церковь же нуждается в ученых монахах, но в первую очередь в смиренных подвижниках духа, сильных борцах со злом, добрых, беззаветно преданных Христову делу пастырях.

Итоги работы съезда в области православного миссионерства сформулировала работавшая на нем Миссионерская комиссия [2]:

- учёное монашество должно привлекать в качестве монастырских миссионеров для ведения проповедей, для проведения внебогослужебных бесед как с иноками, так и с мирянами;
- монастырям, в рамках епархиальной миссии, надлежит заботиться об истовом богослужении, совершении крестных ходов и проповедничества;
- монастырские библиотеки должны иметь апологетическую литературу, а монашествующие обязываются раздавать народу апологетические листки и брошюры;
- епархиальным миссионерам следует знакомить иноков с историей и заблуждениями раскольников, сектантов и иноверцев;
- при обителях желательно организовывать миссионерские школы и курсы, как для клириков, так и для мирян, обителям действенно помогать епархиальной миссии в организации миссионерских собраний и съездов.

Остановимся несколько более подробно на Первом Всероссийском съезде ученого монашества, который собрался с 7 по 14 июля 1917 г. в стенах

Свято-Троицкой Сергиевой Лавры (в Московской Духовной академии) и был призван ответить активной позицией на критику в адрес ученого монашества, прозвучавшую еще 8 лет назад в 1909 г. на Первом Всероссийском монашеском съезде.

Значительно ранее созыва съезда 1917 г., архимандрит Феодор (Поздеевский; в последующем – архиепископ) в своей статье «Об ученом монашестве» [3] писал, что поскольку ученое монашество «по своему происхождению академическое», то оно может быть предметом внимания академической комиссии, а так же ученое монашество может быть предметом разговора и на монашеском съезде. Автор отмечал, в частности, что ученое монашество несет очень важное служение, в начале своей деятельности оно служит «делу воспитания юношества в духовно-учебных заведениях, служит делу миссионерства, в минимальном числе настоятельствует в монастырях», а завершали, как правило, свой путь ученые иноки в сане епископов.

И вот, через относительно небольшое время, ученые монахи собрались на своем первом съезде.

Начало XX в. было временем больших перемен, и перемены эти носили угрожающий для русского Православия характер. Временное правительство нарушило баланс отношений Церкви и государства, оно заняло агрессивную позицию, направленную на нарушение всей стройности церковной жизни, на подавление экономической жизни монастырей и приходов, на отторжение церковно-приходских школ от Церкви. Государство приступило к крайне агрессивной экспроприации любого имущества и средств церковных братств.

Поскольку при Временном Правительстве, в первую очередь решалась судьба духовных школ и братств, то одной из центральных задач Церкви стала задача сохранения порядка и единства, а одним из главных вопросов съезда стало обсуждение проекта создания Иноческого Церковно-просветительного братства с центром в одном из ведущих монастырей и объединяющего монахов целого ряда обителей. В члены братства приглашались все епископы Русской Церкви, а кроме монашествующих могли быть приняты и миряне, способные служить целям братства.

Основной задачей братства определялась задача научной разработки актуальных богословских вопросов. К тому добавлялись, в частности:

- учреждение духовно-учебных заведений и школ пастырской и миссионерской направленности,
- составление учебных руководств и издательская деятельность,
- и многое другое, важное как в современной съезду, так и в сегодняшней жизни Православной Церкви.

При монастырях надлежало организовать Пастырско-Богословские институты, основной целью которых бы являлась подготовка пастырей. Для подготовки же миссионеров высокого духа и знания предполагалось открыть специализированные Миссионерско-Богословские институты в Иркутске и Москве, в Астраханской, Донской и Ставропольской епархиях.

Съездом были приняты два вида решений: во-первых, «по части принципиальной» и во-вторых, «по части практической».

В постановлениях «принципиальной части» можно выделить следующие важные пункты [4]:

- ученое монашество едино со всем монашеством в силу единства цели иноческой жизни;

- ученое монашество служило и впредь готово служить делу богословско-религиозного просвещения клира и мирян, но при соответствующей монашеским обетам организации быта и условий деятельности, обеспечивающих обязательное сохранение монашеской дисциплины и исполнение монашеских молитвенных подвигов, а в случае освобождения от послушания по учебно-педагогической службе, монашествующие должны безропотно удалиться в монастырское братство;

- «учёные монахи должны охотно уступать первенство за богослужением старшим по посвящению и положению священникам и монашествующим, хотя бы и не получившим образования».

Съезд подчеркнул особую важность того, чтобы ученые иноки с самого начала своей монашеской жизни были бы под руководством духовных старцев.

Практическая часть полагала меры по реализации задач сформулированных в части принципиальной, а также назревших текущих задач.

В дальнейшем Поместный Собор РПЦ 1917-18 гг. принял решение о создании Иноческого Всероссийского Церковно-просветительного братства с центром в Московском Даниловом монастыре и высшим духовном учебном заведении при нем. Решением Собора братству предоставлялось несколько монастырей, при нем должны были действовать академии, печатный орган, типография. Однако этим судьбоносным Соборным решениям, в подавляющей части, не суждено было реализоваться в силу нетерпимого атеистического противодействия советской власти.

Перейдем к рассмотрению современного состояния дел.

В 2009 г. Св Патриарх Кирилл отмечал, что паства Русской Православной Церкви составляет как минимум 60 процентов российского общества [1], однако при этом большая часть позиционирующих себя как православные нерегулярно ходит в храмы и присутствует на богослужениях.

В 2010 г. в докладе на Архиерейском совещании в Москве (2 февраля) Святейший Патриарх отметил, что итогом постсоветского периода новейшей истории РПЦ стало то, что до 80 процентов населения страны определяют себя как православные [5]. Более того, 94% населения России оценивают свое отношение к Православию как «очень хорошее» и «хорошее» [6].

К 1990 г., как и на протяжении последних десятилетий советского периода, основой приходов являлись пожилые женщины, проживающие в сельской местности, а равно и переселившиеся из деревни в город. Женщины пенсионного возраста составляли от 80 до 100 процентов постоянных

посетителей храмов [7]. К настоящему моменту в храмы приходит значительно большее число женщин предпенсионного возраста, мужчин и молодежи. Приходящую в храмы молодежь можно разделить на две категории. Это младенцы, отроки и отроковицы приводимые в храм воцерквленными родителями, а также молодые люди принявшие Бога в сердце и сознательно участвующие в жизни приходов.

Глубочайший кризис атеистической идеологии, прибавившиеся к тому, в последние десятилетия, тяжелые социальные и экономические потрясения («шоковая терапия»), вернули российскому обществу внутреннее, исторически присущее, стремление к восстановлению духовных и культурных ценностей и побудили обратиться к Богу, к Христу, к Православию [6].

По состоянию на 2011 г. число людей, достаточно регулярно посещающих православные храмы, значительно выросло. Еще более выросло число людей отмечающих церковные праздники, однако, делающих это ради формального праздника, нисколько не смущаясь своей малоцерковности или даже безразличием к религиозным взглядам. Вместе с тем к Церкви обращаются лица, ранее бывшие неверующими и даже воинствующими атеистами. Социологические исследования последних двадцати лет отмечают заметный рост религиозности российского общества. При этом оценка степени доверия Православной Церкви составляет около 40 процентов, значительно опережая аналогичную оценку Государственной думы РФ и органов государственного управления [6].

Вместе с тем, исследования выявляют явный разрыв «между верой в Бога, как состоянием сознания и поведением, как выражением этой веры» [6]. Как отмечал еще в 2000 г. в своем докладе на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви в Москве (13-16 августа), ныне почивший в Бозе, Св Патриарх Московский и всея Руси Алексий II: «отдаление современного человека от Бога становится угрожающим» [8]. И это при том, что «обстоятельства нынешнего времени таковы, что равнодушие к утверждению православных ценностей жизни в окружающем нас мире может поставить цивилизацию на грань катастрофы» [Св Патриарх Кирилл, 1, с. 77]

На начало 2009 г. в Русской Православной Церкви имелось более 29,2 тыс. приходов. В последние годы на Россию приходилось около 50% их числа. Следующей по числу приходов выступала Украина (почти 40%), в Белоруссии насчитывалось около 5% приходов и в Молдавии несколько более 5,7%. Важным показателем явился рост числа монастырей. Общее число монастырей возросло до 804, из которых в России – 478, в том числе 234 мужских и 244 женских [9,10]. То есть, рост числа женских монастырей несколько опережает рост числа монастырей мужских, по-видимому несколько быстрее росло и число монашествующих женщин и послушниц.

В 2010 г. в Русской Церкви насчитывалось 160 епархий, при 207 правящих и викарных епископах. Число приходов составило более 30,1 тыс.

Число действующих монастырей было 788, в том числе 386 мужских и 402 женских [5].

К началу последнего десятилетия XX в. перед Русской Православной Церковью стояли следующие основные задачи:

1. территориально-инфраструктурного расширения: открытия новых монастырей, приходов, духовных учебных заведений, епархий и т.д.;
2. создания системы церковного управления адекватной реалиям наступивших времен: проведение трансформации церковных властных учреждений и институтов (в первую очередь монастырей и приходов), встраивание вновь создаваемых субъектов церковных отношений в структуру иерархии быстро растущей Церкви,
3. разработки политики и тактики выстраивания отношений как с органами государственной власти и управления на всех уровнях, так и в отношении сепаратистско-раскольнических устремлений в церковных епархиях бывших республик СССР.

Перечисленные, сами по себе весьма непростые, задачи накладывались на сложности коллизий перехода страны к иной общественно-экономической формации, нестроения действий законодательной и исполнительной властей, усиливающуюся нестабильность и социальную напряженность российского общества [7].

В решении всех этих задач активное участие принимало ученое монашество всех уровней: от рядового инока до Первоиерарха. Понятно, что одними из главнейших проблем этого времени явились две: богословское осознание и оценка событий уходящего века, тематика богословского анализа на будущее время, а также воссоздание и построение миссионерской работы РПЦ.

Прошедшая 7-9 февраля 2000 г. Юбилейная богословская конференция «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия» определила следующие приоритетные цели: «возрождать традиции образовательного, просветительного, благотворительного, миссионерского, церковно-общественного служения» [11], то есть все то, что составляет основное содержание полнокровного и целостного миссионерского служения Церкви.

Плодами трудов ученого монашества стало последовательное появление в сфере миссионерской деятельности двух судьбоносных церковных документов: «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской православной Церкви» (принята на Заседании Священного Синода РПЦ 6 октября 1995 г., журнал №4043) и «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» (принята на Заседании Священного Синода РПЦ 27 марта 2007 г., журнал №12).

Посланничество в мир – миссия апостольская – одно из основополагающих служений Церкви Христовой. Сегодня здравый мир с новой силой, зачастую неосознанно, требует ясное, прямое и истинное слово от Православной Церкви: как жить дальше, как придти к спасению? Если в досоветский период Церковь более акцентировала свои усилия на внешней

миссии, то после почти столетия «безумства властей» (см. Пс. 73:18) и откровенного манипулирования массовым сознанием, на передний план выходит именно внутренняя миссия: миссия «внутри церковной ограды» и миссия внутри Отечества. Если сегодня не обратить самое пристальное и приоритетное внимание на внутреннюю миссию, то «через несколько десятков лет наши храмы будут пусты» [9].

Отмеченное выше материальное возрождение монастырей и приходов весьма важно, но оно не должно заслонять возрождения духовного. Внутренняя миссия должна быть направлена на устроение братской любви между всеми чадами Церкви, на строительство крепких православных общин, опирающихся в своем духовном единении на монастыри, на монашеское старчество и духовничество. Только через миссионерскую активность, самоотверженность до полного забвения своих нужд, ответственность перед будущими поколениями и Любовь возможно прийти к подлинному воцерковлению всего российского общества [9].

На современное монашество возлагается особая миссионерская ответственность: активный рост городов и поселков приводит к практическому смыканию оград монастырей с улицами и дорогами, со стенами домов и светских учреждений. Древние монастыри оказываются центрами населенных пунктов, «пúстынями святости», «осажденными» со всех сторон миром. Мир нуждается в духовной возвышенности монастырей, и монастыри, а следовательно – монашествующие, обязаны молитвами и добродетелями целить страсти мира. Свт Димитрий Ростовский говорил: «молитвами иноков Господь содержит сей мир» [цит. по 8].

Ученое монашество давало, дает и будет давать ярчайшие примеры святости и одновременно миссионерского служения. Помянем лишь некоторых: свт Стефан Пермский, апостол зырян, прпмч Корнилий Псково-Печерский, прп Макарий (Глухарев), первоапостол Алтая, свт Иннокентий (Вениаминов), апостол Сибири и Америки, свт Николай (Касаткин), апостол Японии.

Св Патриарх Кирилл обращает внимание на активную позицию, которые православные христиане должны занимать в деле миссии. Он говорит: «Если мы хотим научить [*наш народ*], а сегодня это необходимо, – нужно идти к народу. ... Если ядром приходской жизни будет богослужение и молитва, а вокруг него будет формироваться образовательная и социальная деятельность, то приходы у нас станут центрами не только богослужebной, но и общественной жизни» [1, с. 120]. Первоиерарх РПЦ вновь перечислил в этой фразе практически все концептуальные составляющие миссионерского служения.

Очевидно, что главная проблема современного ученого монашества (да и всех монашествующих в целом), как и в 1909-1917 гг., как и много ранее, состоит в его духовном оскудении, в отсутствии старцев-духовников – наставников молитвенного делания. С сожалением следует признать, что русское монашество в современном его состоянии не является значимым

центром духовного влияния Церкви на общество и государство. Вопрос состоит в том, что никто иной, кроме монашествующих, выполнить задачу молитвенного делания достойным и надлежащим образом не может. Только монашество есть полное посвящение человека Богу, именно оно держит на своих плечах непрестанное молитвенное служение. Как писал афонский старец Иосиф Исихаст: «Умная молитва является моей профессией» [цит. по 12]. Без умной молитвы монашество теряет свою «профессию», свое Божественное призвание, цель своего бытия и превращается в группу лиц без определенного предназначения.

В основе озвученной позиции стоит и более чем тысячелетняя история святости русского православного монашества, восприятия его народом именно как носителя божественной святости. Монахам предстоит вновь восстать «совестью народа», стать реальными носителями святости, голосу которых будут внимать все граждане России и зарубежья.

Вынужденное богоборческими властями нарушение духовной преемственности в воспитании старцев, усилиями Церкви, постепенно, но весьма нескоро восстанавливается. Острый недостаток опытных духовников составляет сегодня значимую проблему в масштабах всей окормляемой РПЦ территории. Этот недостаток сказывается и на жизни монастырей, и на пастырском ведении народа Божиего. Духовник-старец прикладывает много духовных и телесных сил для стяжания Божественной благодати и приходящих от нее добродетелей. Только стяжав дары Духа Святого – любви, кротости, терпения, смиренномудрия, учительства, рассудительности, а порой и прозорливости, духовник может вести своих духовных чад по пути обожения, принимая покаяние и вместе с ним полную ответственность перед Богом за творимое душепопечение. Признанным является то обстоятельство, что только тот, кто имеет собственный богатый и трудный духовный опыт, реальное познание борьбы с грехом, «невидимой брани», может и имеет право беречь пасомых от ошибок, сделать наставления духовного отца понятными для их сердец, обеспечить принятие слов старца душой ученика [11].

В докладе на Архиерейском Соборе 2004 г., Св Патриарх Алексий II поднимал и другую сторону этого вопроса: проблему духовного уровня настоятелей и настоятельниц монастырей. Патриарх подчеркивал, что в силу ряда обстоятельств, начальствующими становятся «монашествующие, еще не успевшие приобрести достаточный опыт монастырской жизни» [9], посему допускающие ошибки в управлении монастырем, как на мирском, так и на духовном уровнях. Первоиерарх призвал архипастырей обратиться в вопросах духовного окормления к опыту и традициям крупных монастырей, назвав в качестве одного из примеров Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Особо было отмечено, что «Откровение помыслов – действенный, но очень тонкий инструмент духовного врачевания, касающийся глубоко личных, сокровенных переживаний человека. Применять его может только тот, кто

достиг высот духовной жизни и имеет на то исключительное благословение Священноначалия» [9].

Предстоит воссоздать истинное умное делание и с ним – старчество-духовничество, как источник роста духовности самих иноков, так и воцерковления мирян. Примерами тому: прп Сергей Радонежский и сотни его учеников, прп Кирилл Белозерский и десятки его последователей, прп Нил Сорский и все его выученики, прп Паисий (Величковский), свт Филарет (Дроздов), прп Макарий (Глухарев), св прав Иоанн Кронштадтский, свт Макарий (Невский), многие сотни других угодников Божиих, прославленных Церковью в различных ликах святости. И здесь требуется снять разрыв между ученым монашеством и монашеством вообще, отмеченный на Первом Всероссийском монашеском съезде (1909 г.). Воплотить решение Первого Всероссийского съезда ученого монашества (1917 г.) о молитвенном и деятельном единении всего монашества «в силу единства цели иноческой жизни».

Приоритетным направлением деятельности ученого монашества является миссионерство в молодежных аудиториях, в первую очередь в студенческой и армейской [7].

По сей день развитие миссионерства в молодежных коллективах остается одним из самых проблематичных церковных деланий. Этому можно найти много причин, но важнейшей их них следует признать неготовность миссионеров к встрече с молодежной средой: частью акселеративной, частью светски образованной, частью агрессивной, частью задурманенной, в силу того, что «весь мир лежит во зле» (1Ин. 5:19) и правит им «князь мира сего» (Ин. 12:31).

Св Патриарх Кирилл отмечал, что «сегодня потребность в слове Христовой Истины у молодых людей особенно высока. ... активизация данного направления нашей деятельности является одной из важнейших задач для всей Русской Православной Церкви» [5]. И здесь для ученого монашества бескрайнее поле для миссионерской работы. Как и было сказано на съезде 1909 г., оно должно привлекаться «в качестве монастырских миссионеров для ведения проповедей, для проведения внебогослужебных бесед» в первую очередь с молодежью.

Именно ученому монашеству под силу богословско-компетентная реализация желания молодых прихожан, студентов, воинов собираться вместе для чтения и обсуждения Св Писания и церковного Предания, житий православных святых и путей их аскетического духовного (внутреннего) делания. Именно молодое ученое иночество – ровесники – лучшим образом могут растолковать пытливым умам трудные к пониманию места Св Писания и прививать молодежи завет ап. Павла: «храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1Тим. 6:20). Заранее подготовленные, по образу «Троицких листков», печатные материалы, вручаемые участникам таких собраний, могли бы закрепить усвоение полученных представлений путем домашнего прочтения для себя и

членов семьи, других близких [7]. Таким образом, реализовывалось бы древнее правило: «повторение – мать учения» и расширялся круг миссионерского влияния.

Важной частью приложения сил монашествующих становится создание молодежных православных центров, которые следует разворачивать как в городах, так и в сельской местности, приумножая имеющиеся. По состоянию на 2004 г. таких центров в России было всего 287, в Украине, Белоруссии, Молдавии и всех остальных странах вместе взятых – 139 [9].

Молодежь много времени проводит в виртуальном общении через интернет-сеть, в, так называемых, «социальных сетях». Авторитетные миссионеры, опытные богословы-педагоги, равно и молодые ученые из иноческого числа, могли бы участвовать (частью уже участвуют) в организации и проведении дистанционных встреч на миссионерских и других целевых форумах-чатах, общении в режиме видеоконференций, что называется «глаза в глаза», рекомендовать к прочтению православную святоотеческую и церковную литературу по теме состоявшегося обсуждения, предостерегать от соблазнов.

Молодые иноки, воспитанники духовных православных семинарий и академий, могут, с благословения священноначалия, часть своего времени посвятить участию в паломнических поездках приходской молодежи. Сами возрастая духовно, монахи могли бы использовать такие поездки для активной катехизации, научению жизни по вере, совместных с молодыми паломниками молитв и трудов на благо Церкви [5].

Значимой составляющей миссионерской работы является культурно-просветительское служение православных подвижников в рядах вооруженных сил. Армия, авиация и флот становятся все более интеллектуально-наполненными и одновременно душевно неустойчивыми. Неся возможность уничтожения миллионов людей и всего мира, не возрастающие духовно вооруженные силы становятся зоной повышенной опасности и острой борьбы за умы, сердца и души людей.

С инициативой обращения духовенства к военнослужащим в хаотичном 1990 г. выступил один из самых достойных представителей ученого монашества советского периода, ученик Св Патриарха Алексия I (†1970), архиепископ Саратовский Пимен (Хмелевский, †1993). 9 декабря указанного года Владыка выступил с докладом по *идеологическим*! вопросам перед офицерами стратегической авиации, которых собрали на военную конференцию в г. Энгельсе (Саратовская обл.) со всех мест дислокации разваливающегося уже Советского Союза [13, с. 204]. Через десять лет, в 2000 г., с трибуны Юбилейного Архиерейского собора Св Патриарх Алексий II провозгласил: «жизнь настоятельно диктует необходимость создания института регулярного военного и морского духовенства, что особенно актуально для работы в дальних гарнизонах и на флоте [8]. И вот еще почти через десять лет (21 июля 2009 г.) Президент России и Верховный Главнокомандующий Д.А. Медведев поддержал воссоздание в армии и на

флоте института военного духовенства. Возникли невиданные после 1917 г. условия для взаимодействия РПЦ и российских Вооруженных сил. На новом участке миссионерского поля Церковь полагает опираться на дореволюционный опыт духовного воспитания отечественного воинства, равно и на разумный опыт функционирования института капелланства зарубежных стран.

Св Патриарх Кирилл, обращаясь к архипастырям, просил их «со всей серьезностью отнестись к открывшейся для Церкви замечательной возможности», особо подчеркнув то, что в силу трудностей и лишений воинской службы, удаленности гарнизонов и кораблей, при подборе кандидатов значительную их долю «могут составить миссионерски ориентированные монашествующие» [5].

Нет возможности обойтись без монашествующих в социальном служении Церкви. Задача, а по существу программа служения ближним (суть – социального служения) была определена Самим Христом в Его словах: «...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. ... истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:35-36 и 40; см. также [9]) и наглядно продемонстрирована на деле в притче о милосердном самарянине (Лк. 10:30-37), которая заканчивается словами Спасителя: «иди, и ты поступай так же». Св Патриарх Алексей II так указывал на нужду исполнения верующими социального служения: «Принять под церковный кров, обогреть, накормить, одеть, а может быть, и воспитать, и научить – наша первейшая христианская обязанность» [9].

Показателем серьезнейшего отношения Церкви к социальной направленности своего делания явилось принятие 04 февраля 2011 г. Освященным Архиерейским собором документа «О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви». Документ прямо отмечает неразрывность благотворительного служения от жизни монастырей. В нем говорится: «Монастыри, являясь центрами аскетического подвига и молитвы, издревле участвовали в делах милосердия и благотворительности. ... Монастыри могут осуществлять с учетом особенностей их внутренней жизни те же виды социального служения, что и приходы» [14].

Медленно, но неуклонно возвращается православная духовная помощь в стационарные медицинские учреждения, в сферу социальной благотворительности. Не забыты заботой и вниманием заключенные в тюрьмах и исправительных учреждениях.

Коснемся роли монашествующих в образовании, богословской и миссионерской науке.

Сегодня, когда в целом воссоздана система богословского духовного образования, следует существенно большее внимание уделять качеству предоставляемого студентам образования. С одной стороны, уровень

образования духовенства требует значительного совершенствования, с другой стороны, без надлежащего уровня готовности священнослужителям крайне сложно исполнять пастырскую миссию, тем более обращаться с проповедями к светски достаточно хорошо выученной пастве.

Церкви нужны «люди, способные на высоком духовном, нравственном и интеллектуальном уровне выполнять миссию, возлагаемую на них Церковью» [8]. Такой категорией является преимущественно ученое монашество. В молодежном своем крыле оно должно осваивать методы научно-богословского синтеза, научиться самостоятельной мыслительной деятельности, работе с первоисточниками. Конечно, и в этом случае нужны умудренные старцы, которые помогут, как раскрыть научный потенциал соискателя, так и оказать ему бесценную духовную поддержку. Такой подход полностью соответствует духу постановлений Первого съезда ученого монашества. Реализация же этого духа происходит в Духовых школах, организованных и ведущих процесс образования при монастырях, обладателях традиций высокой духовной учености [9].

Важным аспектом является участие монашествующих в осознании различных сфер богословского знания. Именно такая постановка вопроса заострена Св Патриархом Кириллом перед духовными академиями, Общецерковной аспирантурой и православными университетами, которые должны не только давать фундаментальные богословские знания, но и создавать эти знания, превратиться в крупные и авторитетные научно-богословские и научно-миссионерские центры. Параллельно должна создаваться рациональная система распределения научно-богословских кадров, воспитанников Центров, по епархиям и внутри епархий, которая позволяла бы получать максимальный, в том числе миссионерский, эффект от использования знаний молодого ученого монаха.

Во всем мире происходит процесс глобальной секуляризации. Касается этот негативный процесс и канонической территории – миссионерского поля Русской Православной Церкви в России, Белоруссии, Украине, Молдавии и других странах. В условиях делегирования многих, ранее суверенных, прав государств международным сообществам, нарастания информатизации и интеллектуализации труда, определения результатов экономических, социальных и политических процессов неким размытым «принципом пользы», выражающимся зачастую в денежном эквиваленте, человеческое сообщество все более и более отпадает от истин духовных, нравственно-этических норм и впадает в бездонный моральный кризис. При таких, губительных для человека, предпосылках на первый план неизбежно выходит миссионерская деятельность Православной Церкви, в первую очередь внутренняя, но и внешняя, включающая в себя информационную, культурно-просветительскую, социально-благотворительную, внешнебогослужебную и богослужебную деятельность, направленную на восстановление в человеке образа и подобия Божиего [11].

О значимости и результативности миссионерской деятельности Русской Православной Церкви говорит заявление Госсекретаря США Кондолизы Райс, прозвучавшее в докладе 9 ноября 2005 г. о соблюдении свободы религии в мире. Официальный представитель США отнес Россию в группу стран, «власти которых проводят предвзятую политику по отношению к представителям неосновных религий». Выражается эта предвзятость в том, что «РПЦ получила по сути монополию на религиозную деятельность в российских больницах, школах, тюрьмах и армии». По результатам исследования, аналитики спецслужб США определили Русскую Православную Церковь в качестве главного врага свободы религии в России, поставив в идеал Микронезийско-Полинезийское государство Кирибати, состоящее из 33-х маленьких атоллов (двадцать из которых необитаемы) с населением около 95 тыс. чел. и водной поверхности, общей площадью около 80% территории г. Москвы. Заслуга этого микрогосударства, поддерживающего дружеские отношения с США, состоит в том, что «в этой стране разрешены любые религиозные организации» и «не существует никаких условий для регистрации» [15].

Подводя итог сказанному о роли ученого монашества и преемственности съездов 1909 и 1917 гг. в современной жизни Церкви следует отметить, что роль эта сегодня заключается в создании и инициативной реализации программно-целевого подхода в решении насущных задач церковной жизни. Только такой, строго целеориентированный, содержащий четкие программы развития направлений добродетели, подход сможет обеспечить эффективность взаимоотношений Церкви с властью и обществом [5].

В первую очередь, ученое монашество, в своем внешнем делании, обязано быть сориентировано на миссионерские труды. Как справедливо отметил Св. Патриарх Кирилл: «когда наши братья и сестры, которые еще не нашли дорогу к православному храму, примут умом и сердцем ... удивительные Божественные слова о Пути, Истине и Жизни, тогда изменится наша жизнь – личная, семейная, общественная, жизнь государства. А если проповедь об этом будет усвоена всем миром, то изменится и жизнь всего рода человеческого» [1, с. 122].

Литература

1. «Неизвестный» Патриарх Кирилл. – М.: Даниловский благовестник, 2009.
2. *Серафим (Остроумов), иером.* Первый Всероссийский съезд монашествующих 1909 года: Воспоминания участника. – М.: Изд. им. Свт. Игнатия Ставропольского, 1999.
3. *Феодор (Поздеевский), архиеп.* Положил основание на камне. 1876-1906 гг. – М.: Даниловский благовестник, 2000.
4. Постановления Всероссийского съезда ученого монашества, бывшего в МДА с 7 по 14 июля сего, 1917, года. – Москва: Напечатано в типографии Холмского Православного Св. Богородицкого Братства. Москва, Семеновская площадь, дом №25. 1917.
5. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском совещании. Москва, 2 февраля 2010 г. Сайт: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1061651.html> (дата актуализации 08.02.2013).

6. *Димитрий (Капалин), архиеп.* Религиозная ситуация на юге Тюменской области (по данным социологического опроса). / Труды Тобольской Духовной семинарии. Выпуск 2. – Тобольск: Тобольская Духовная семинария, 2011.
7. Митрохин Н. Русская Православная Церковь в 1990 году. Сайт: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/mi21.html> (дата актуализации 08.02.2013).
8. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на Юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви. Москва, 13-16 августа 2000 г. Сайт: <http://krotov.info/acts/20/20000814/ridiger.html> (дата актуализации 08.02.2013).
9. Доклад Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском Соборе. Москва, Сергиев Посад, 3-8 октября 2004 г. Сайт: <http://www.pravoslavie.ru/news/041004112741.htm> (дата актуализации 08.02.2013).
10. Сообщение Пресс-службы Московской Патриархии. О докладе митрополита Ювеналия на ежегодном Епархиальном собрании г. Москвы. 12 декабря 2008 г. Сайт: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508396.html> (дата актуализации 08.02.2013).
11. *Филарет (Вахромеев), митр.* Оценка состояния и перспектив развития современного православного богословия. Доклад на богословской конференции РПЦ «Православное богословие на пороге третьего тысячелетия». Москва, 7 февраля 2000 г. Сайт: http://minds.by/academy/trudy/special/trs_18.html (дата актуализации 08.02.2013).
12. Любовь (Нестеренко), игум. О современном монашестве. Беседовал С. Чапнин. / Церковный вестник, 2006, №5, март. Сайт: <http://orthodox.kiev.ua/ru/comment/reply/353> (дата актуализации 08.02.2013).
13. *Пимен (Хмелевский), архиеп.* Всегда с Богом. – Саратов: Изд. «Летопись», 2000.
14. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви. Сайт: <http://www.diaconia.ru/articles/documents/o-printsipakh-organizatsii-sotsialnoj-raboty-v-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата актуализации 08.02.2013).
15. Госдепартамент США опубликовал доклад о состоянии религиозной свободы в России. 9 ноября 2005 г. Сайт: http://www.newsru.com/religy/09nov2005/departmentus_religionrf.html (дата актуализации 08.02.2013).

Федотова О.О.

*д. іст. н., професор кафедри теорії, історії
культури і музикознавства*

*Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв,
Україна, Київ*

ІДЕОЛОГІЧНЕ ОБМЕЖЕННЯ ДИТЯЧОЇ ЛІТЕРАТУРИ В УСРР-УРСР (20-30-ТІ РР. ХХ СТ.)

Жовтневий переворот 1917 року сприяв становленню принципово нової державно-ідеологічної структури суспільства. Основним методом боротьби для більшовицького уряду став метод революційного терору, відповідно до якого будь-які опоненти комуністичного режиму підлягали знищенню.

Велику небезпеку для радянської влади становили твори друку, що несли протиріччя офіційній ідеології. Тому з метою централізованого здійснення охоронно-цензурської функції 1922 року розпочало діяльність Головне управління у справах літератури і видавництва (Головліт) та його республіканські органи. Саме означений цензурний орган здійснював повний контроль над усіма без винятку творами друку, стежив за випуском

кінопродукції, робив відбір репертуару тощо. Під контролем Головліту знаходилися всі книжкові фонди республіки, бібліотечна справа тощо. Цензурне відомство готувало й впроваджувало в життя покажчики й списки видань, що підлягали вилученню із книготорговельної, бібліотечної та шкільної мережі тощо.

У середині 20-х років радянською владою були вироблені критерії щодо оцінки книжкової продукції. Так, у спеціальній «Інструкції по вилученню шкідливої літератури з читалень, книгарень та кіосків ринку» (1925 р.) йшлося про визначення тематики книг, котрі підлягали безумовній забороні. Серед них істотну частину склали педагогічні твори, а саме: книги про виховання в дусі основ старого устрою, релігійність, монархізм, націоналістичний патріотизм, мілітаризм, шаноба знатностей та багатства, а також ті видання, в яких наука «змішувалася з релігійними вигадками». Стосовно до дитячої літератури заборонялися видання антисоціального спрямування, в яких пропагувалися «пересуд, націоналізм та релігійність» [1, арк. 2].

Посилення ідеологічних вимог щодо змістового наповнення літератури для дітей припадає на 30-ті рр. ХХ ст. Так, у постанові НКО від 2 вересня 1930 р. зазначалося, що одним з наймогутніших знарядь у боротьбі партії за вплив на маси, а також за комуністичне виховання та організацію - є друковане слово. Вказувалося, що ця теза має безпосереднє відношення і до характеристики друкованого слова в ідеологічному вихованні дітей, у зв'язку із чим до дитячої літератури ставилися «якнайсуворіші вимоги щодо виразності і безпосередньої пролетарсько-класової спрямованості» [5].

Невдовзі побачили світ директиви НКО «Про керування списком дитячих п'єс» та «Про вимоги до дитячої п'єси», за якими були обнародовані «Вимоги до п'єси для дітей», підготовлені на базі тез ЦК ЛКСМУ «Дитяча книжка в реконструктивну добу».

Основними завданнями видань для підростаючого покоління окреслювалися: формування матеріально-діалектичний світогляду; сприяння становленню пролетарсько-класової свідомості; виховання пролетарського інтернаціоналізму; організація участі в соціалістичному будівництві; забезпечення політехнічного виховання дітей тощо.

З метою залучення дітей до національно-культурного будівництва передбачалося особливу увагу звернути на створення оригінальної української дитячої книжки - української за формою та інтернаціональної за змістом.

За гостротою проблем основними аспектами тематичного висвітлення мали стати: тогочасне життя; класова боротьба; перемога соціалістичного будівництва; реконструкція промисловості; перебудова сільського господарства; нові форми людської праці; соціалістичне змагання; перебудова побуту; соціалістичні міста; радіофікація; електрифікація тощо [2].

Окремо наголошувалося на необхідності показу в дитячих книгах діяльності дорослих. На думку авторів тез, обмежування тематики дитячої літератури лише життям і працею дітей, обов'язкове введення дитини, як центрального героя, до кожного твору, неминуcho мало призвести до неправильного висвітлення дійсності. Цікаво, що сама можливість зображення життя дітей не виключалася, однак мова йшла не про показ діяльності особистості, а висвітлення проблем колективу в контексті школи, піонерської організації тощо. І це цілком зрозуміло, оскільки величезну загрозу ідеологи радянської культури вбачали в проявах індивідуального, насаджуючи ідеологічну одноманітність як головну умову функціонування тоталітарної держави.

У тому ж документі класиками марксистської педагогіки заперечувався жанр дитячої казки як такий, що суперечив завданням виховування у підростаючого покоління матеріалістичного світогляду. В цілому стосовно до дитячої літератури планувалося розпочати активну боротьбу проти «моментів сентименталізму та надмірного романтизму». Антропоморфізм дозволявся лише в творах для наймолодшого віку, але заборонявся у сенсі «дуалістичного тлумачення світу» [2, с. 17].

Твори дитячої драматургії також мали відповідати нагальним потребам часу, а саме:

- 1) у текстах вистав передбачалася обов'язкова наявність основних ідеологічних тез відповідно до фінальної частини;
- 2) наряду з п'єсами, велике значення приділялося інсценізаціям;
- 3) в ході роботи з дітьми планувалося широко застосовувати методи імпровізації;
- 4) у дитячих виставах важливий акцент робився на використанні елементів «форм роботи над тілом» - ритміки, танцю, фізкультури;
- 5) розширювалося використання музики в дитячих видовищах;
- 6) фабульна частина п'єс мала бути «захопливо інтересною» (при тому пригодницький жанр заперечувався як шкідливий);
- 7) особливий наголос робився на створенні жанру дитячої комедії;
- 8) до дитячих п'єс передбачалося широко застосувати особливості українського народного мистецтва і пісні.

Таким чином, усі перераховані вище заходи повинні були сприяти підвищенню якості дитячої книги в реконструктивну добу.

Паралельно з тим на початку 30-х рр. активізувалася боротьба з проявами буржуазної ідеології, одним із засобів пропагування якої вбачалися друковані видання. Відбулася масштабна реорганізація республіканських Головлітів, які відтепер одержали право щодо вирішення долі видавництва і контролю над ними.

Упродовж 1930-х років бібліотечні спецфонди значно поповнилися літературою для дітей. Дитячі твори, що не вкладалися у загальний ідеологічний контекст, заборонялися органами контролю й, відповідно, вилучалися з обігу та направлялися до бібліотечних спецфондів, або на

переробку до паперових фабрик. Один примірник конфіскованих видань відсилався до спецфондів спеціально визначених наукових бібліотек.

У «Бюлетені НКО» за 1930 рік було оприлюднено ряд списків дитячої літератури, підготовлених Державним науково-методичним комітетом НКО. Так, скажімо, випуск № 25 містив перелік під назвою «П'єси, що їх треба було переробити». Варто навести приклад подібного цензорського втручання із відповідним коментарем, а саме:

«1. Васильченко С.- У жнива. Етюд на 1 дію, з дитячого життя. Вукопспілка. 1922 р. ст. 23, ц. 20 коп.

Дорослі на жнивах, діти з старою бабусею вдома. Боротьба з забобонами, п'єса жвава, треба викреслити окремі вирази, напр. Господи, царице небесна та ін.» [8, с. 10].

Як бачимо, у даному разі цензор здійснював антирелігійне редагування твору, аби він цілком укладався в заданий державою ідеологічний контекст.

У тому ж випуску зустрічаємо ще один список дитячих п'єс під грифом «Зняти - заборонити». До цієї номінації увійшли «Ідеологічно невитримані, неправдиві та штучні п'єси», до якої потрапили твори С.Васильченка, С.Авслендера, П.Возняка, а також твори класиків світової літератури Бічер-Стоу, Сервантеса тощо.

Окремою рубрикою наводилися фантастичні, казкові та «напівфантастичні» п'єси. У анотації до списку зазначалося: «Звірі, квіти, духи, лісовики, феї тощо - співають, танцюють, взагалі поведуться, як люди». До творів такої категорії можна віднести казку О.Олеся «Кам'яний бичок», п'єсу Капельгородського «Чарівна сопілка» та ін. До цього переліку також потрапили твори, обмежені з інших мотивів, як от:

«Кучеренко - Куркуль Гнида - соціалістична п'єса з життя українського села р.р. 1927 - 28 - ДВУ-1929 р. сср. 72, ц. 39 коп.

Боротьба куркулів з незаможниками. Блок куркуля, попа й колишнього білого офіцера, що стоїть на чолі кооперації. Замах на сількора. Перемога незаможників. П'єса велика, ставити може лише міцний драмкружок» [8, с. 10].

Слід зауважити, що на тому ж етапі були заборонені як «ідеологічно чужі» казки Г.-Х.Андерсена, видані харківським приватним видавництвом «Космос» без належного перероблення та редакції. Видатний датський письменник звинувачувався у приналежності до середньої і дрібної буржуазії, у зв'язку з чим його творчість, на думку радянських діячів, охарактеризувалася наявністю елементів сентименталізму та містицизму.

Певним чином фінальною стала постанова «Про дитячу літературу» від 20 травня 1933 року. В означеному документі говорилося про те, що наявні хиби в дитячій художній літературі були проявом теорій відмирання школи, абстрактного схематизму, правоопортуністичних, біологізму, націоналізму та інших перекозів в дитячому вихованні [6]. Підкреслювалося намагання класових ворогів протягти в дитячу літературу реваншизм та аполітизм. Виходячи з того, Колегія НКО УСРР скасувала дію ухвали Державного

науково-методичного комітету щодо можливості видавати окремі казки у випадку, якщо бракує інших дитячих творів. Отже, відтепер жанр дитячої казки категорично заборонявся.

Таким чином, за результатами дослідження можна зробити висновок про те, що протягом 20-30-х рр. ХХ ст. дитяча література в УСРР-УРСР стала об'єктом уваги органів контролю. Цензура дитячих творів відповідала будь-яким коливанням політичної амплітуди радянської держави, ретельно проводячи у життя принцип ідеологічної одноманітності на шляху виховання підростаючого покоління.

Література

1. Архів Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського, оп. 1, спр. 160, арк. 2.
2. Вимоги до п'єси для дітей: Затв. Центр. Рада позашк. виховання // Бюл. НКО. – 1930. – № 37. – С.16–17.
3. Очеретянко В. Загратовані книги. Встановлення партійно-державного контролю над виданням, розповсюдженням та використанням літератури в Україні у 20-30-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 1999. – №12. – С. 129 – 141.
4. Про видання казок Андерсена: Постанова № 469 Колегії НКО (з прот. Ч.30. 3-5.VIII.1929 р.) // Бюл. НКО. – 1929. – № 34 (173). – С.3.
5. Про вимоги до дит. п'єси: Обіжник НКО до всіх Райінспектур Наросвіти, ОІНО, пед.та дит. видань, до всіх вид-в, від 2.IX.1930 // Бюл. НКО. – 1930. – № 37. – С.16.
6. Про дитячу літературу: Постанова на доп. вид-ва "Молодий більшовик" від 20 трав. 1933 р. // Бюл. НКО. – 1933. – № 26–27. – С.20–22.
7. Про керування списком дитячих п'єс: Обіжник НКО до всіх Округ. інспектур Нар. Освіти, б-к та дит. театрів від 14.VI.1930 // Бюл. НКО. – 1930. – № 25. – С.8.
8. Списки п'єс, що їх переглянув вищий репертуарний комітет НКО УСРР Бюл. НКО. – 1930. – № 25. – С. 9–11.
9. Федотова О. О. Політична цензура друкованих видань в УСРР – УРСР (1917–1990 рр.): монографія / О. О. Федотова. – К.: Парламентське вид-во, 2009. – 352 с.

Иванюк И.А.

*аспирантка кафедри теорії, історії культури і музикознавства
Національної академії керівних кадрів культури і мистецтв
г. Київ, Україна*

СТРУКТУРА ФОНДОВ

МОНАСТЫРСКИХ БИБЛИОТЕК КИЕВА В XIX СТ.

На современном этапе развития исторической науки значительно возрос интерес к вопросам, связанным с историей церкви, которым в советское время вследствие идеологических установок, практически не уделялось внимание. Так как историческое исследование требует достоверности и фундаментальности, его необходимой составляющей является расширение и аналитическая оценка базы источников. Таким образом, проблема исследования фондов монастырских библиотек Киева в XIX в. актуальна в связи с необходимостью изучения книжных центров и их влияния на культурную среду и общество в целом. Также характеристика структуры

книжных собраний киевских обителей, дает возможность углубить общие знания по истории монастырских библиотек в контексте культурологии.

Объектом исследования являются произведения светской и духовной литературы XIX в., сосредоточенные в книжных собраниях обителей.

Предметом, в свою очередь, фонды монастырских библиотек.

Цель исследования – характеристика структуры фондов библиотек Киевских монастырей в XIX ст.

Поэтому заданиями исследования является изучение трудов историков, библиографов, культурологов XIX-XX в., которые рассматривали вопросы, связанные с формированием и функционированием монастырских библиотек, а также определение структуры книжных собраний киевских обителей в XIX ст.

Монастыри издавна были центрами книжности, где создавались, хранились, переписывались книги. Одной из особенностей функционирования монастырей в XIX ст., как впрочем и в более ранние времена, было наличие библиотеки. Под фондами монастырскими библиотеками следует понимать книжные собрания, которые предназначены для персонального чтения монахами, за исключением сакральных текстов [22, с. 6]. Как правило, все монастыри имели собственные книжные собрания, размер которых зависел от экономических факторов, а также роли и значения самой обители. Монастырские библиотеки выполняли не только духовные, но и образовательные функции. Книги, собранные в них, формировали моральные устои общества. Благодаря монастырским библиотекам до наших дней сохранились уникальные рукописные произведения и печатные издания, которые в XIX ст. во многом повлияли на развитие исторических исследований.

Актуальность возрастает в связи с недостаточным осмыслением проблемы в современной украинской историографии и фрагментарностью исследований.

Фонды монастырских, храмовых и других православных библиотек вызывали интерес у многих историков, книговедов, библиографов XIX в., среди них Г. Геннади [4], В. Иконников [8], А. Викторов [3], Н. Малиженовский [16], Н. Мухин [17], П. Лебединцев [13] и др. Внимание к книжным собраниям было обусловлено глубинным изучением истории русской церкви. Вместе с тем, обращая внимание на описи фондов монастырских библиотек, авторы анализировали их структуру, состав, сохранность рукописей и печатных изданий.

Первые попытки установить происхождение и историю развития книжных собраний в Киеве принадлежат Н.И. Петрову [19]. Особое внимание он обратил на рукописные фонды Киево-Печерской лавры, Михайловского Златоверхого, Братского училищного и других монастырей и церквей города.

В советские времена церковная проблематика в исторической науке занимает второстепенные позиции. В общественном мнении утверждается

идея о реакционности и вреде церкви и всего, что с ней связано, поэтому исследования были практически прекращены. Однако в 1924 г. появилась работа В. Барвинок, которая рассматривала древние печатные издания киевских библиотек [2].

В 40-50 гг. XX в. пытались обобщить историю библиотек разных типов В.Е. Васильченко и К.И. Абрамов, издав учебники по библиотечному делу [1]. Однако по идеологическим причинам авторы не могли глубоко анализировать ни монастырские библиотеки, ни их фонды, ни влияние на общество.

Историко-книговедческий и культурологический характер носили работы учёных 70-х гг. XX в. – М.В. Кукушкиной [11], С.П. Луппова [14], С.И. Слуховского [22], Б.В. Сапунова [21], Н.Н. Розова [20] и др.

На современном этапе интерес к монастырским библиотекам значительно возрос. Появилось большое количество, как статей, так и фундаментальных исследований, посвященных вопросам, связанным с библиотеками православных храмов Киева. В контексте развития церкви в целом, а также отдельных церквей и монастырей, фонды библиотек и пути их пополнения изучали С.П. Фунтикова [24], Т.Г. Горбаченко [6], Л.В. Лысенко [15], И.В. Литвин [12], Л.М. Яковец [26]. Историю библиотек отдельных монастырей Киева исследовали В. Ульяновский [23] (Михайловский Златоверхий монастырь), С.Р. Кагамлык [9] (Киево-Печерская лавра), О.О. Крайня [10] (Киевский женский Флоровский (Вознесенский) монастырь).

Библиотеки при монастырях появились ещё в XI ст. С этого времени они являются центрами накопления и сохранения документов, имеющих огромное культурно-историческое значение. На протяжении веков их учредителями были монастыри, храмы, учебные заведения, православные братства, частные лица. В XIX ст. в Киеве библиотеки функционировали в Киево-Печерской Лавре, Михайловском Златоверхом, Пустынно-Николаевском, Выдубицком, женском Флоровском (Вознесенском), Братском училищном монастырях.

Так, церковная и научная библиотека Киево-Печерской Лавры размещалась на хорах Лаврской соборной церкви. Она включала в себя богатое собрание рукописей, но значительное их количество погибло при пожаре 1718 г. Во второй половине XIX ст., по утверждению А.В. Нова, оно было незначительным. Только несколько из них датировались XVII ст., основное же собрание – второй половиной XVIII ст. [18, с. 40]. В то же время Н.И. Петров указал на наличие 415 рукописей, относящихся к монастырской библиотеке Киево-Печерской Лавры [19, с. 1]. Часть из них была передана из библиотек дальних и ближних пещер, Троицкого Больничного монастыря при Лавре. Древнейшая из них относилась к XIV ст. Однако большинство рукописей создано после 1718 г. [19, с. 3]. Научная библиотека была сформирована в XVIII ст. в основном по завещаниям настоятелей и учёной братии Лавры [18, с. 40].

В Михайловском Златоверхом монастыре библиотека размещалась на хорах соборной церкви. В книжное собрание обители входили рукописи и печатные издания, которые хранились в ризнице монастыря, а также в алтаре.

Основу ее фондов составляли рукописи и книги, которые были переданы настоятелями и братией. На 1882 г. их насчитывалось около 3000 экземпляров. Львиная доля книг была передана в библиотеку после смерти епископа Иринея Фальковского [18, с. 69]. В фонды библиотеки также входили три уникальные издания 1618-1630 гг. типографии Киево-Печерской лавры: трехтомное «Беседы Иоанна Златоуста» (1623-1625 гг.), «Поучение Аввы Дорофея» (1628 г.) и виленское издание печатных бесед Макария Египетского (1627 г.) [12, с. 166].

В 1875 г. С. Голубев и П. Лашкарев исследовали собрания Выдубицкого монастыря. Среди рукописей, входивших в фонды библиотеки, наиболее ценными считаются: Евангелие (XV ст.), рукопись Главизна с записями XVII ст., Летописец киево-печерского иеромонаха Сильвестра (XVII ст.) [5, с. 529-531].

Также, функционировала библиотека в Киево-Кирилловском монастыре, но о её судьбе ничего неизвестно. По мнению Н.И. Петрова, вероятно, книги раскрадены, или погибли ещё во времена Екатерины II [19, с. 2].

Собрания библиотек исполняли функции удовлетворения служебных (профессиональных), просветительских, коллекционных и других потребностей священнослужителей, монахов и мирян. Фонды служили для образования и религиозного воспитания населения, в котором церковь принимала активное участие через церковно-приходские школы, духовные академии и другие структуры. Так как монастыри были тесно связаны с процессом воспитания подрастающего поколения, существовала традиция отдавать детей в их стены на обучение. Основной книгой, которая служила образовательным целям, была Псалтырь, которую часто заучивали наизусть. Для расширения знаний читали патерики, труды Дионисия Ареопажита, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других [6, с. 44]. Поэтому в монастырских библиотеках они встречались в большем количестве экземпляров.

Значительную часть составляла так называемая литература для келейного чтения. Она включала церковно-назидательные, справочно-исторические и литературные произведения [7, с. 141]. У монахов имелись сборники, которые они или сами переписывали, или приобретали их для своего чтения на досуге, наряду с теми книгами, которые монахи брали для этой же цели из монастырской библиотеки. Состав келейных сборников зависел не от игумена, а от вкусов и потребностей владельцев этих рукописей. В дальнейшем, после смерти владельца, эти рукописи обычно переходили в монастырскую библиотеку [7, с. 145].

Конечно, светская литература была представлена не так широко, как духовная. В собраниях монастырских библиотек было небольшое количество

книг по математике, физике, географии, химии, медицине и ветеринарии. Также в фондах хранились книги исторической тематики. Так, в Выдубицком монастыре находились труды С. Соловьева «История падения Польши», многотомное издание «История России с древнейших времен» [25, с. 143].

Поскольку монастыри взяли на себя функцию формирования и утверждения определенных моральных норм, это имело и негативное влияние на структуру фондов их библиотек. Часто отсекались и подлежали уничтожению, или же просто были обречены на небытие книги, которые не входили в списки рекомендованной литературы.

Также в монастырских библиотеках собирались книги и рукописи, которые обеспечивали богослужения и другие культовые отправления. Значительную часть составляли библейские труды, труды отцов церкви, сборники канонических правил, жития святых греческой и русской церкви, минеи, прологи, и т.д. – книги, содержащие статьи, предназначавшиеся для чтения на трапезах и других общих церковных «соборах». Православная составляющая книжных собраний формировалась соответственно с 19 правилом Шестого Вселенского собора, которое определяло обязательные для прочтения труды, уставы.

Так, в церквях Пустынно-Николаевского монастыря – в алтарях, трапезной хранились Евангелия, Псалтырь, Апостол, Акафестник, Служебник, Ирмологий и др. [27, с. 122].

В библиотеке Киевского братского училищного монастыря находились труды известных церковных деятелей, например, Лествичника Иоанна «Лествица возводящая на небо» (Санкт-Петербургское издание 1812 г.), толкование трудов учителей церкви – «Толкование на пророка Даниила с прибавлением, собранным из новейших толковников и пространно объясненное» (московское издание 1816 г.), а также киевские издания книг для богослужения – «Служебник» (1806), «Минея месячная» (1811), «Месяцеслов» (1884) [25, с. 145].

Составляющей частью фондов монастырских библиотек Киева в XIX в. были церковные периодические издания. Так, в Николаевском монастыре хранились: номера ежемесячного духовного журнала «Странник», который выходил в Санкт-Петербурге с 1860 г., Труды Киевской духовной академии, «Христианские чтения» – также Санкт-Петербургское издание, которое печаталось с 1821 г., «Церковные ведомости» (издание Святейшего Синода), «Церковный вестник» (издание Санкт-Петербургской духовной академии) и др. На сегодня известно 48 кн. ед. периодических изданий из фондов этой библиотеки [25, с. 141-142].

Фонды монастырских библиотек сосредотачивали и хозяйственную документацию. Это монастырские описи строений и имущества (отписные книги), приходные и расходные, окладные, оброчные, долговые, кабальные и др. книги. Так, в библиотеке Киево-Печерской лавры в XIX в. находились например: «Замечание о количестве сёл, находящихся во владении короля и духовных лиц, с проектом взимания с них податей», Летописные и

хозяйственные заметки 1633-1638 гг. В книжных собраниях Михайловского Златоверхого монастыря – Опись Киево-Златоверхо-Михайловского первоклассного монастыря, сколько в оном имеется церквей и во оном разных церковных вещей и прочего сочинена 1787 года июля дня» [19, с. 26, 33, 249].

Также в библиотеках киевских монастырей хранились юридические документы XVII-XVIII вв. Среди нормативно-правовых актов особое место занимали: рукописная копия «Уложения царя Алексея Михайловича», «Список с указов великого царя и боярских приговоров», «Генеральный Регламент или Устав» Петра I, Универсал короля Сигизмунда III о созвании на 28 октября 1629 г. собора во Львове, для соглашения православных с униатами, Religia Graeska – сеймовая конституция 11 ноября 1627 года, «Именные, також правителствующего Сената и других коллегий указы разных в Киев, с 1714 по 1745 год» и прочие – фонды Киево-Печерской лавры, Статут Великого Княжества Литовского, переписанный с Виленского издания 1774 года – библиотека Пустынно-Николаевского монастыря [19, с. 22, 28, 34, 253].

Значительную часть фондов составляла переписка духовных и светских деятелей, а также частных лиц, которая отражала как основные религиозные и политические события эпохи, так и повседневную жизнь православной церкви. В библиотеке Киево-Печерской лавры хранились: Письмо папы Урбана VIII к митрополиту Петру Могиле, 9 ноября 1643 года; Письмо членов Бельского крестоносного братства к м. Петру Могиле, от 29 сентября 1633 г., о насильственном отнятии у них, 29 августа, униатами Богоявленской церкви; Письмо из Варшавы 1 мая 1632 года, о смерти короля Сигизмунда III; Письмо из Луцка к некоему отцу Антонию, от 29 августа 1632 года, с просьбою не забывать пишущего и писать к нему письма [19, с. 25, 26, 27].

В процессе формирования фондов для монастырских библиотек были созданы механизмы хранения, учета, пополнения коллекций. К XIX ст. были разработаны правила описания книг, позволяющие создавать каталоги, выработаны критерии отбора книг, создавались специальные условия для их хранения, определялись источники и способы пополнения фондов и др.

Принципы систематизации были следующими:

- книги подразделялись по размеру – лист, четвертая, восьмая часть листа;
- языку написания – русские, латинские, греческие, польские, французские [27, с. 122].

Так, в библиотеке Киево-Печерской лавры Н.И. Петров фиксирует 276 славяно-русских, 133 латинских, 4 польских, 2 греческих рукописей [19, с. 3].

Фонды монастырских библиотек пополнялись владельцами частных коллекций, как пожертвование или по завещанию, рукописи и наиболее ценные книги, соответственно переписывались или перепечатывались самими монастырями. К сожалению, частые пожары, а также передача

монастырей из одного церковного ведомства в другое, были причинами исчезновения части хранящихся книг.

Таким образом, в структуру фондов входили непереодические (книги), периодические (журналы) и продолжающиеся издания, например труды КДА (Киевской духовной академии). Фонды монастырских библиотек включали латиноязычную богословскую, философскую, античную литературу, церковнослужебные и богословские труды, написанные церковнославянским и украинским книжным языком, примеры полемической литературы, русскоязычные издания. Тематика книжных собраний была достаточно ограниченной и, как правило, не нарушала церковных рекомендаций.

Литература

1. Абрамов К.И., Васильченко В.Е. История библиотечного дела в СССР(до 1917 г.): Учебник для библ. ин-тов / К.И. Абрамов, В.Е. Васильченко. – М.: Сов. Россия, 1959. – 199 с.
2. Барвінок В. Загальний огляд стародруків київських бібліотек / В. Барвінок. – К.: УНІК, 1924. – 20 с.
3. Викторов А.Е. Государственное древнехранилище в термах Московского Кремлевского дворца / А.Е. Викторов. – СПб.: Типография И. Воцинского, 1882. – 16 с.; Викторов А.Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г., после Д.В. Пискарева / А.Е. Викторов. – СПб., 1868.
4. Геннади Г.Н. Список книг о русских монастырях и церквах. [Текст] / Сост. Г. Геннади. – СПб., 1854. – 47 с.; Геннади Г.Н. Русские книжные редкости: Библиографический список русских редких книг / Составил Григорий Геннади. – Санкт-Петербург: типография А. Траншеля, 1872. – IV, 151, [10] стр.
5. Голубев С.Т. Рукописи Киево-Видубицкого монастыри / С.Т. Голубев // Киевские епархиальные ведомости. – 1875. - № 6. – отд. 2. – С. 529-531.
6. Горбаченко Т. Християнство і слов'янська писемна культура: монастирські бібліотеки /Т. Горбаченко // Українське релігієзнавство. – 2001. – № 17. – С. 37-44.
7. Дмитриева Р.П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV-XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры) / Р.П. Дмитриева // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (ТОДРЛ) – Т. 23. – Л., 1968. – С. 140-170.
8. Иконников В.С. Новые коллекции рукописей в России: Библиографические заметки / В.С. Иконников. – К.: Типография Императорского университета Св. Владимира; Киевское отделение Товарищества печатного дела и торговли И.Н. Кушнерев и К°, 1890. – 31 с.
9. Кагамлик С.Р. 3 історії формування бібліотеки Києво-Печерської лаври / С.Р. Кагамлик // Бібліотеки у розвитку історичної науки в Україні. – К., 1994. – С. 59-61.
10. Крайня О.О. Флорівський (Вознесенський) монастир у Києві як пам'ятка історії та архітектури XVI – поч. XX ст.: Дис... канд. іст. наук: 26.00.05 / О.О. Крайня; Центр пам'яткознавства НАН України і Українського товариства охорони пам'яток історії та культури. – К., 2012. – 198 с.
11. Кукушкина М.В. Обзор собраний редких книг, поступивших в библиотеку АН СССР из Архангельска / М.В. Кукушкина // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук по книговедению. – Л., 1970. – Вып. 2. – С. 253-267; Кукушкина М.В. Книга в России в XVI веке [Текст] / М.В. Кукушкина; Библиотека Российской Академии наук. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 208 с.

12. Литвин І.В. Значення Михайлівського Золотоверхого монастиря в духовному та соціально-економічному житті України у 1620-1786 рр.: Дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / І.В. Литвин; Нац. пед. ун-т ім. М.П.Драгоманова. – К., 2009. – 226 с.
13. Лебединцев П.Г. Дмитриевский монастырь / П.Г. Лебединцев. – К.: Тип. С.В. Кульженко, 1877. – 14 с.
14. Луппов С.П. Книга в России в послепетровское время. 1725-1740 / С.П. Луппов; БАН СССР. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – 380 с; Луппов С.П. Книга в России в XVII веке: Книгоиздательство. Книготорговля. Распространение книг среди различных слоев населения. Книжные собрания частных лиц. Библиотеки / С.П. Луппов; Отв. ред. С.Н. Валк; БАН СССР. – Л.: Наука, 1970. – 224 с.; Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов; БАН СССР. – Л.: Наука, 1973. – 374 с.
15. Лысенко Л.В. Библиотечные коллекции и собрания Украины как объект обслуживания (на примере монастырских собраний Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского / Л.В. Лысенко // Библиотека XXI века: библиотечное обслуживание: Сб. мат. всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов “Библиотека XXI века: библиотечное обслуживание” (4-6 ноября, 2002, Москва) МКРФ РГБ; ЦБС № 1 ЮАО г. Москвы, НКО РВФ, секция РБА “Библиотека XXI века: библиотечное обслуживание” / Сост. отв. ред. за вып. Т.С. Макаренко; науч. ред. Л.Н. Тихонова. – М.: Один из лучших, 2003. – С. 104-111.
16. Малиженевский Н.Ф. Киевский женский Флоровский (Вознесенский) монастырь / Н.Ф. Малиженевский. – К., 1895. – 83 с.
17. Мухин Н. Киево-Братский училищный монастырь / Н. Мухин // Труды КДА. – К., 1895. – № 6. – С. 277.
18. Нов А.В., Антонов В. Памятная книжка Киевской епархии / А. Нов, В. Антонов. – К.: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. – 262 с.
19. Петров Н.И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве / Н.И. Петров. – М., 1892-1904. – Вып 2. – 294 с.
20. Розов Н.Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики / Н.Н. Розов. – Л.: Наука, 1971. – 121 с.; Розов Н.Н. Книга в России в XV веке / Н.Н. Розов; Академия наук СССР; Под редакцией С.П. Луппова. – Л.: Наука, 1981 – 152 с.
21. Сапунов Б.В. Книга в России в XI-XIII вв. / Б.В. Сапунов. – Л.: Наука, 1978. – 230 с.
22. Слуховский М.И. Русская библиотека XVI-XVII вв. / М.И. Слуховский. – М.: Книга, 1973. – 252 с.
23. Ульяновський В.І. Старожитня бібліотека Михайлівського Золотоверхого монастиря. Вип. 1. Спроба реконструкції кириличної збірки / Василь Іринархович Ульяновський, Оксана Кошіль; Національний Києво-Печерський історико-культурний заповідник. – К.: НКПІКЗ, 2008. – 192 с.
24. Фунтикова С.П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее / С.П. Фунтикова. – М.: Издательство МГУКИ ИПО Профиздат, 2002. – 254 с.
25. Шекера І.С. Бібліотеки Київського Пустинно-Миколаївського, Київського Видубицького Михайлівського та Київського Братського Училищного монастирів у фондах відділу бібліотечних збірань та історичних колекцій Національної бібліотеки України імені В.І. Вернадського / І.С. Шекера // Рукописна та книжкова спадщина України: Археографічні дослідження унікальних архівних та бібліотечних фондів / Національна бібліотека України імені В.І. Вернадського, Інститут рукопису. – К., 2007. – Вип. 11. – С. 136-150.
26. Яковець Л.М. Монастирі та собори України як уособлення християнської писемної: Дис... канд. філософських наук: 09.00.11 / Л.М. Яковець; КНУТШ. – К., 2009. – 189 с.
27. Яременко М. Бібліотека Київського Пустинно-Миколаївського монастиря XVIII ст.: «життя» книг /М. Яременко // Просемінарії. Медієвістика. Історія церкви, науки і культури. – К., 2000. – Вип. 4. – С. 119-142.

ПОСТУПЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СБОРОВ И МЕСТНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Поступление налогов в государственную казну и рост долгов по ним идут рука об руку. В современной России остро стоит проблема взыскания долгов с неплательщиков: будь это долги по налогам, по кредитам, за услуги ЖКХ и т.д. В условиях, когда население отказывается самостоятельно погашать свои долги, эта обязанность по решению суда возлагается на судебных приставов. Данные проблемы были свойственны России и более ста лет назад.

В дореволюционной России забота о своевременном поступлении государственных сборов и исполнении местных повинностей входила в обязанности местных органов управления, а точнее губернского правления. К налогам и повинностям относились:

1. Налог с недвижимого имущества частных владельцев:

- государственный поземельный налог:

- с земель частных владельцев;

- частная повинность с дворянских имений;

- государственный земельный сбор с земель:

- с городских;

- с частных землевладельцев;

- с торгово-промышленных зданий;

- с недвижимого имущества и частных лиц;

2. Окладные земские сборы с крестьянских надельных земель;

3. Оценочный сбор;

4. Подушные подати с крестьян.

Сборы и повинности собирались с помощью полицейских исправников, которые отчитывались о результатах работы губернскому правлению. Оно анализировало все поступающие ведомости и два раза в год, к 10 февраля и 10 августа, доносило сенату «об успехах взыскания всех казенных сборов и в случае безуспешности объясняло причину» [8, л. 16]. Форма ведомости для взыскания недоимок включала в себя наименование уездов; сведения об имеющихся недоимках; сведения о взысканных недоимках в течение года; сведения об оставшихся недоимках к концу года.

Если рассмотреть общую картину поступления податей, сборов и недоимок по ним, то можно увидеть какие сборы поступали полностью, а по каким недоимки продолжали увеличиваться. В Казанской губернии в 1867 г. по 11 из 12 уездов в срок поступили недоимки по окладным сборам, на сумму 693 018 руб. 45 коп., долг по недоимкам на 1 января 1868 г. составил

777 823 руб. 39 $\frac{1}{4}$ коп. [7, лл. 36-47], а к 1 января 1874 г. он уже составлял 1 207 759 руб. 97 коп., увеличившись на 21,6 %. Таким образом, в течение года не только не поступала установленная государством сумма сборов, но и не удавалось собрать долги по предыдущим годам. Сумма недоимок росла как снежный ком и переходила из года в год.

Чаще всего в недоимках оставалась подушные подати с крестьян, и они переходили из года в год. Так по Свияжскому уезду Казанской губернии к январю 1874 г. в недоимках осталось 166 руб. 27 коп., а весь долг стал равен 398 руб. 61 коп. В декабре 1894 г. по Сызранскому уезду Симбирской губернии недоимки по подушной подати с крестьян составили 2536 руб. 15 коп. и, так как в этом году они не были погашены, перешли на январь следующего года [2, л. 201]. Главной причиной роста недоимок было отсутствие денег у крестьян. Однако иногда была и другая причина: были случаи, когда деньги не могли быть с них взысканы из-за отсутствия самих крестьян. Из рапорта Свияжского уездного полицейского исправника следовало, что «к январю 1874 г. остаются не внесенными в казну податной недоимки 367 руб. 48 коп., числящейся за дворовыми людьми, причисленными к волостям губернии и находившимися в безызвестной отлучке. Об исключении этих денег из недоимок волостным правлением сообщено в Казанскую казенную палату» [6, лл. 9-9 об.]. И, конечно, не обходилось без растрат со стороны сборщиков. В примечании к отчету о недоимках за 1873 г. сказано, что по казначейству числятся «недоимки прежних лет в размере 7918 руб. 39 $\frac{1}{4}$ коп. с крестьян некоторых волостей Казанской губернии. Однако при более пристальном рассмотрении этой проблемы стало ясно, что эти деньги с них были взысканы своевременно, и не сданы в казначейство сборщиками (волостным старшиной Васильевым и членом волостного правления) из-за растраты, о чем заведено дело у судебного следователя» [5, лл. 20-24].

В 1907 г. при проверке успешности взыскания недоимок земских сборов, была обнаружена халатность чинов полиции при выполнении своих обязанностей. В процессе взыскания недоимок они оставляли без внимания небольшие долги мелких должников: от нескольких копеек и рублей, обращая внимание лишь на крупных неплательщиков. Тем самым, в погоне изъятия крупных долгов, когда должники не в состоянии их заплатить, игнорировались мелкие, которые могли бы быть получены по первому требованию, без обременения плательщиков и длительных переписок.

При этом бывали случаи, когда окладные сборы с тех же крестьян поступали сполна. Так в январе 1874 г. по Царевококшайскому уезду Казанской губернии окладные сборы с крестьян за прошлый год были взысканы полностью [4, л. 4].

Система взыскания долгов с неплательщиков в начале XX в. была близка к современной системе: сначала высылались требования с предложением оплатить долги, зачет, при отсутствии оплаты, начинают начисляться пени. Если же неплательщик отказывался погашать долги по

сборам, то выносилось решение суда, которое приносили судебные приставы.

В начале XX в. для взыскания недоимок казенных и земских сборов через урядников должникам рассылались повестки с предложением оплатить недоимки в самые кратчайшие сроки, если это не действовало, «приставам предписывалось принять меры по взысканию недоимок в течение 2 недель с предоставлением уездному исправнику сведений о работе» [3, л. 19]. У лиц, не заплативших в срок недоимки, производилась опись движимого имущества. Дворянские имения, имеющие долги, также могли быть изъяты и проданы с торгов. Однако до продажи должна быть издана резолюция губернского правления и расследование «о проведении всех возможных действий по взысканию недоимок» [1, л. 1]. При этом губернское правление могло спасти их от продажи, погасив долги.

Таким образом, в сфере надзора за сбором государственных повинностей и недоимок, губернское правление обладало правом контроля их поступления, занималось их документальным оформлением и доставкой в сенат. Количество собранных повинностей менялось ежегодно, таким образом погасить недоимки не удавалось никогда. При этом злостными неплательщиками выступали не только крестьяне (при погашении задолженности по подушной подати), но и другие сословия, в том числе и дворяне. К должникам, через приставов, применялись различные меры наказания, вплоть до продажи имущества с торгов. А по средствам ежегодных ревизий контролировалась работа сборщиков, среди которых были не редки факты злоупотреблений своим положением и растраты собранных налогов.

Литература

1. ГАУО, ф. 88, оп. 1, д. 792, л. 1
2. Там же, л. 201
3. ГАУО, ф. 88, оп. 5, д. 922, л. 19
4. НАРТ, ф. 2, оп. 4, д. 19, л. 4
5. Там же, лл. 20-24
6. Там же, лл. 9-9об.
7. НАРТ, ф. 2, оп. 4, д. 3, лл. 36-47
8. Там же, л. 16

Малофеев П.Н.

*Кандидат филол. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Лысьвенского филиала Пермского национально-исследовательского политехнического университета,
г.Пермь, Россия*

ЛЫСЬВЕНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ «КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИИ» (КНИГА 2)

За те 11 лет, что наша семья провела в Лысьве, я, ностальгируя временами по родному Шадринску, невольно сравнивал оба провинциальных города, не находя большой принципиальной разницы: слабее дыхание прогресса и пронзительней тяга земли, добрее и открытее люди (хотя, увы, и это уходит постепенно...), рядом лес и вода – т.е. отличные возможности для рыбалки и «тихой охоты», видна линия горизонта, ритм жизни – неспешный, мерный, зато без излишней суеты. В общем, Лысьва хоть и не стала для нас второй Родиной, но уже привычно воспринимается как город, в котором хочется жить и, как знать, - провести остаток дней за трудами праведными...

Среди того, что явно не хватало городу, чего не хватало лично мне после родного Зауралья (а Шадринск один из немногих «малых» городов по стране, где краеведение активно развилось и стало на ноги уже не в самые, казалось бы, благоприятные «лихие 90-е годы»), я назвал бы отсутствие до самого последнего времени серьезных краеведческих изданий, хотя все предпосылки давно вызрели. Что ж, традиционные для постсоветских лет финансовые трудности – ключевая, пожалуй, причина того, почему многие ждущие своего часа издания долгое время не могли увидеть свет, пробиться к читателям.

И вот, как говорится, лёд тронулся! Многим, конечно, памятна фраза из библейского пророка Екклезиаста: «время собирать камни». Это ли не миссия серьезных, от Бога краеведов, всей душой болеющих за «малую родину», за дело всей жизни, за сохранение исторической памяти?! Их деятельность изначально направлена, образно выражаясь, на собирание камней прошлого. Краеведам по праву есть чем гордиться и оставить потомкам. Как-то незаметно прошло время скромных тоненьких брошюр с плохой полиграфией, в мягкой обложке, изданных часто на голом энтузиазме, что называется, за свои кровные. Сейчас мы стали свидетелями

того, как из печати выходят солидные тома и даже целые энциклопедии. Конечно, на их подготовку, порой, уходят годы, зато потом не стыдно выйти к читателям, землякам, просто интересующимся историей и культурой родного края, с результатами научных и творческих изысков – в надежде, что прочтут, оценят по достоинству и молча скажут «спасибо», а то и заметят, похвалят публично. И ведь кто скажет, что незаслуженно! Низкий поклон таким энтузиастам как Н.М.Парфенов, Г.В.Вершинин, Н.М.Русанова и многим другим, без чьих усилий рецензируемое сегодня издание не состоялось бы.

Итак, передо мной вторая книга лысьвенского краеведческого альманаха «Культурная жизнь провинции». Читая её, и, особенно, по прочтении, вспомнилась пушкинская оценка грибоедовской комедии «Горе от ума»: «Читая её, я не критиковал, а наслаждался». Впрочем, от эмоций - к делу.

Уже не первое десятилетие и на самом высоком уровне говорится, что культурное возрождение России начнется из провинции и предпосылки к тому, действительно, есть. Только давайте не будем разбрасываться красивыми словами и заниматься самообманом: речь приходится вести уже не о возрождении, оно весьма сомнительно на фоне стремительной деградации целой нации, её продолжающейся дебилизации средствами СМИ и оголтелой массовой культуры, откровенного геноцида русских в собственной стране. Ко многим пришло пронзительное понимание того, что разрушенного не вернуть. Основная задача теперь уже видится в другом – сохранить то, что еще осталось, чудом уцелело.

Невольно хотелось воскликнуть про себя: Господи! как же мы богаты талантами – были и есть! Насколько разнообразна, многоцветна, насыщена была провинциальная жизнь в советские годы (ибо речь в альманахе преимущественно о них). Я далек от идеализации «советскости», но и плевать в собственное прошлое не собираюсь: много было откровенной идеологической дурости, но много и хорошего, сделанного на года, а то и на века.

В альманахе удачно сочетание обзорных и монографических материалов: мы проникаемся пониманием, как выражались раньше, роли личности в истории (В.Цуканов, М.Берёзов) и следим за историей становления культурных очагов города: драматического театра, ДК ЛМЗ, ЦТД «Привод», сельских клубов... - процесс как познавательный, так и увлекательнейший! Профессионализм и самодеятельность органично сосуществуют, люди сами вольны выбирать, что им ближе. А выбрав, - верны всю жизнь!

Издание вобрало в себя образцы подлинных научных исследований, как то статьи Н.Лаптева и Н.Русановой, объединенные этнографической проблематикой. Невольно подумалось: вот что надо преподавать детям с младых ногтей вместо (или вместе) с пресловутыми основами этики, религии и т.д. Ведь обрубая корни, не желая знать их, кто мы? Иваны, родства не помнящие, да и только...

Один из разделов альманаха уместно отдан детям, точнее, теме «культура и дети». Да, и они внесли пусть пока малую, но свою, посильную лепту в насыщенный и без того корпус книги, в частности, воспоминаниями об известных родственниках (А.Смирнова).

Конечно, как модно сейчас выражаться, знаковыми очагами культурной жизни для Лысьвы были и частично остаются ДК ЛМЗ (пусть бывший) и ЦТД «Привод». Жаль, что о втором материалов набралось меньше, но это не упрек авторам-составителям.

Хронологические обзоры и повествовательно-публицистический стиль, в целом, преобладающие на страницах альманаха, удачно «разбавлены» воспоминаниями живых участников, очевидцев описываемых событий (М.Волков, Н.Кислых). И, несмотря на все особенности человеческой памяти, им веришь особенно – нет ничего интересней такой «невыдуманной» литературы, литературы факта!

Отдельной благодарности заслуживает прекрасная полиграфия – как цветная (картины лысьвенских художников), так и черно-белая (фото прошлых лет). Краеведы – народ придирчивый, въедливый и очень переживают, когда выстраданное издание оказывается испорчено качеством иллюстраций. К счастью, здесь всё и все на должной высоте!

Издание можно порекомендовать в каждую лысьвенскую семью. С нетерпением будем ждать новых – теперь уже с твердой уверенностью, что они обязательно воспоследуют – и не в такой уж отдаленной перспективе!

Пелькова Т.Ю.

*Аспирант кафедры истории
Челябинской государственной
академии культуры и искусств
г. Челябинск, Россия*

СОЗДАНИЕ АРХИВНОЙ СЛУЖБЫ ЮЖНОГО УРАЛА (1920-е гг.)

В 1918 г. советской властью был начат процесс проведения крупной реформы архивного дела. Широко известный декрет «О реорганизации и централизации архивного дела» ликвидировал существовавшие архивы правительственных учреждений. Для решения первоочередных задач архивного строительства был создан Центрархив РСФСР, а на местах – его отделы.

Процесс создания архивной службы на Южном Урале протекал нелегко, приходилось сталкиваться со многими организационными проблемами, решать кадровые и финансовые вопросы. В 1921 г. в Челябинской губернии организован первый архив, утвержден штат в количестве 4 единиц: заведующего, архивариуса, делопроизводителя и сторожа [2, л. 3]. На должность заведующего губархивом был назначен известный историк-краевед, педагог, почетный член Оренбургской архивной комиссии Н. М.

Чернавский. Во многом благодаря именно первому заведующему, его упорству и любви к своему делу, Челябинский архив, преодолевая трудности, стал развиваться, расти, чтобы полноценно выполнять функции архива.

В первые годы советской власти архивная служба Южного Урала не раз подвергалась реорганизации и переподчинению. В составе губернии архив существовал при Губернском отделе народного образования, затем являлся самостоятельным отделом Центрархива при Челябинском Губисполкоме, позднее переименован в губернское архивное бюро. Серьезные изменения, оказавшие влияние на структуру, штатную численность, основные направления деятельности архивной службы, произошли в ходе проведения в 1923 – 1924 гг. административно-территориальной реформы. По плану районирования предполагалось ликвидировать губернии, волости и уезды, вместо них образовать 15 округов по 15 – 20 районов в каждом [5, л. 4].

В начальный период своей деятельности Челябинский архив столкнулся с проблемой, тормозившей его работу на протяжении целого года, – поиском отдельного помещения. Этот вопрос был положительно решен только в июле 1922 г., когда Губкоммунотдел сумел предоставить помещение для актохранилища и самого архива площадью в 35 и 38 кв. саж. соответственно [2, л. 56 – 57]. С этого времени архив стал выполнять свои основные функции по приему и собиранию архивных документов, их систематизации, учету, а также выдаче разного рода справок. Заведующий архивом Н. М. Чернавский занимался и научной разработкой архивных материалов, одними из первых были собраны сведения о первой школе в г. Челябинске (Малом Народном училище, существовавшем в 1789 – 1793 гг.) и реферат об основании одного из старейших железоделательных заводов – Авзяно-Петровского завода (1754 г.) [1].

В 1924 г. в связи с образованием Челябинского округа произошли изменения в штатном расписании архива и системе финансирования. До этого времени содержание сотрудников архива осуществлялось за счет средств Центрархива, после 1924 г. – полностью за счет местного бюджета [6, л. 13]. По инициативе Н. М. Чернавского в июне 1924 г. организован политсектор, должность которого занял исполняющий функции руководителя истпарта Д. М. Чесноков.

Формирование фонда Челябинского архива происходило сложно, в первую очередь из-за разрозненности и хаотичного состояния поступающих архивных документов, отсутствия к ним описей. Многие архивы поступали возами, тюками, ящиками и находились в крайнем беспорядке. Так например, одним из первых поступил архив упраздненной 171-й стрелковой бригады в количестве 12 возов, затем несколько возов архивных дел от Губвоенкомата, 5 пудов документов из г. Троицка от 907-го сводного лазарета [3, л. 90 – 91]. В январе 1923 г. в Губархбюро числился 31 фонд [4, л. 8], а к концу года – уже 159 фондов [4, л. 122]. Но поступающие архивы находились в беспорядке, не были систематизированы, причиной чего являлся

бумажный кризис 1920 – 1921 гг., а также грубое нарушение правил транспортировки документов.

Таким образом, на этапе создания и первых лет деятельности Челябинский архив столкнулся с такими проблемами, как отсутствие необходимого помещения, оборудованного в соответствии с его назначением, недостаточность финансирования, маленький штат сотрудников, скудные материально-технические ресурсы и сложные условия работы. Но несмотря на все трудности, сотрудниками архива под руководством Н. М. Чернавского выполнялись главные функции по приему, систематизации, учету архивных фондов. К концу 1924 г. все находящиеся в актохранилище фонды, в том числе и дореволюционные, представляющие огромную ценность для истории города, были систематизированы по хронологическому принципу.

Литература и источники

1. Архив – хранитель времени: История архивной службы Челябинской области в документах, воспоминаниях, фотографиях / Под ред. А. П. Финадеева. – Челябинск, ЧПО «Книга», 2004. – С. 16
2. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-25 – Челябинское губернское архивное бюро (губархбюро). Оп. 1 (1919 – 1925 гг.). Д. 3.
3. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 4.
4. ОГАЧО. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 15
5. ОГАЧО. Ф. Р-26 – Челябинское окружное архивное бюро (губархбюро). Оп. 1. Д. 1.
6. ОГАЧО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 4

Гусева Ю.Н.

*К.и.н., старший преподаватель кафедры истории и зарубежного регионоведения ГБОУ ВПО «Московский городской педагогический университет» (Самарский филиал)
г. Самара, Россия*

«ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ» ЭМИГРАЦИЯ ЗАКИРА КАДЫРИ В 1920-е ГОДЫ В СВЕТЕ ИСТОЧНИКОВ ВОСТОЧНОГО ОТДЕЛА ОГПУ

В современной историографии национального движения тюркских народов Поволжья и Приуралья важное место отведено истории «тюрко-татарских»⁴ эмигрантских общин в начале 1920-х гг. в Западной Европе, Турции, на Дальнем Востоке и в Восточной Азии (Манчжурии, Китае, Японии). Однако, несмотря на явный интерес к данной проблематике со стороны, прежде всего, казанских и уфимских исследователей [9, 14, 15],

⁴ «Тюрко-татары», «тюрко-татарская эмиграция» – термин отражающий самоидентификацию по языку, культуре, характерную для подавляющего большинства диаспоры мусульманских тюркоязычных народов, выехавших за пределы Советской Республики в годы Гражданской войны, Первой и Второй Мировой войны. Мы склонны согласиться мнением Л. Усмановой, Л. Р. Садыковой, которые утверждают, что в равной степени ее можно именовать «тюрко-мусульманской», «татаро-башкирской» [12, с. 81; 14]. В нашем исследовании применение термина «тюрко-татары» также продиктовано «источником»: в документах ВООГПУ эмигранты-татары, башкиры Поволжья, Приуралья, составлявшие ядро дальневосточной общины мусульман, именовались именно так.

приходится констатировать, что в настоящий момент отдельные тенденции, динамика процессов, происходивших на Дальнем Востоке в самом начале 1920-х гг. сразу, после окончания военных действий, остаются вне исследовательского поля.

Кроме того, неясность существует в понимании характера и оценке деятельности наиболее заметных фигур национально-религиозного движения в первые годы после окончания Гражданской войны. Виной тому является прежде всего узость источниковой базы, а зачастую и полное отсутствие письменных свидетельств пребывания и деятельности той или иной персоны. Если, к примеру, личности С.Максуди, Г.Исхаки, Р.Ибрагимова давно попали в поле зрения исследователей, то некоторые, к числу которых принадлежит З.Кадыри и ряд других⁵, слабо освещены в имеющейся литературе.

Закира Аль-Кадыри (Кадыри) (1878 – 1954) можно смело причислить к числу выдающихся представителей тюркских народов Волго-Урала. Высокообразованный преподаватель медресе «Хусаиния» и «Галия», главный редактор известной газеты «Тормыш» (1914-1918), участник Всероссийских съездов мусульман, депутат Миллэт Меджлиси (1917-1918), автор богословских и общественно-политических сочинений, переводчик – вот неполный перечень деяний этого общественно-политического деятеля, журналиста, педагога и богослова [8].

В данной статье на основании засекреченных материалов Восточного отдела ОГПУ⁶ предпринимается попытка осветить факты из жизни З.Кадыри, одного из заметных национально-религиозных лидеров Поволжья, оказавшегося после гражданской войны за пределами Советской России (в Манчжурии и Китае). При этом автор анализирует его работу на фоне общих тенденций и настроений, характерных для «тюрко-татарской эмиграции» восточноазиатского региона. Автором впервые вводятся в научный оборот данные из секретных документов советских спецслужб: сводок, еженедельных обзоров и перлюстрированной переписки.

Согласно сведениям, полученным от эмигрантов, возвращавшихся на родину, в мачжурском Харбине⁷, который в 1920-е годы являлся центром «русской» и «тюрко-татарской» эмиграции, оказалось значительное число представителей буржуазии, мелких предпринимателей, военных. Они, бежавшие от реалий нового режима, пополнили общины тюрков Урало-Поволжья, оказавшихся в различных городах Манчжурии, Китая, Японии, Кореи еще на рубеже XIX-XX вв.[9, 14]. Среди дальневосточных эмигрантов

⁵ Речь идет, к примеру, о Гумере Терегулове, который в 1920-е гг. являлся одной из ключевых фигур дальневосточной «тюрко-татарской» эмиграции, был одним из активнейших членов японской и харбинской общин.

⁶ Восточный отдел - отдел ОГПУ, занимавшийся, в том числе, разработкой «мусульманского вопроса». Был сформирован 2 июня 1922 г. с задачей «объединения всей работы органов ГПУ на Кавказе, в Туркестане, Хиве, Бухаре, Киргизии, Татарии, Башкирии и Крыму в части, касающейся специфической восточной контрреволюции и восточного шпионажа» [Цит. по: 10, с.12-13].

⁷ Тогда Харбин находился на территории Манчжурии, ныне это – административный центр провинции Хэйлуцзян (КНР).

оказались люди, которых можно смело отнести к представителями тюркской национальной и религиозной элиты: Р.Ибрагимов, Г.Терегулов, З.Кадыри и др.

В данной статье мы не ставим своей целью рассматривать все элементы деятельности эмигрантской общины Манчжурии и Китая. Остановимся лишь на тех, в которых «отметился» Закир Кадыри. Их анализ, в свою очередь, даст возможность характеризовать отдельные тенденции, характерные для этой группы «тюрко-татарской» эмиграции.

После 1918 г. ученый оказался в Шанхае, затем в Кульдже, Харбине, и впоследствии ввиду тяжелого материального положения был вынужден переехать в г.Хайлар⁸. В 1922 г. он перебрался в Турцию. Следует отметить, что на всем протяжении «дальневосточного» периода эмиграции Закир Кадыри продолжал активную просветительскую деятельность: был в числе организаторов и преподавателей культурно-просветительского кружка, детского сада и начальной 3-х классной школы для татарских детей в Шанхае, татарской школы в Хайларе [8, с. 67].

При этом он не оставлял надежду о возвращении на родину. В частности, Кадыри имел тесную переписку Джихангиром Абызгильдиным с.⁹, которого в письмах просил информировать о том, какая обстановка в Советской России, «как теперь смотрят татаро-башкирские работники, можно ли приехать в Уфу, считают ли его способным к теперешней работе». В одном из писем он выражал живую готовность вернуться в Уфу и трудиться на преподавательском поприще [6]. Заметим, что подобные настроения были весьма явными и характерными для многих переселенцев¹⁰. Согласно еще одному свидетельству, Кадыри «в письме на имя Татпартработника Г.Ибрагимова¹¹ предлагал свои услуги по изучению исторического прошлого татар в пределах Владикавказа. Его единомышленники, как-то Биккулов, стараются всеми силами подготовить почву на предмет переезда для работы Аль-Кадыри в одну из национальных республик». В частности, Ибрагим Биккулов¹² высказывал идею о том, чтобы пригласить его на преподавательскую работу в Казань на рабфак [4. Л.174].

⁸ Хайлар – в настоящее время город в провинции Синцзян (КНР).

⁹ Абызгильдин Джихангир (1875-1938) – религиозный деятель, автор ряда учебников. Имам Уфимской соборной мечети, с 1912 – ахун г.Уфы, с 1923 г. – секретарь Совета улемов ЦДУМ [11, с.6].

¹⁰ Например, по свидетельству тюрк-эмигрантов, проживавших в Японии, «оставшиеся в живых (после масштабного землетрясения 1 сентября 1923 г. – Ю.Г.) все находятся в трудных материальных условиях, занимаются мелкой торговлей, большинство их высказывает большое удовольствие поехать в Россию, но трудно достать паспорта» [5. Л.70].

¹¹ Ибрагимов Галимджан (1887-1938) – писатель, ученый, государственный деятель. В 1919-1920 гг. член Центральной мусульманской военной коллегии и руководитель редколлегии отдела печати Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока при ЦК РКП(б). С 1920 г. работал в аппарате Наркомата просвещения ТАССР [13, с.214].

¹² Биккулов Ибрагим (1884-1938) – общественный деятель, педагог, публицист. Депутат Миллэт Меджлиси. Вместе с З.Кадыри входил в Министерство (назарат) просвещения Национально-культурной автономии. В начале 1920-х гг. занимался педагогической работой в Казани [13, с.76].

Судя по тому, как отреагировали аналитики ВООГПУ на данные сведения, в Татарии среди ключевых чиновников (в частности, Наркомата просвещения) работали те, кто был готов поддержать его кандидатуру на ответственный пост [4. Л.8].

Тогда же в письме на имя видного ученого Газиза Губайдуллина, одного из руководителей «общества татароведения» в Казани, Кадыри предлагал свои услуги в деле исследования местностей Дальнего Востока [4. Л.162].

По-видимому, эмигранты и З.Кадыри в том числе, были хорошо информированы о том, что татарские и башкирские советские и партийные чиновники были заинтересованы в привлечении авторитетных и знающих специалистов. К последним, без сомнения, принадлежал Закир Кадыри.

Однако его инициативность и готовность не поддерживали те, кто отвечал за формирование идеологии «нового советского человека» и определял политическую повестку дня. В 1922-1923 гг. уже фиксировался стабильный рост легальных и нелегальных мектебе в Поволжье и на Урале [7], и необъявленная «война» с религиозными школами уже началась. Любая активность национальной интеллигенции начинала вызывать подозрения и упреки в «татарском или башкирском национализме». Потому ВООГПУ пыталось всячески избегать и пресекать (пока посредством рекомендаций и предписаний) назначений на значимые посты в различных сферах людей, до революции участвовавших в национальном движении, связанных с джадидским движением.

По нашему мнению, в случае возвращения З.Кадыри или его единомышленников в Казань или Уфу ему грозила бы неминуемая гибель. Его образованность, общение в среде деятелей национально-религиозного движения, общественно-политическая активность, проявленная в дореволюционный период и в 1917-1918 гг., – сами по себе были достаточным основанием для репрессий (особенно если говорить о периоде 1930-х гг.).

Более того, в документах ВООГПУ Кадыри именовался «главой Харбинской контрреволюции». Его имя в 1923 г. было включено в список из 105 наиболее опасных для советской власти «татаро-башкирских националистов» (представителей интеллигенции, религиозных деятелей, коммерсантов и хозяйственников). (Многих из них в 1930-е гг. ожидала трагическая участь).

По данным разведки, в Манчжурии, Китае, Японии эмигрантами было создано объединение, именовавшееся «Дальневосточная тюрко-татарская организация». Она якобы ставила перед собой «задачу по организации и руководству тюркским национальным движением в России, прежде всего в Татарии, Башкирии и Сибири» [3. Л.11об.,12]. Буквально это выражалось в участии «тюрко-татарских» эмигрантов в работе Национального Управления¹³, дальневосточного отделения Мусульманской комиссии

¹³ В апреле 1918 г. Национальное собрание мусульман (тюрко-татар) Внутренней России и Сибири было изгнано большевиками из Уфы и переместилось в Сибирь, а его председатель С. Максуди

помощи голодающим (Муспомгол) при ЦДУМ (глава – Р.Ибрагимов¹⁴) и кружке тюрко-татарской молодежи.

По данным ВООГПУ, руководители «Дальневосточной организации» в 1920 г. получили значительные суммы для подготовки выступлений против Советской власти в Японии и Восточном (Китайском) Туркестане¹⁵. Для этой цели на территорию последнего для встречи с Энвер-пашой¹⁶ выезжал «один из лидеров этой организации – Закир Кадыри»: «...для чего Аль-Кадыри и был командирован в Туркестан, остальная же группа вела работу в Японии, о их деятельности в таком направлении знают все харбинские эмигранты, о чем также писалось в китайских газетах... Приезд Аль-Кадыри в Харбин был встречен торжественно и он провел ряд докладов о положении в Туркестане» [4. Л.180, 181].

То, что в 1920 г. З.Кадыри был в Восточном Туркестане подтверждается рядом свидетельств. Об этом сообщали несколько человек эмигрантов в своих частных письмах в Советскую Россию.

Однако может вызывать сомнение формулировка цели этой поездки. Дело в том, что анализ разведданных, аналитических обзоров 1922-1923 гг. позволяет говорить о том, что «Дальневосточная тюрко-татарская организация» являлась умозрительной конструкцией. Стабильного финансирования, организационной структуры, как, впрочем, и четкой единой программы действий лидеров российского тюркизма исследуемыми источниками не зафиксировано.

Итак, Восточный отдел ОГПУ обстоятельно фиксировал объективные факты и тенденции, характерные для «тюрко-татарской» эмигрантской среды Восточной Азии (тесные связи эмигрантов с ТАССР, БАССР; стремление части переселенцев возвратиться в Советскую). Однако в случае с оценкой деятельности Закира Кадыри, равно как и с «Дальневосточной тюрко-татарской организацией», навряд ли стоит говорить об объективной оценке происходивших событий.

был вынужден бежать в Финляндию. Другие члены Национального собрания под давлением внешних обстоятельств перебрались сначала в г.Кызыл-Яр (Петропавловск), откуда были вынуждены с начала 1920-х гг. переместиться в Манчжурию. К сожалению, в настоящий момент затруднительно однозначно назвать того, кто возглавлял оставшуюся группу деятелей Национального собрания, находившуюся в Харбине.

¹⁴Комиссия Уполномоченных по оказанию помощи голодающим при Центральном Духовном Управлении Мусульман (Муспомгол) была создана в 1922 г. под юрисдикцией ЦК Помгол при ВЦИК. Известный сибирский мулла, бывший казый ОМДС, авторитетный тюркист Рашид (Абдуррашид) Ибрагимов командировался Комиссией для поездок с целью сбора пожертвований в Сибирь, Семиречье и Китайский (Восточный) Туркестан [1; 2. Л.16].

¹⁵Туркестан – регион Центральной Азии, населенный народами тюркского происхождения, состоящий из двух основных частей: Восточного Туркестана (сегодня – Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР) и Западного (территория современных Узбекистана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана и Казахстана). Этнокультурные границы региона несколько шире административно-территориальных образований.

¹⁶Энвер-паша (1881-1922) – военный и политический деятель Турции, один из лидеров младотурецкого движения, сотрудничавший с Советским государством, но затем возглавивший басмаческое движение в Средней Азии.

По мнению автора, можно говорить о достаточно высокой активности отдельных национальных лидеров и наличии тесных коммерческих и родственных связей между эмигрантскими кругами Манчжурии, Китая, Японии и Туркестана с деятелями Татарской ССР и Башкирской ССР, которые могли быть использованы отдельными представителями национального движения тюрок в целях, не всегда совпадавших с интересами российского государства.

Поэтому в материалах ВООГПУ любая активность лидеров, подобных З.Кадыри, вызывала подозрения и становилась предметом пристального анализа. Однако заключения и оценки, даваемые специалистами отдела, нуждаются в тщательном критическом анализе.

Источники и литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.Р1318. Оп.17. Д.190.
2. ГА РФ. Ф.Р1064. Оп.5. Д.193.
3. Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф.2. Оп.1. Д.686.
4. Там же. Д.689.
5. Там же. Д.690.
6. Там же. Д.705.
7. Там же. Оп.6. Д.459.
8. Вильданова Р.К. Закир Кадыри и трансформация российского общества в начале XX века. – Ульяновск: изд-во УлГУ, 2011. – 158 с.
9. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская эмиграция: начало XX века – 30-е годы: Исторический очерк. – Наб.Челны: Камский изд.дом, 1997. – 159 с.
10. Ислам и советское государство. Вып.1: (по материалам Восточного отд. ОГПУ. 1926 г.)/ вступ.ст., сост. и коммент. Д.Ю.Арапова и Г.Г.Косача. – М.: Изд.дом Марджани, 2010.
11. Ислам на Европейском Востоке. – Казань, 2004.
12. Садыкова Л.Р. Сохранение этнокультурной идентичности «тюрко-татарской» диаспоры в США // Известия Уфимского Научного центра РАН. – 2011. – №3-4. – С.81-87.
13. Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Ин-т татарской энциклопедии, 1998.
14. Усманова Л. Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии начала XX в. // Гасырлар авазы=Эхо веков. – 2005. – №1.
15. Юнусова А.Б. Татаро-башкирская эмиграция на Дальнем Востоке: мусульманский фактор социальной адаптации и сохранения этнокультурной идентичности // URL: http://tatar-history.narod.ru/turk_migracion.htm (дата обращения 10 декабря 2012).

ОБРАЗ СВЯТОГО ГЕОРГИЯ В ЛЕГЕНДЕ «ЧУДО ГЕОРГИЯ О ЗМИИ»

Сюжет «Чудо Георгия о змии» повествует о святом Георгии, спасающем жителей города от змия, пожиравшего приводимых ему в жертву детей.

В греческой традиции «Чудо Георгия о змии» считается единственным прижизненным чудом святого, однако в славянской и других относится к числу посмертных, как и все остальные чудеса мученика. Георгий, в этом сюжете, побеждает змея, укрощая его молитвой, тем самым, спасая царевну от съедения змием [1, С. 453].

Что касается возникновения этого сюжета, то здесь ряд исследователей выдвигает предположение, что повествования о святом Георгии, уже известном к X в. наложились на древнейшие легенды со змееборческим мотивом [5, С. 48]. Возник новый змееборческий сюжет с участием уже известного святого. Эта версия происхождения легенды представляется весьма реалистичной. Однако, её можно дополнить следующим предположением. Житие Феодора Тирона, древнейшая письменная редакция которого датируется 890 г. [10, С. 324–332]. рассказывает о том, как святой освобождает от власти дракона город Евхаит. В житиях Феодора Стратилата, зафиксированных в рукописях XI–XII в. фигурирует то же чудо с драконом «неподалеку от отечественного города его Евхаита находилось обширное поле, пресекаемое глубокой пропастью. В этой пропасти возгнездился ужасной величины змий» [9, С. 5–34]. Примечательно, что женщина, которую спасает Феодор – Евсевия, в свое время предала погребению «честныя мощи» другого Евхаитского мученика Феодора Тирона [9, С. 5–34]. В данном случае мы сталкиваемся с сознательным стремлением авторов этих текстов связать эти сюжеты воедино. Напрашивается очевидный вывод: Чудо со змием – это сюжет по тем или иным причинам ставший актуальным в церковных кругах, т.к. все эти известные святые – мученики православной церкви оказались участниками борьбы со змием. В.Н. Лазарев выдвигает на этот счет следующие предположения. Византийское общество быстро феодализировавшееся перенесло на этих мучеников черты воителей, успешно сражающихся с врагами. И с конца IX–X вв. образы святых воинов должны были оказывать покровительство василевсу и его приближенным. При этом он не сомневается, что чудо восходит к какой-то очень старой устной традиции, которая бытовала на почве Малой Азии [3, 199–203]. Однако, не стоит трактовать образ героя побеждающего змея к копьём в руках столь буквально, конечно не нужно отрицать, что этот образ действительно был востребованным в высших воинских кругах, об этом свидетельствуют многочисленные изображения конных воинов. Тем не

менее, учитывая, что тексты создавались в монастырских кругах, стоит обратить внимание на тот смысл, который они вкладывали в образ драконоубийцы. Речь идет о символической победе над язычеством и ересями.

Старейшая из сохранившихся версий мучения, содержащая змееборческий апокриф – это латинская рукопись XII в. Codex Monacensis [8, с. 28]. Однако существование сказаний о змееборческом подвиге Георгия могло быть известно и раньше старейшей версии текста XII в. Сравнительное исследование греческих и латинских текстов, проделанное А.В. Рыстенко, приводит к выводу, что начало этой версии восходит к X-XI вв. [7, С. 173]. Существуют предположения, что чудо с драконом восходит к устной традиции VIII в., а литературную форму повествование приобретает в IX в [4, С. 89].

Существует несколько редакций этой легенды. Тексты легенд сохранились в редакциях – датируемая XIV в. Паржиской Национальной библиотеки, и еще одна XIII в. из фондов Венецианской Библиотеки [6, С. 19–22]. Две эти редакции очень схожи. В начале повествования говорится о Георгии, возвращающемся из похода домой, в местности близкой к городу Лаосии. Он остановился, чтобы напоить своего коня. Здесь и произошла его встреча с царевной и драконом. Далее следует диалог царевны и Георгия. Интересно, что далее в греческих текстах повествование переходит к описанию эпизода встречи Георгия с дьяволом, в то время как в русских списках этот сюжет отсутствует вообще.

Древнейшая из дошедших до нашего времени рукописей – славянская версия легенды вместе с мучением. Она содержится в сербской рукописи, датируемой XIII-XIV вв. [6. С. 23–26]. По этому тексту святой совершает чудо в городе Лаосии, в годы царствования там царя Соломона. В этой версии чуда, говорится, что святой: «гредеше в Каппадокийские страны от своего отечества по гласу Божию, приближисе на мьсто то и приступил к озеру хоте напоити коня свои и виде девицу на мьсть томь» [12, С. 24]. При первой же встрече со змием он укротил его молитвой «и повельнием Божиим паде змеи подь ногама святому» и «поврьзе змиа за грьло», [12, С. 25]. После этого девица ведет змия за пояс в город, в котором все, после пришествия туда Георгия, принимают христианскую веру. В конце текста следует молитва святому Георгию [12, С. 83–97].

Литературные тексты легенды «Чудо Георгия о змии» были помещены в Толковую Палею. Палейные тексты разделяются на две редакции. Среди них самые ранние тексты первой и второй редакции [7, С. 83–97]. Их протографом является некий греческий текст, время появления которого на Руси выяснить не представляется возможным.

Текст первой редакции повествует о том, что события разворачиваются в городе Лаодикия, при правящем там царе Селевине. В момент встречи святого и девицы он спрашивает её: «въруешь ли в господа нашего Иисуса сына божия, девица же воздохнувъ рече: господин, распятого ли чтеши

Христа? Отец мой многих въровавшихъ в него злой смерти предаль» [12, С. 32]. Этот эпизод не может не наводить на аналогию с царем Диоклетианом, который в сказании о жизни святого выступал гонителем христиан и мучителем самого святого.

Эта версия легенды описывает некоторые детали очень подробно. В начале текста говорится о появлении в озере змея, о том, что змею решено было по жребию отдавать своих детей: «сего града близъ бе озеро велико, в нем возгнзидлся диаволь кровопивецъ...пущал гротзны ядь с пламенем огненнымъ, пожирая множество народа... от великого б освистания страшного взора его кони бѣгают и всадники свои избиваху».

Детально расписана встреча змея и Георгия. Между змеем и Георгием разворачивается маленький диалог: «Георгий ста противу его... злый же разверзе челюсти своя аки пропасть... святой же Георгий возопи гласом великим: Стани, стани, окаянный стани! Во имя Иисуса Христа...Змий же рече яко человек: Кого устрашуся иного аще не Бога и силы его и святого Георгия...» Дальше змей «яко овца» стал лизать ноги святого, девица сняла свой пояс и повела змея в город, где жители принимают христианскую веру [12, С. 27–36].

Согласно второй редакции, события разворачиваются в городе Гевале, в Палестине. Только в этой редакции сказано, что это чудо святой совершает посмертно: «святой же и великий мученик и страстотерпец христов Георгий, почтенный от небеснаго Царя воин, иже в житии сый и по смерти сияя великими чудесы, - по смотрению убо Божию спасти насъ погибающих и избавити града нашего от беды...» [13, С. 38], Здесь прямо сказано, что царь действует по повелению богов, он отдает свою дочь уже после того, как горожане отдали своих детей. Нет плача отца и предложения выкупить дочь золотом. Георгий не спрашивает девицу о вере, но прямо обращается к Богу с молитвой. В этой же редакции кратко говорится, что змей после молитвы святого Георгия падает у него под ногами. После того, как жители города принимают христианскую веру, Георгий повелевает им построить церковь в его имя, украсить её и «память его творити месяца апреля в 23 день». Видя крепкую веру горожан, святой даровал им щит, который висел в церкви «прямо в воздухе силою же и дѣствием святаго Духа» [13, С. 36–41],

Появление второй редакции Рыстенко относит ко времени не позднее 1350 г. Рыстенко предполагает, что этот текст является заимствованием из первой редакции [1, С. 453]. Возможно это так, однако сомнительно чтобы редакторы чуда, опираясь на текст первой редакции, сознательно изменили такой значимый момент как статус святого в момент совершения чуда – либо это уже умерший великомученик, либо воин-праведник отклонившийся от войска. Кроме того, в этой версии выброшен сюжет с обращением в веру девицы, что является важным компонентом в агиографическом каноне вообще. Это наводит на мысль, что скорее эта версия чуда не сокращенная – она краткая, вероятно потому что время её написания предшествовало появлению других версий, расширенных в отличие от этой.

Существуют также и другие, распространенные редакции легенды о святом Георгии. Одна из них датируемая рубежом XIV-XV вв. [14, С. 43–57]. А.Н. Кирпичников утверждал, что этот вариант текста чуда является «вариантом» первой редакции, но более расширенным. [6, С. 228–229.] В данном тексте есть много общего с первой редакцией, однако наблюдаются и некоторые отличия. Например, город, в котором по преданию жил Георгий, в первой редакции – Лаодикия, а в этой – Лаосия. По поводу этой редакции А.В. Рыстенко делает следующие выводы: списки её происходят из первой путем распространения какого-то списка первой редакции, отступающего от него, но в чем-то сходного со второй редакцией. Временем появления этого списка он считает половину XIV в. Чудо происходит в городе Лаосии, царь в этой редакции зовется Селевкием, он поклоняется Аполлону, Гераклу, Скамандру и Артемиде [15, С. 44]. Бог посылает на город бедствие – змея, поселившегося в озере недалеко от города. Царь пытался осилить змея войсками, но напрасно, тогда он предложил народу жертвовать в пищу змею детей, от богатых до бедных, начиная с царя. Когда народ изъявил согласие, царь готовит дочь на смерть, но им овладевает раскаяние и он предагает народу за выкуп оставить ему дочь. Однако народ не соглашается.

Девицу выводят на съедение змею. «и се велики Георгий десницею господнею наставляем, иже николиже разлучася греческого воинства, от персия возвратися с брани. Остави иже воинство с ним един уклонился ко озеро иде [15, С.60]. При встрече с царевной у святого с ней происходит диалог: «а ты верушь ли в Сына Божия? Девица же рече: кто есть, господин мой, да върую в него и служу ему во вся дни живота своего? Святыи же глаголи: се есть Богъ небесный и земный, Слово, Сынъ невидимаго Отца со святым Духом, яко Троица есть нераздельма». Дквица возопи велегласно: Господин мой! Распятого ли говоришь Иисуса Христа?! Мнози бо в него въровавша, но мой отец мнози злою смертию погуби, аз же върую в него и поклоняюся и славлю со отцем и святым духом, и ныне и присно и во веки въков, аминь» [6, С. 61]. Святой побеждает змея молитвой. Уже приведя змея в город, он отрубает ему голову, а затем обращает горожан в христианство. В этой редакции чуда также присутствует епископ Александр, который крестит в 15 дней сорок тысяч человек. Георгий уезжает, провожаемый людьми града с великим плачем. Во имя святого царь строит церковь, а царевна нареченная Марией посвящает себя Богу.

Эта же версия чуда, но в более укороченном виде встречается в прологах под 26 ноября.

Говоря об образе святого в этом виде повествования, нельзя не провести аналогию с эпизодом из жизни Христа и его встречей с Самарянкою [2, Ст.4:6–38]. Возможно сюжет встречи святого с девицей, должен относить читателя именно к этому сюжету Священного писания. Ведь именно через Самарянку, были приведены ко Христу жители ее родного города.

Целью такого сюжета, безусловно, являлась яркая иллюстрация победы святого над олицетворяющим зло и неверие – змием. В дополнение к этому

такой сюжет раскрывает перед читателем образ несправедливого правителя и его города, которые за свое неверие вынуждены расплачиваться собственными детьми, отданными в жертву. И здесь основная функция святого убедительно обличить неверных горожан, приведя змея – пожиравшего их чад, прямо в город, на поводке у его несостоявшейся жертвы. Здесь же святой покончил со змием, тем самым показав всю силу христианской веры, которой в итоге последуют все жители этого города. Святой Георгий, тем самым предстает в этом повествовании, героем, поборовшим язычество, неверие, которое, как настойчиво пытаются сказать авторы текста, является губительным для человека.

Литература

1. Библиотека литературы Древней Руси. М.: Наука, 1997. Т.5.
2. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 2005.
3. Лазарев В.Н. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве // Византийский временник, М.: Наука. Т.VI. С. 186–222.
4. Лазарев В.Н. Русская средневековая живопись. М.: Наука, 1970.
5. Регинская Н. В. Святой Георгий Победоносец – герой-змееборец. Образ святого Георгия Победоносца в византийско–славянском искусстве. СПб.: «Петербург – XXI век», 2009.
6. Рыстенко А.В. Легенда о святом Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909.
7. Рыстенко А.В. Новогреческая обработка легенды о св. Георгии и драконе. Одесса, 1909.
8. Сендерович С.Я. Георгий Победоносец в русской культуре. М.: Аграф, 2002.
9. Страдание Святого великомученика Феодора Стратилата. М., 1866.
10. Хаханов А. Житие св. Феодора Стратилата и Тирона в грузинском переводе. Богословский вестник, 1910.
11. Чтение святого Георгия. Из сборника проф. Сречковича // Рыстенко А.В. Легенда о св. Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909. – С. 23–26.
12. Чудо Георгия о змии I-ред. Имп. П. Б-ки, XVI // Рыстенко А.В. Легенда о святом Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909. – С.27–35.
13. Чудо Георгия о змии II-ред. Имп. П. Б-ки, Пог. XVI // Рыстенко А.В. Легенда о святом Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909. – С. 36–42.
14. Чудо Георгия о змии III-ред. Имп. П. Б-ки, Пог. XVI // Рыстенко А.В. Легенда о святом Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909. – С.43–57.
15. Чудо Георгия о змии IV-ред. Имп. П. Б-ки, Пог. XVI // Рыстенко А.В. Легенда о святом Георгии и Драконе в Византийской и славянорусской литературах. Одесса, 1909. – С. 57–64.

УЧИТЕЛЬСТВО КИЄВА ТА КИЇВЩИНИ В УМОВАХ РЕФОРМИ ЗАГАЛЬНООСВІТНЬОЇ ШКОЛИ 1959 РОКУ

Анотація. Стаття присвячена розкриттю питання шкільної освіти Києва та Київщини в період запровадження реформи загальноосвітньої школи 1959 року.

Ключові слова: школа, освіта, учитель, шкільна мережа, зміцнення зв'язку школи з життям .

У системі освіти загальноосвітня школа є найціннішим скарбом кожного народу. Вона складає фундамент всієї системи освіти, багато в чому визначає ефективність її наступних сходинок, перш за все – вищої. Ступінь розвитку національної культури також визначається змістом навчання в загальноосвітній школі. Можна також говорити про взаємозалежність розвитку загальноосвітньої школи від тих суспільно-політичних процесів, які характеризували життя в СРСР кінця 1950-х – початку 1960-х років, а значить і в УРСР, яка була однією з союзних республік.

Культурне життя УРСР в повоєнні роки було складним і суперечливим, оскільки віддзеркалювало процеси, що відбувалися в тогочасному суспільстві.

Ще в роки війни на теренах УРСР, які звільнялися від німецької окупації, заклади освіти відновили свою діяльність. У Києві ці процеси почалися з листопада 1943 року. Але основна робота щодо відбудови шкіл та вищих закладів освіти розгорнулась в роки четвертої п'ятирічки. У 1950 р. в повному обсязі була відновлена довоєнна мережа освітніх закладів УРСР. Крім того, протягом першої половини 1950-х років було зведено 1300 нових шкіл на 400 тис. учнівських місць. У місті Києві в 1949–1950 навчальному році працювало – 145 [3, Арк. 1] шкіл, а вже в 1959–1960 рр. їх було – 168 [5, Арк. 54]. Динаміку зростання кількості шкіл ми простежуємо і в Київській області: якщо сільських шкіл в 1950–1951 навчальному році було 1806 [3, Арк. 1], то в 1959–1960 рр. їх було вже 3578 [5, Арк. 22]. Позитивна тенденція – розростання мережі загальноосвітніх шкіл, в свою чергу, породжувала дефіцит учительських кадрів.

Але не дивлячись на певні успіхи у післявоєнному відновленні роботи загальноосвітніх закладів, сама система освіти потребувала кардинальних змін згідно з вимогами часу.

В умовах завершення четвертої п'ятирічки, практичного здійснення плану відбудови народного господарства в Радянському Союзі, почала впроваджуватися в життя програма обов'язкового семирічного навчання в сільській місцевості і десятирічного в містах.

У 1953 р. в УРСР в основному було введено обов'язкове семирічне навчання. У 1954 р. в республіці діяло 25 тис. українських, 4 тис. російських,

молдавських, угорських, польських та інших шкіл. У середині 50-х рр. ХХ ст. в загальноосвітніх школах УРСР працювало понад 300 тис. учителів. Серед них видатний майстер педагогічної справи, директор Павлиської середньої школи на Кіровоградщині В. Сухомлинський. Якщо в містах введення обов'язкового десятирічного навчання відбувалося доволі швидко, то в сільській місцевості цей перехід йшов повільнішими темпами.

У процесі десталізації, лібералізації та демократизації суспільного життя було проведено цілу низку реформ у культурній сфері.

Починаючи реформи М. Хрущов не оминув і систему освіти. Треба зазначити, що учительські кадри загальноосвітньої школи уже не могли ні чисельно, ні фахово забезпечити вимоги середньої школи, тим більше процес реформування освіти, яку розпочав М. Хрущов.

За його ініціативи в 1958 р. в засобах масової інформації розгорнулась дискусія щодо принципів і напрямів реформування загальноосвітньої школи. Уже в грудні 1958 р. Верховна Рада СРСР прийняла закон «Про зміцнення зв'язку школи з життям і про подальший розвиток системи народної освіти». В УРСР такий закон було прийнято в квітні 1959 р. Ним передбачалося: 1) впровадження обов'язкової восьмирічної освіти; 2) розширення мережі заочної освіти; 3) перетворення 10-річних шкіл на 11-річні; 4) батькам було надано право вирішувати, якою мовою вестиметься навчання у конкретній школі (цей пункт закону викликав суперечки у суспільстві).

В Положенні про восьмирічну школу, яке було затверджене Постановою Ради Міністрів УРСР №1337 [1, с. 102] від 16 серпня 1960 р. говорилося, що «Восьмирічна школа – є неповною середньою загальноосвітньою трудовою політехнічною школою, обов'язковою для дітей обох статей віком від 7 до 15–16 років. Навчання в школі безплатне, спільне для хлопчиків і дівчаток». Це був вагомий крок в розвитку освіти, адже ще 1934 р. було введено обов'язкове семирічне навчання, при цьому особливу увагу приділялось сільській місцевості та навчанням всіх дітей шкільного віку.

Прийняття закону про зміцнення зв'язку школи з життям і про подальший розвиток системи народної освіти в УРСР сприяло тому, що тільки в загальноосвітніх школах республіки навчалось близько шести мільйонів дітей. Широкого розвитку набула загальна середня, професійно-технічна, середня спеціальна і вища освіта [1, с. 61].

Але даний закон мав і негативні наслідки для загальноосвітньої школи в УРСР.

М. Хрущов наполіг, щоб у республіканському законі про народну освіту залишився пункт про факультативність української мови. Результатом було збільшення російських шкіл. Кількість російських шкіл з 4192 [2, с. 489] у 1959–1960 навчальному році зросла до 4703 [2, с. 489] у 1965–1966 навчальному році. В УРСР простежується тенденція зменшення україномовних шкіл, з 25308 [2, с. 489] їх залишилось – 23574 [2, с. 489]. Така тенденція свідчить про більше поширення й остаточне закріплення

російської мови, тобто русифікації всіх сфер суспільного життя УРСР, та загальноосвітньої школи зокрема.

Уже на середину 1960-х рр. українською мовою навчалося лише 60 % школярів республіки. Це менше, ніж була питома вага українців у загальній чисельності населення УРСР.

Проте треба зазначити, що більшість учнів навчались у першій половині 1960-х років в українських школах. Новий закон передбачав в 1960–1961 навчальному році перетворення закладів семирічної освіти на заклади восьмирічної освіти як в містах так і на селі. Десятирічки перетворювались на школи з одинадцятирічним терміном навчання. А для цього треба було прискорити темпи шкільного будівництва, розширити кількісно й якісно підготовку вчителів, зміцнити навчально-матеріальну базу шкіл та позашкільних дитячих закладів.

Втілення в життя даної реформи на пряму залежало від кадрового корпусу учительства, який відігравав ключову роль у роботі школи. Проблема кваліфікованих учительських кадрів в УРСР існувала з моменту її утворення. Не була вирішена ця проблема і в 1950-і роки. Щоб компенсувати нестачу кваліфікованих учительських кадрів, із середини 1950-х років університети почали направляти в школи більшість своїх випускників. Студентам заочних і вечірніх відділень надавались пільги. Це слугувало стимулом у навчанні для тих вчителів, які не мали вищої освіти. Загальноукраїнська статистика свідчить, що навіть у школах, де кваліфікація педагогів була найвищою, у 1960–1961 навчальному році вищу освіту мали тільки 40% [5, арк. 54]. Трохи краща ситуація була в Києві та Київській області [5, арк. 22].

Велику роль у підвищенні кваліфікації педагогічних кадрів відіграли Інститути вдосконалення вчителів. Згідно доповідних записок Міністерства освіти УРСР до Ради Міністрів УРСР та ЦК КПУ з питань народної освіти можна простежити їх роботу. У січні 1962 р. Рада Міністрів УРСР дала дозвіл Міністерству освіти УРСР для відкриття Центрального інституту удосконалення кваліфікації вчителів на базі Центрального інституту підвищення кваліфікації керівних працівників народної освіти [8, арк. 17], витрати на утримання якого проходили в межах призначень по Міністерству освіти УРСР згідно видатків республіканського бюджету на підготовку кадрів.

Саме через мережу цих Інститутів поширювався передовий педагогічний досвід.

Досліджуючи учительські кадри Києва та Київщини, за зведеними звітами Міністерства освіти УРСР щодо кількості початкових, восьмирічних та середніх шкіл, про чисельність учителів та учнів в них за 1959–1960 навчальний рік, спостерігаємо наступну картину:

1. Кількість вчителів разом із сумісниками (Київська обл.) [5, арк. 22]

Тип школи	Міста і міські селища	Сільські місцевості	Разом
У початкових	73	748	821
У восьмирічних	698	5859	6557
У середніх	2723	5463	8186
Разом	3494	12070	15564
Потреба			15646
Різниця			-82

2. Кількість вчителів разом із сумісниками (м. Київ) [5, арк. 54]

Тип школи	Міста і міські селища	Сільські місцевості	Разом
У початкових	17		17
У восьмирічних	369		369
У середніх	6032		6032
Разом	6418		6418
Потреба			6568
Різниця			-150

Наведені таблиці дозволяють зробити висновок, що школи були забезпечені освітянами, але проблема залишалась – нестача кваліфікованих кадрів. Відповідно до звіту Міністерства освіти в початкових, семирічних, восьмирічних і середніх школах на початок 1959–1960 навчального року в м. Києві різниця між штатним розкладом і наявністю складала мінус 150 вчителів [5, арк. 54], в Київській області – мінус 82 [5, арк. 22]. Це свідчення того, що навіть в столиці і столичній області питання забезпечення вчителями загальноосвітніх шкіл в зазначений період не було вирішене.

В 1960–1961 навчальному році в школах м. Києва (масових, школах-інтернатах і школах робітничої молоді) працювало 8282 вчителі [7, арк. 15], які за рівнем освіти розподілялись так:

- з вищою освітою – 5961 чол.
 - з незакінченою вищою – 966 чол.
 - з середньою педагогічною – 1068 чол.
 - з середньою освітою – 238 чол.
 - з неповною середньою освітою – 49 чол.
- За стажем педагогічної роботи [7, арк. 15]:
- до 5 років – 1999 чол.
 - від 6 до 24 років – 5167 чол.
 - 25 років і більше – 1116 чол.

Отже, можна зробити висновок, що серед вчительських кадрів ще залишалась проблема, яку слід було вирішити, а саме: збільшення чисельності вчителів з вищою освітою (вищу освіту мали 72% вчителів) та

залучення освітян до навчання на учительських курсах чи в педагогічних інститутах, адже ще 3% вчителів мали лише закінчену середню освіту.

Слід відзначити й позитивні моменти у вирішенні питання формування кадрового корпусу, адже відповідно до Постанови Ради Міністрів УРСР відділам народної освіти було дозволено надавати вчителям загальноосвітніх шкіл, які навчались в заочних і вечірніх вищих і середніх спеціальних закладах, за їх бажанням вільні від роботи дні з їх оплатою в розмірі 50% від одержуваної заробітної плати.

Позитивним моментом у формуванні кадрового корпусу було також зміцнення навчально-матеріальної бази шкіл. Це можна прослідкувати на прикладі шкіл м. Києва. Велику допомогу в цьому надавали підприємства, установи та організації міста.

Так, наприклад, в школах №72 і №66 м. Києва силами учнів та при допомозі заводів «Точелектроприлад», «Червоний екскаватор» було побудовано і обладнано майстерні – завод «Точелектроприлад» збудував за рахунок своїх коштів навчальні майстерні в школі №65. Мотозавод допоміг в обладнанні майстерні станками, інструментами, у складанні плану для майбутнього обладнання майстерень для школи №70 м. Києва [7, арк. 9].

Доповідні записки Міністерства освіти УРСР від 3 грудня 1961 року №1559-р [8, арк. 143] свідчать, що з метою покращення навчально-матеріальної бази шкіл – на придбання навчального приладдя, апаратури та верстатного устаткування для навчальних кабінетів шкіл міста було виділено додатково 99 тис. крб.

Ці кошти використовувались централізовано міським відділом народної освіти і за станом на 1 січня 1962 року з них фактично було використано 88.3 тис. крб., залишилось невикористаними – 10.3 тис. крб.

При перевірці доцільності використання додаткових коштів встановлено, як приклад, Київська середня школа № 57 [8, арк. 144] всього витратила 10424 крб., з них:

- на придбання 200 стільців, 30 приліжкових тумбочок і 3 шафи – 2330 крб.
- на спортивне обладнання – 3399 крб.
- в тому числі: на придбання гімнастичного килиму – 1517 крб., який за своїм розміром не міг бути розміщений в спортивному залі школи;
- на придбання кіноапаратури для обладнання кіно лабораторії, приміщення для якої мало будуватись в 1962 році.
- Піаніно вартістю 440 крб., хоч в школі було одне піаніно.

На день перевірки 18 січня 1962 р. більшість придбаного майна навіть не було розпаковано (піаніно, спортінвентар, стільці).

Ці випадки не поодинокі, адже й по школі № 82 [8, арк. 145] виявлено порушення, всього школою витрачено – 5909 крб., з них:

- на придбання піаніно, хоч в школі було одне піаніно – 443 крб.
- на придбання двох кіноапаратів «Україна», хоч в школі був один такий апарат – 608 крб.

- на придбання трюмо, хоч в школі було 7 трюмо – 90 крб.

Крім того придбано канапу вартістю 50 крб. і шафу гардеробну вартістю 95 крб., які стояли в коридорі школи і не використовувались.

Отже, ми спостерігаємо нецільове використання коштів з боку дирекції школи, що в свою чергу гальмувало навчальний процес, адже вони могли бути використані на придбання більш необхідного обладнання на той час для роботи освітян.

Такі випадки були не поодинокі. Дані кошти могли бути використані на формування кадрового корпусу вчителів: відрядження, навчальне приладдя, забезпечення житла, певні заохочення, стимулювання (премії), але з боку керівництва цього не було зроблено, що в свою чергу негативно впливало на розвиток вчительських кадрів Києва. Гірша ситуація простежувалась за межами Києва, особливо в сільській місцевості, де фінансування освіти відбувалося традиційно – за залишковим принципом. Не покращив ситуацію і «План розгортання шкільної мережі по Київській області на 1959–1960 навчальний рік[6, арк. 277]». Даний документ було складено у відповідності до вимог закону «Про зміцнення зв'язку школи з життям і про подальший розвиток системи народної освіти в СРСР». Згідно плану передбачалось будівництво нових шкіл, житла для вчителів, особливо в селах області, капітальний ремонт шкільних приміщень. Але нажаль, виконання плану відбувалося з порушеннями графіків або зовсім не виконувалося.

Для формування кадрового корпусу вчителів позитивним було постійне зростання робочих місць, адже будувались нові школи або звільнялись шкільні приміщення, які в післявоєнні роки були зайняті іншими установами (лікарнями, інститутами та ін.).

Але їх постійно не вистачало. Хоча постійно відбувався процес косметичних ремонтів. Як приклад, варто відмітити восьмирічні школи в с. Киданівка Богуславського району та в с. Волошинівка Баришівського району [9, арк. 183в], де коштами районних відділів народної освіти зроблено ремонт: викладено нову підлогу, вставлено шибки у добудованих приміщеннях школи, частково облаштовані навчальні майстерні. А в с. Димер Вишгородського району відкрито нове приміщення середньої школи, яка на той час обладнана була за найновішими технологіями.

Такі кроки дозволяли вирішити проблему тільки частково. Продовжувався процес розширення мережі загальноосвітніх шкіл. Так наприклад, в м. Києві тільки за 1960–1961 навчальний рік було відкрито 5 нових загальноосвітніх шкіл:

- школа №166 – по вул. Єреванська 20,
- школа №80 – Автострада 12 б,
- школа №1 – Делегатський провулок 1,
- школа № 167 – Дарницький масив [7, арк. 7].

Реалії ж життя вимагали збільшення темпів будівництва нових шкіл, а поки що існувала ціла низка проблем:

- наявна мережа шкіл не задовольняла потреби населення міст, особливо в нових житлових масивах, де будівництво шкіл відставало від будівництва житла в них, в зв'язку з цим новозбудовані школи зразу ж після введення в дію проводили навчання в повні дві зміни.

- велика кількість шкіл продовжували працювати в аварійних та пристосованих приміщеннях, які підлягали заміні в зв'язку з тим, що вони не відповідали вимогам загальноосвітніх шкіл. Наприклад, тільки в Києві таких шкіл нараховувалось 24 [7, арк. 6].

- наявність другої зміни за недостатністю шкільних приміщень. В Києві лише 99 тисяч учнів – 72,3% навчались у першу зміну [7, арк. 6].

Ситуація у подоланні навчання в дві зміни на Київщині була ще критичнішою, адже із 240310 тис. учнів [5, арк. 22], більш ніж 34% від загальної кількості школярів навчалось в другу зміну.

Приклади окремих шкіл наведено в таблиці:

Місце розташування школи	Тип школи	Загальна кількість учнів школи	Кількість учнів, що навчаються в другу зміну	Кількість класів, що навчаються в другу зміну
с.Вільна Тарасівка Білоцерківського району [9, арк. 41зв]	Восьмирічна	308	105	4
с.Киданівка Богуславського району [9, арк. 42зв]	Восьмирічна	647	220	8
с.Люб'янка Рокитнянського району [9, арк. 268зв]	Восьмирічна	297	101	4
с.Очеретня Кагарлицького району [6, арк. 131зв]	Початкова	114	39	2

Якщо ж взяти цифри в цілому по Україні, то майже 27 % учнів [5, арк. 7] змушені були навчатись в другу зміну.

Двозмінність занять в школі негативно позначалась на роботі вчителів (відсутність власного кабінету, робота в другій половині дня, що для жителів сільської місцевості не завжди було зручно).

Влада намагалась в цих складних умовах хоч якось компенсувати труднощі праці вчителів: заохочення, перспектива подальшого кар'єрного росту і т.д.

Кращих вчителів відзначали відповідно до розпорядження Президії Верховної Ради СРСР «Про нагородження орденами та медалями СРСР вчителів та працівників народної освіти УРСР 6 серпня 1960 р.» [4, арк. 18-22], про що свідчить таблиця:

Вид нагороди	Прізвище та ім'я вчителя, місце роботи
Орден Леніна	Гарбуль Катерина Семенівна, середня школа с. Гребінки
Орден праці червоного знамені	Мисник Михайло Михайлович, середня школа с. Старинське
Орден «Знак пошани»	Галковський Вацлав Владиславович, середня школа №16 м. Київ
	Кукоба Яков Евдокимович, середня школа с. Став'янське

Такими діями влада прагнула підняти престижність праці вчителя, «маскуючи» реальні потреби та проблеми освітян УРСР в цілому, Києва та Київської області зокрема.

Отже, життя української школи в період реформи було насиченим та складним. Радянська загальноосвітня середня школа відповідно до реформи повинна була:

- готувати освічених громадян країни здатних до продовження навчання та продуктивної праці в народному господарстві;
- розширювати мережу заочної освіти, перетворити 7-річні на 8-річні заклади освіти, 10-річні школи – на 11-річні.

Реальні ж проблеми: прискорення темпів шкільного будівництва, підготовка вчительських кадрів, перехід до проведення занять в одну зміну, покращення умов праці та матеріального забезпечення, житлова проблема та ін., які потребували повсякденного вирішення, залишалися. Влада продовжувала використовувати школу як важливу ділянку для ідеологічної роботи.

Горбатюк Ольга

Учительство Києва и Киевщины в условиях реформы общеобразовательной школы 1959 года.

Аннотация. Статья посвящена раскрытию вопрос школьного образования Киева и Киевщины в период внедрения реформы общеобразовательной школы 1959 года.

Ключевые слова: школа, образование, учитель, школьная сеть, укреплении связи школы с жизнью.

Gorbatiuk Olga

Teaching Kyiv and Kyiv region under comprehensive school reform of 1959.

Abstract. The authors elucidate the question of schooling Kyiv and Kyiv region during the reform school in 1959.

Keywords: school, education, teacher, school network, strengthening communication with school life.

Література

1. Керівні матеріали про школу. – К.: Радянська школа, 1966. – 502с.
2. Кордон М.В. Українська та зарубіжна культура / М.В. Кордон. – К., 2010. – 584 с.
3. Центральний державний архів вищих органів влади (далі ЦДАВО). – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 590. – 171 арк.
4. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 2672. – 70 арк.
5. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 2723. – 90 Арк.
6. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 2909. – 277 Арк.
7. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 3204. – 228 Арк.
8. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 3314. – 150 Арк.
9. ЦДАВО України. – Ф. 166. – Оп. 15. – Од. зб. 3512. – 402 Арк.

Голотин А.В.

*Аспирант, кафедры Истории Отечества
Ульяновского государственного Университета
г. Ульяновск, Россия*

КЛУБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СИМБИРСКО – УЛЬЯНОВСКОМ РЕГИОНЕ В 20-ЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Победа Октябрьской революции в стране создала все условия для широкого развития клубных учреждений и массового культурного просвещения населения. Работа организовывалась на основе инициативы и самодеятельности местного населения, в тесном взаимодействии с государственными, общественными и политическими организациями, творческими союзами, учреждениями науки, культуры и искусства.

Впервые годы Советской власти появились новые виды клубных учреждений: избы-читальни, красные уголки, передвижные агитационные поезда и пароходы. Но значительную роль в культурно-массовой работе сыграли клубы, существовавшие при партийных ячейках РКП (б), на заводах и по месту жительства. Все они, согласно «Положению о единой сети и типах клубов РСФСР» от 28 сентября 1921 года, в оперативном плане подчинялись клубным отделам политико-просветительных комитетов при исполкомах. Основной задачей учреждений являлась массовая коммунистическая пропаганда через поднятие культурного уровня пролетарских масс. В резолюции XII съезда РКП (б) указывалось: «Клубы должны быть превращены в действительные центры массовой пропаганды. ... Парткомы объединяли под своим руководством клубную работу политпросветов отделов народного образования, культотделов профсоюзов, политпросветов РКСМ и политотделов Красной Армии» [1, с. 707].

Сеть клубных образований постепенно охватывала всю территорию государства, содействуя политическому просвещению масс, и развивая культуру и творчество малых народов страны. О поэтапном процессе открытия этих заведений свидетельствуют статистические архивные данные Симбирско – Ульяновского края. В 1923 году в Симбирской губернии существовало три крупных партийных клуба [3, Л. 54], в 1924 году –

семнадцать таких объединений [3, Л. 82]. В 1925 году в самом губернском городе насчитывалось восемь клубных объединений [6, Л. 1]. Такие же тенденции проявлялись в организации других учреждений занимающихся культурно-просветительской работой. В Ульяновске имелось двадцать два красных уголка и шестнадцать отделений союзов при различных предприятиях [6, Л. 5].

Архивные сведения подтверждают, что в губернии находилось достаточное количество клубных заведений, которые могли охватить все местное население в крупных населенных пунктах, удовлетворив при этом не только культурные запросы работников учреждений, но и жителей. Однако существовала проблема от 1921 года, влиявшая непосредственно на культурно-просветительскую работу. Данные объединения переводились на региональное финансирование. Но из-за дефицита в региональном бюджете губернский исполком не мог осуществлять выделение средств на развитие, поэтому все подобные заведения переводились на самофинансирование [4, Л. 12]. Заведующие были вынуждены устраивать в актовом залах помещений платные увеселительные мероприятия. Втягиваясь в рыночные отношения, основное предназначение клубов забылось. Все это привело к искажению творческой самостоятельности, выражающееся в требовании оплаты за выступление, что регистрировали государственные служащие. Организовывались данные зрелища для извлечения средств на нужды клуба, а не на покрытие расходов постановок. Конкуренция привела к тому, что к середине 20-х годов XX века клубы устраивали выступления музыкальных и драматических кружков на коммерческой основе. Вся просветительская работа сводилась к минимуму. Связи с этим ВСЦПС предписывал ликвидировать все подобные мероприятия в клубах и улучшить обслуживание художественных запросов членов профсоюзов художественно и политически выдержанными пьесами, постановками [7, Л. 14]. Предполагалось, что в кратчайшие сроки произойдут кардинальные перемены в политико-агитационной деятельности.

По причине выяснения изменений в работе клубов Ульяновский городской отдел народного образования провел такое исследование в начале 1925 года. После обследования был составлен отчет. На основе которого можно сделать выводы в отсутствии специальных работников по клубной работе. В организации этой деятельности имелись только общие методологические рекомендации. Интеллигенция же не принимала никакого участия в этом деле. Только городской комитет РКП (б) способствовал осуществлению культурно-просветительской работе через постановку докладов. Ведь своими силами работники учреждений не имели возможности заниматься этой деятельностью по причине невысокого уровня квалификации, вызванной недостаточностью материальных средств. На основе архивных данных доказано неравномерное размещение клубных организаций в городе и сохранение идеи, что каждый союз должен иметь свое подобное учреждение. Создавалось достаточное количество кружков в

клубах. Например, такое заведение при Губпросе имело 12 центров кружковой занятости. Наряду с этим губернский совет национальных меньшинств основывал собственные клубные заведения: еврейский и татаро-башкирский клуб. Но все предпринимаемые меры не привели к активной посещаемости этих организаций местным населением. Данный показатель был в пределах от 20 до 120 человек в месяц [5, Л. 83].

После выяснения общих тенденций формирования в деятельности клубной сферы, должностным лицом Е.М. Виноградовым была проведена проверка трех крупных клубов (при патронном заводе имени Володарского, при железнодорожной станции имени Ильича и межсоюзный рабочий клуб имени В.И. Ленина) в Ульяновске. Он установил, что главная проблема данных учреждений заключалась в дефиците помещений и оборудования. Ко всему этому добавлялось плохое санитарное положение. Все это отбивало желание у жителей посещать эти заведения. Поэтому предписывалось отремонтировать и подготовить помещения к летнему сезону. В деятельности клубов рекомендовалось изменить соотношение платных и общедоступных мероприятий, а именно, уменьшить количество платных зрелищ, расширить культурно-просветительскую деятельность и удовлетворить интересы пролетарских масс. Что привело бы к большей посещаемости клубных заведений и увеличению роста членов этих организаций. Пока соотношение было следующим, 30% молодых людей, 40% людей среднего поколения и 30% аудитория старшего возраста. Это являлось недопустимым, так как существовал низкий процент молодежи [6, Л. 39].

После установления неэффективности в работе клубов губернского города, последовало такое же обследование в губернии. Первый район, который изучили, являлся Гурьевский. Особенность данной территории – компактное проживание татарского населения. Формирование клубного дела в регионе соответствовало тенденциям в Ульяновске. Но все, же развитие деятельности обладало некоторыми отличительными особенностями. Например, только две библиотеки при клубах имели периодику на татарском языке и одна – произведения на этом языке. Во всех заведениях наблюдалась слабая дисциплина не только рядовых членов, но и самой администрации. Это все повлияло на культурно-просветительскую работу. Она находилась на низком уровне, так как кружки не имели собственного руководства, в связи, с чем не могли правильно построить деятельность. Активность проявлялась только во время государственных праздников. Театральные кружки ставили идеологически выдержанные спектакли: «Враги», «Черные вороны», «По двум дорогам», «Гаудеамус», «Над смертью», «Котловина». Музыкальные и танцевальные – концерты. Политические – читку лекций. Спортивные – физкультурные выступления при клубах и в подшефных деревнях. В актовых залах показывали советские фильмы [6, Л. 45-74].

Но губернская администрация ранее предоставляла ряд советов по улучшению ситуации в клубной жизни, которые не восприняло управление заведений. Не происходило использование рекомендованных новых видов

деятельности: инсценировки, доклады с обсуждением поставленной темы, агитсуды и живая газета. Требовалось сконцентрировать внимание на подготовке к использованию новых форм массовой работы: рабочие семейные вечеринки, вечера вопросов и ответов, игры, вечера самодеятельности и экскурсии [6, Л. 43].

Установив печальное состояние дел в клубной сфере, губернский отдел народного образования в 1926 году предоставил конкретные аспекты культурно-просветительской работы, на которые должны опереться управление клубов. В рекомендации включались, какие темы и как они должны рассматриваться. Основные рассматриваемые политические направления – это взаимодействие с селом и крестьянином, пути социалистического строительства, индустриальные темы, меры экономии, борьба с бюрократизмом, снижения цены, кооперация, профсоюзы, борьба с хулиганством, правовая пропаганда, рационализация быта, военная пропаганда и международное положение.

Всю массовую разъяснительную работу предполагалось проводить через кружки, красные уголки и библиотеки. В связи с этим содержание и методы деятельности клубов должны быть изменены самым коренным образом. В основу содержания клубного дела должны лечь вопросы местного советского, кооперативного, хозяйственного и профессионального строительства. Кроме того содержание работы учреждений должно быть изменено в сторону насыщения повседневными интересами и запросами рабочих на предприятиях. Художественный труд кружков обязан основываться на самостоятельной деятельности, за исключением, когда требуются идеологически выдержанные и хорошо подготовленные пьесы. Для осуществления этих целей необходимо соединить все художественные центры данных заведений в Единый Художественный Кружок и выработать для них соответствующий список пьес [6, Л. 89].

После предоставленных рекомендаций, изменения в клубной жизни не заставили долго ждать. Организовывались новые формы проведения массовой работы этими заведениями. Ярким примером является «библиопоход» в 1929 году. Итоговая конференция этого мероприятия зафиксировала определенные достижения в культурно-просветительской деятельности. Местное население было готово участвовать в социалистическом строительстве и переустройстве общественных отношений. Оно же одобрительно относилось к созданию и реконструкцию клубов. Доказательством является открытие в том же году 30 новых общественно-политических учреждений в Ульяновском районе [2, с. 149].

Итоги развития клубной деятельности в Симбирско – Ульяновском крае не отличались от общегосударственных в 20-ые годы XX века. Главная проблема, с которой планомерно работало советское правительство – повышение финансовой независимости клубов, находившихся на региональном содержании. Изначально это происходило через проведение платных зрелищ. Увеличение количества таких мероприятий сказывалось на

массовой работе. Качество постепенно ухудшалось. Следовательно, клуб прекращал отвечать главной цели – оказание помощи в социалистическом строительстве. Поэтому в середине десятилетия произошло изменение в клубной жизни. Постепенно начала развиваться культурно-массовая работа, отвечая запросам населения. Активизировались кружки и красные уголки. Теперь же рабочий мог спокойно отдохнуть, читая книгу, и, получив притом социалистическое воспитание. Плодотворная деятельность выражалась в агитации – увеличение количества членов в клубах. Каждый участник учреждения вносил добровольные взносы, так как он знал, на что потратятся финансовые средства. К концу 20-х годов XX века клубная деятельность находилась на стадии модернизации просветительской работы, которая затрагивала новые аспекты культурной политики государства.

Литература

1. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М. 1968.
2. Дягилева Л.А. Несколько страниц из истории развития культуры в Ульяновске и в Ульяновском районе в 20-30-е годы XX века. Библиопоход 1929 год. / Л.А. Дягилева // Страницы культурной жизни Симбирской губернии – Ульяновской области. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Ульяновск.: ИП Васильева М.Н., 2012. – С. 144 – 150
3. Государственный Архив Ульяновской Области ФР. – 190. Оп. 1 Д. 399
4. ГА УО ФР. – 200. Оп. 2 Д. 1095
5. ГА УО ФР. – 200. Оп. 2 Д. 1679
6. ГА УО ФР. – 521. Оп. 1 Д. 41
7. ГА УО ФР. – 521. Оп. 1 Д. 125

Калугина С.В.

аспирантка

*Омского филиала Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук*

г. Омск, Россия

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП МУЗЕЕФИКАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В Г. ОМСКЕ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ ПРАЗДНОВАНИЯ 300-ЛЕТИЯ

Празднование 300-летия г. Омска накладывает огромную ответственность и нагрузку на социальную, экономическую и туристическую сферы самого города и всей области. Особое место здесь принадлежит культурному и природному наследию региона, в которое входят уникальные археологические памятники, историко-культурные и храмовые комплексы, памятники природы.

Современное общество как никогда ранее ощущает себя тесно связанным с глубоким прошлым человечества и рассматривает ранние фазы развития как очень важные и неотъемлемые этапы своей истории, через которые осуществляется преемственность и неразрывная связь прошлого с

настоящим и будущим. Это делает проблему сохранения и использования археологического наследия одной из актуальных как в разработке культурной политики на федеральном и региональных уровнях, так и в период подготовки к празднованию 300-летия г. Омска

Памятники археологического наследия неразрывно связаны с окружающей средой, и концепция их охраны, изучения, использования не может строиться без учета антропогенного фактора. Особым направлением при формировании культурной политики, ее мероприятий на региональном уровне выступает исследование и музеефикация памятников археологического наследия.

К началу 1960-х гг. краеведом А.Ф. Палашенковым в Омске было зарегистрировано свыше 30 памятников древности [1, с. 9]. С расширением и застройкой территории города многие из них оказались разрушенными и уничтоженными.

Среди памятников археологического наследия г. Омска, которые могут и должны стать объектами туризма и широкого экскурсионного посещения во время празднования 300-летия, надо прежде всего отметить памятники археологии – «Омская стоянка», «Большой лог» и историко-культурный комплекс «Омская крепость», расположенные непосредственно на территории города.

Комплекс памятников «Омская стоянка» расположен на левом берегу Иртыша в районе Ленинградского моста и профилактория «Восход». Точно очертить территорию нельзя, так как она в основном скрыта современной застройкой. Омская стоянка открыта в 1918 году врачом и краеведом Сергеем Александровичем Ковлером (1881-1960) [6, с. 5]. Ковлер первым обратил внимание и начал собирать артефакты на данной территории. Материалы были переданы в музей при Западно-Сибирском отделе Русского-географического общества. В 20-е гг. XX века стоянку изучал омский краевед, минеролог, метеоролог Петр Людовикович Драверт (1879-1945). Часть коллекции, была передана в Западно-Сибирский краевой музей в геологический кабинет Омского сельскохозяйственного института, другая часть хранится в Омской историко-краеведческом музее. Эти находки неотделимы от основной коллекции по Омской стоянке, находки не маркировались и не велась коллекционная опись.

В 1988 году на месте комплекса памятников «Омская стоянка» началось строительство здания профилактория; при котором, как считается были разрушены значительные площади памятника. Параллельно строительству (а можно сказать – и вопреки ему) археологи Омского педагогического института и Омского государственного университета вели охранно-спасательные раскопки, в ходе которых впервые удалось открыть часть неолитического жилища и неолитический могильник – один из древнейших некрополей на омской земле [6, с. 8-11].

К сожалению, богатая история изучения и известные фамилии в ряду исследователей не спасли стоянку от «погребения» под современными

постройками: ныне на месте стоянки, а если точнее, над стоянкой, висится здание профилактория [5, с. 107].

В 2008 году Государственный исторический музей и Омское производственное объединение «Радиозавод имени А.С. Попова» в рамках реализации задач по сохранению и пропаганде культурного исторического наследия на условиях государственно-частного партнерства подписали Соглашение о сотрудничестве по изучению и сохранению памятника культурного археологического наследия «Омская стоянка» [11].

Соглашением предусмотрено проведение научно-исследовательских работ на памятнике археологического наследия «Омская стоянка», оказание научной, методической и консультационной помощи, организация совместных выставок и экспозиций, издание сборников научно-исследовательских материалов о памятниках Сибирского археологического наследия.

Инициативу завода уже поддержала Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия, а также Общественная палата Российской Федерации.

С учетом подготовки к празднованию 300-летия со дня основания Омска, данный историко-культурный комплекс может, и должен быть, подвергнут музеефикации. Здесь было бы целесообразным создать музей под открытым небом. Нахождение подобного музея в черте города является еще одним его уникальным преимуществом. Научная реконструкция и музеефикация комплекса памятников «Омская стоянка» приведет к широкому общественному резонансу, он, безусловно, станет объектом постоянного интереса туристов а, особенно, школьников и студентов.

Омская стоянка, расположенная по соседству с памятником природы «Птичья гавань» [9, с. 252] мемориалом Победы, вместе может и должна составить единую уникальную историко-культурную зону

Другим брендом Омской области может стать памятник археологии Большой Лог, расположенный в черте города, в 12 километрах от устья Оми. Памятник был открыт в 1937 г школьником Иваном Калугиным. На Большом Логу существовал крупный позднекулайский поселок, имевший площадь до двух гектаров, а кулайские жилища занимали всю территорию памятника.

В 1990-е годы территорию памятника распахали, вокруг возведены дачные кооперативы. В результате изменений конфигурации памятника его площадь сократилась и составляет ныне около 2500 кв.м. [4, с. 49], хотя прежде она оценивалась в 3000 кв.м. [8, с. 78] и даже в 6000 кв.м. [1, с. 145].

К сожалению, этот памятник не вошел в план сохранения культурного наследия г. Омска, а также не нашел своего покровителя. Для сохранения памятника не требуется много средств, необходимо только огородить территорию памятника и сделать ее охраняемой. Вне всякого сомнения, уникальность этого исторического памятника, его месторасположение на р. Оми и красота привлечет туда туристический бизнес. Городище можно будет реконструировать, разместить там музей археологических находок

ирменской, кулайской, самодийских культур и более поздней культуры Сибирских татар.

Особый интерес представляет историко-культурный комплекс «Омская крепость». От второй Омской крепости остался лишь небольшой комплекс зданий, часть из которых уже находится в аварийном состоянии. Строить вторую крепость начали в 1768 г., так как первая не отвечала всем требованиям обороноспособности.

В июле 2009 г. Омским градостроительным советом было принято решение о реконструкции историко-культурного комплекса, а в 10 июня 2010 г. начаты работы. Это уникальный проект по восстановлению исторической части г. Омска, осуществляемый в рамках приоритетного направления муниципальной политики по сохранению культурного наследия [3, с. 7].

Вопреки общемировым тенденциям значение археологических и культурно-исторических памятников в социально-экономической и культурной жизни региона пока невелико

Мировая и общероссийская практика показала, что наиболее правильным с научной точки зрения и эффективным с экономической точки зрения является создание музеев-заповедников, в состав которых входит не только территория археологического или исторического культурного памятника, но и прилегающие ландшафтные зоны исторической среды обитания человека.

Литература

1. Энциклопедия города Омска : Т. 1 : Омск: от прошлого к настоящему (период с 1716-го по 2008 год) / под ред. Г. А. Павлова, Л. В. Новоселовой, С. Г. Сизова. – Омск : Издат. дом «ЛЕО». 2009 – 920 с.
2. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Поселение Большой Лог у г. Омска // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967.- С.145-148
3. Герасимов Ю.В., Калугина С.В., Корусенко М.А., Павлов Д.Н. Историко-культурное (археологическое) обследование северо-западного сектора историко-архитектурного комплекса «Омская крепость» // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 28-32.
4. Демченко В.М. Современное состояние и перспективы развития историко-культурного общественного комплекса «Омская стоянка» // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ. конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С.7-12.
5. Конилов Б.А. Городище Большой Лог и история исследования кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Часть первая. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. - С.49-52.
6. Конилов Б.А. Омская стоянка – выдающийся памятник Среднего Прииртышья // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 1996, № 4. – 340 с.
7. Конилов Б.А. Комплекс памятников «Омская стоянка»: археологические открытия и находки. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. – 42 с.
8. Лебедева Н.И. Омская крепость: этапы застройки северо-западного сектора // Омская крепость: историко-культурное наследие: сб. материалов Омской городской науч.-практ.

- конф. (Омск, 25 ноября 2010 г.) / отв. ред. А.П. Сорокин, Н.А. Томилов. – Омск: Издат. дом «Наука», 2011. – С. 16-21.
9. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. Городище Большой Лог // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.-С.78-87
10. Энциклопедия Омской области: в 2 т. / под общ. ред. В.Н. Русакова. – Омск: Омское книжное изд-во, 2010. – 592 с.: ил., цв, наклейки.
11. Официальный сайт Радиозавода имени А.С. Попова: [сайт]. URL: [http:// www. telero.ru](http://www.telero.ru)

Тырнева Д. В.

*старший учитель по истории
в Средней общеобразовательной школе
имени доктора Петра Берона
г. Перник, Республика Болгария*

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ С ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ В БОЛГАРСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Обучение истории в болгарской средней школе проводится по разработанным Министерством образования, молодежи и науки учебным программам для каждого класса. Эти программы определяют как учебное содержание для каждого класса (темы, основные исторические понятия, контекст и деятельности, междупредметные связи), так и ожидаемые результаты обучения учеников. Определяются и цели обучения для каждого класса. Если рассмотреть методическую литературу 70–80-х годов XX века и конца XX или начала XXI века, мы увидим, что наблюдаются некоторые различия в целях. Это так, потому что общество непрерывно изменяется. Современность сталкивает нас с новыми проблемами и в обучении истории.

В методической литературе XXI века отмечается, что «понятие о целях обуславливает предпочтение к одному или другому подходу выбора и структурирования учебного содержания. В целях фокусируется взгляд общества на компетенции и качества гражданина. В них кодируется социальный заказ общества» [3, с.56]. В связи с целями «выбираются методы обучения, организационные формы и формы контроля и оценки достижений учеников» [3, с.55].

Особое, важное место в обучении истории всегда занимало использование самых разнообразных изображений – карт, схем, диаграмм, художественных картин, плакатов, средневековых миниатюр и других. Их использование с течением времени расширяется и изменяется. Расширяется новыми видами изображений – используются кроме традиционных для исторического образования карт и картин исторического содержания также карикатуры, плакаты, схемы, диаграммы. Кроме того в современном понимании целей обучения истории и их достижении разные виды изображений используются не только в качестве иллюстрации к урочному тексту или объяснению учителя, но и как самостоятельные источники информации. «Изображение – это не просто иллюстрация, которая

сопутствует вербальную историческую информацию, а самостоятельный исторический документ» [3, с.186]. Развивается «идея новой методологической нагруженности изображений, в соответствии с их новыми функциональными характеристиками» [5, с.195].

В новых учебниках по истории все больше находит применение этот подход использования исторических изображений. Хорошие примеры тому учебники по болгарской истории для 5-ого [1] и 6-го классов, как и учебник по современной общей истории для 10-ого класса. В последние годы в тест выпускного экзамена по истории после 12 класса включается задание, связанное с анализом исторического изображения, преимущественно художественной исторической картины. Большинство заданий в этом тесте из учебного материала по болгарской истории. Так, одна из главных задач обучения болгарской истории – это работа с историческими изображениями в их качестве самостоятельного источника исторической информации.

Болгарская история в средней школе изучается в 5-ом (с VII по XVII век) и в 6-ом (с XVIII по XXI век) классах и потом полный курс болгарской истории в 11-ом классе. При формулировании целей обучения в 5-ом классе отмечается, что «нужно развивать у учеников умения усваивать и применять специфические техники исторического познания» [2, с.11]. В учебной программе для того же класса отмечается, что необходимо научить учеников «добывать информацию от текстов, карт, *изображений* /курсив мой/, схем, диаграмм» [2, с.8]. Учебники для 5-го и 6-го классов дают хорошие возможности достижения этой цели. В них включено достаточно многообразных видов исторических изображений, притом, именно в их качестве самостоятельного источника информации с соответствующими заданиями к ним. Не так обстоит дело с учебниками по болгарской истории для 11-го класса.

В учебной программе по болгарской истории для 11-го класса в качестве одной из целей обучения отмечается: «развивать у учеников умения самостоятельности в работе с *различными источниками* /курсив мой/ и способности выражать и отстаивать критическую позицию» [10, с.49]. Однако учебник по истории для 11-го класса не предлагает разнообразные возможности работы с источниками, точнее, с историческими изображениями. Хотя в этом году был издан новый учебник, «новое» в нем только то, что были включены несколько новых уроков, относящихся к развитию Болгарии в начале XXI века. К тому же и качество изображений – не на необходимом уровне.

В следующей таблице предлагаем сравнение между историческими художественными изображениями в разделе по средневековой болгарской истории в учебниках для 5-го и 11-го классов, принимая во внимание несколько показателей:

- количество художественных исторических картин и средневековых миниатюр;
- качество изображений;

- являются ли они только иллюстрацией к тексту или есть к ним самостоятельные задания анализа и извлечения дополнительной информации.

В таблице даем пример с изображениями к темам, в которых включено одинаковое учебное содержание и в 5-ом и в 11-ом классах, конечно, есть разница в объеме учебного содержания. В 5-ом классе это темы «Царь Симеон Великий – соперник Византии» [1,с.38] и «„Золотой век” староболгарской культуры» [1,с.40]. В 11-ом классе – «Политическое могущество Болгарии при управлении царя Симеона Великого (893-927)» [7, с.39] и «„Золотой век” болгарской культуры при управлении царя Симеона» [7, с.44].

№	Показатель	Учебник для 5-го класса	Учебник для 11-го класса
1.	Число художественных исторических картин	2	нет таких
2.	Число средневековых миниатюр	2	3
3.	Качество изображений	цветные, хорошо различаются все фигуры и предметы	черно-белые, трудно различаются фигуры и предметы
4.	Задания к ним	есть вопросы для анализа к картинам	нет заданий к изображениям

К тому же, ученики, которые сейчас учатся в средней школе на гимназиальном этапе, в 5-ом классе не изучали болгарскую средневековую историю по учебнику, по которому учатся нынешние пятиклассники. Так что нужно обратить серьезное внимание на работу с историческими изображениями в 11-ом классе включительно путем применения и работы с дополнительными изображениями, которые не включены в учебнике. Это необходимо для подготовки учеников к выпускному экзамену по истории, где включены задания для анализа изображений. Сдавая этот экзамен, ученики должны «уметь анализировать и интерпретировать разные исторические источники (письменные исторические тексты, *разные виды изображений* /курсив мой/, карты, схемы, статистические данные)» [8, Приложение №13].

В течение последнего года я занимаюсь проблемой компенсации дефицита исторических изображений в учебнике для 11-го класса. При этом, стараюсь применять современные способы обучения, которые были бы интересными для учеников, привлекали бы их внимание и стремление получать дополнительную информацию, рассматривая и анализируя новые источники. Я разработала так называемые рабочие листы с документами и

изображениями для дополнительной работы. В последние годы у нас начали применяться в обучении рабочие листы с разными заданиями, чтобы разнообразить работу в классе и привлечь внимание и интерес учеников. Есть хорошие комплекты рабочих листов для 8-го [4] и для 11-го [6] классов. Чем различаются листы, разработанные мною, от указанного комплекта листов?

1. Мои листы содержат задания, которые связаны именно с анализом изображений, а не вообще с упражнениями на весь учебный материал.

2. Комплект листов существует в бумажном варианте, а мои листы – мультимедийный продукт, они созданы в электронный вариант и, работая с ними, мы используем интерактивную доску.

Современное образование немислимо без применения информационных технологий. Это отмечается во всех нормативных документах, касающихся болгарского образования. В основном документе об учебном содержании по истории отмечается, что ученик должен уметь «искать, выбирать и обрабатывать информацию с помощью средств и ресурсов информационно-коммуникационных технологий. Должен уметь делать выводы на основе сопоставления информации из разных источников». [9].

Изготавливая листы, я убедилась в том, что не обойтись без использования отрывков письменных источников. Получилось хорошее сочетание документов и изображений. Это дает возможность не только их анализа в отдельности, но и сравнения между тем, что написано в тексте и тем, что изображено на картине.

Какова структура рабочих листов? Я опишу один из них, разработанный мною для заполнения дефицита изображений и заданий к ним по темам, связанным с развитием болгарского государства во время управления царя Симеона Великого.

- 1) Заголовок. Обычно для заголовка использую короткий отрывок (одно или два предложения) из письменного источника. В данном случае короткий текст из сочинения «Хронография» византийского летописца Симеона Логотета, в котором есть немало сведений о развитии болгарского государства во времена царя Симеона.
- 2) Следует задание «Давайте вспомним то, что изучили». Нужно отметить, что упражнение с рабочими листами следует за уроком получения новых знаний. Ученики уже усвоили основные факты и события данного периода и знают, о чем идет речь. В начале рабочего листа даю пять заданий в тестовой форме, чтобы повторить уже изученный материал.
- 3) Следует первое задание, связанное с отрывком из той же «Хронографии», где описываются походы царя Симеона. К отрывку даются два задания.
- 4) Второе задание связано с анализом миниатюры из «Хроники» византийского летописца Йоана Скилицы – принятие болгарских послов византийским императором. Следуют два задания к этому изображению.

- 5) Третье задание направлено к умению сравнивать информацию от двух разных источников. Ученики должны прочитать документ (отрывок из произведения «Шестоднев» средневекового болгарского писателя Йоана Екзарха, где автор описывает дворец владетеля, а и самого царя на троне) и рассмотреть картину нашего современного художника Димитра Гюдженова «Царь Симеон на троне» и выполнить задания к ним.
- 6) Снова следует миниатюра из «Хроники» Йоана Скилицы. Это четвертое задание. На ней изображена одна из больших и успешных битв царя Симеона против византийских войск недалеко от реки Ахелой на черноморском побережье. Ученики отвечают на три вопроса, анализируя изображение.
- 7) Пятое задание связано с анализом картины болгарского художника времен Возрождения (XVIII–XIX вв.) Николая Павловича «Симеон Великий у стен Царьграда». К этой картине даны два вопроса.
- 8) Шестое задание снова документ и картина. Ученики читают отрывок из предисловия к сборнику «Златоструй», где говорится об образованности болгарского владетеля и его заботе о развитии грамотности и литературы. Потом рассматривают картину Димитра Гюдженова «Царь Симеон и книжовники». Выполняют четыре задания, направленные снова к формированию умения извлекать и сопоставлять информацию из разных источников.

В конце рабочего листа есть обобщающий вопрос. В данном случае он следующий: «Почему время управления царя Симеона Великого называется „Золотой век” Болгарии?» Даю ученикам задание на дом письменно ответить на этот вопрос в объеме двух страниц тетради. Они с желанием выполняют это задание и справляются очень хорошо.

С рабочими листами работаем на интерактивной доске. Лист проектируется перед классом. Ученики, выходя к доске, выполняют задания:

- отмечают правильные ответы на вопросы в тесте для повторения изученного;
- записывают ответы на задания к письменным источникам и изображениям;
- подчеркивают слова и выражения в документах;
- отмечают предметы и фигуры на картинах.

За несколько дней до начала работы с этим листом я даю задания нескольким ученикам подготовить информацию и представить ее перед одноклассниками о Симеоне Логотете и его произведении «Хронография», о Йоане Скилице и его «Хронике», о Йоане Екзархе и о художниках Николае Павловиче и Димитре Гюджене. Это дополнительная информация о произведениях (письменных и изображениях) и об их авторах, необходимая начала работы с ними.

Подводя итоги, могу сказать, что применение в обучении рабочих листов (в данном случае – электронных) дает большие возможности учителю разнообразить и сделать более успешной работу, связанную не только с

усвоением новых знаний, но и с приобретением умений извлекать информацию из разных источников. Для обучения истории особенно важно использовать исторические изображения не только в качестве иллюстрации к тексту, но и как самостоятельные источники дополнительной информации. По этому вопросу успешно работают методики и учителя в нашей стране.

Литература

1. Гаврилова, Р. и др. Учебник по история и цивилизация за 5 клас, София, изд. Просвета, 2006 г.
(Гаврилова, Р. и др. Учебник по истории и цивилизации для 5-го класса, София, изд. Просвета, 2006 г.)
2. Кушева, Р. Книга за учителя по история и цивилизация 5 клас, София, изд. Просвета, 2006 г.
(Кушева, Р. Книга для учителя по истории и цивилизации 5 класс, София, изд. Просвета, 2006 г.)
3. Кушева, Р. Методика на обучението по история, София, изд. Парадигма, 2006 г.
(Кушева, Р. Методика обучения по истории, София, изд. Парадигма, 2006 г.)
4. Кушева, Р. Работни листове по история и цивилизация за 8 клас, София, изд. Булвест 2000, 2010 г.
(Кушева, Р. Рабочие листы по истории и цивилизации для 8-го класса, София, изд. Булвест 2000, 2010 г.)
5. Кушева, Р. Съвременното историческо образование /отговори на новите предизвикателства/, София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2007 г.
(Кушева, Р. Современное историческое образование /ответы на новые требования/, София, Университетское издательство „Св. Климент Охридски“, 2007 г.)
6. Михайлова, Е. и др. Работни листове по история и цивилизация за 11 клас, София, изд. Просвета, 2010 г.
(Михайлова, Е. Рабочие листы по истории и цивилизации для 11-го класса, София, изд. Просвета, 2010 г.)
7. Мутафчиева, В. и др. Учебник по история и цивилизация за 11 клас, София, изд. Анубис, 2012 г.
(Мутафчиева, В. и др. Учебник по истории и цивилизации для 11-го класса, София, изд. Анубис, 2012 г.)
8. Наредба №1 от 11.04.2003 г. за учебно изпитните програми за държавните зрелостни изпити /изм. ДВ, бр.80 от 12.09.2008 г./
(Постановление №1 от 11.04.2003 г. об учебных программах для государственных выпускных экзаменов /с изменениями, Государственная газета №80 от 12.09.2008 г./
9. Наредба №2 от 18.05.2000 г. за учебното съдържание /изм. ДВ, бр.58 от 18.07.2006 г./
(Постановление №2 от 18.05.2000 г. об учебном содержании /с изменениями, Государственная газета, № 58 от 18.07.2006 г.)
10. Учебни програми, V част, Културнообразователна област Обществени науки и гражданско образование, София, Главна редакция на педагогическите издания към МОН, 2003 г.
(Учебные программы, V-ая часть, Культурнообразовательная область Общественные науки и гражданское образование, София, Главная редакция педагогических изданий к Министерству просвещения, 2003 г.).

К ИСТОРИИ О СУЩНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СПОРОВ В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Очевидная и вечная истина о том, что «споры по договорам следует решать путем переговоров, или, в крайнем случае, в арбитраже, в суде, а не припирая партнеров к стенке»[1] была в значительной степени актуальна и в советский период.

В отечественной литературе 1930-1980-х годов разногласия между предприятиями и организациями, как правило, определялись как «хозяйственные споры». Данное понятие в отечественном законодательстве и правоприменительной практике советского периода, не было формально закреплено, но применялось в значении гражданско-правового имущественного спора между хозяйственными органами (говоря современным языком – хозяйствующими субъектами). В абсолютном большинстве случаев стороны имели равный статус (несоподчиненность друг другу), и спор являлся горизонтальным. Экономический по природе спор хозяйствующего субъекта со своим вышестоящим органом, с органом государственной власти, управления, т.е. спор между административно неравноправными (не в арбитражно-процессуальном смысле) субъектами вытекал бы из административных правоотношений. Подобные споры вышли из ведомственной среды в конце 1980-х годов, когда государственный арбитраж получил право защищать интересы предприятий и трудовых коллективов от действий министерств и ведомств, ограничивающих их «хозрасчетную самостоятельность» и инициативу. Ранее такие «вертикальные» разногласия, не перерастая собственно в спор, разрешались не в судебном, не в арбитражном, и вообще не в правовом порядке, а административным регулированием (или, не разрешаясь, накапливались, способствуя торможению социально-экономического развития).

Хозяйственный спор (в контексте данной работы) мы понимаем как неурегулированные разногласия имущественного характера между несоподчиненными хозяйствующими субъектами (органами).

Спорящие социалистические организации не противостояли друг – другу как антагонисты противники; вытекающее из самой природы социалистической экономики своеобразие здесь состояло в том, что спорящие стороны являлись объектами хозяйственного управления со стороны социалистического государства[2, с.6]. Таким образом, у истца и ответчика, как представителей государственных организаций, в данном споре был один общий интерес – выполнение государственного плана. Задача арбитража таким образом сводилась не столько к выполнению праворазрешительной функции, сколько к функции анализа и улучшения управления. Уже в годя НЭПа ряд советских правоведов предлагали придать органу по разрешению хозяйственных споров управленческие функции (Я.

Бранденбургский, В.А. Краснокутский, П. Лебедев, Б.С. Мартынов), то есть узаконить существовавшую практику[3].

При рассмотрении хозяйственных споров, как отмечал Л.А. Лунц, – арбитражные комиссии, пользовались правом «отступать от формальных требований закона и основывать определения на соображениях конкретной хозяйственной целесообразности». Исходя из этого, они в каждом конкретном случае проводили точку зрения «обмена реальными ценностями». Гражданский оборот между переведенными на хозяйственный расчет госучреждениями имел свои особенности: он в определенных законом границах регулировался административными органами; в известном смысле, к этим органам принадлежат и арбитражные комиссии, поскольку они в своих определениях исходили из соображений конкретной целесообразности и отступали от требований закона[4, с.74].

Таким образом, разрешение хозяйственного спора в значительной степени определялось не соответствием действий сторон закону, а конкретной (производственной, отраслевой) целесообразностью, зависящей от потребностей выполнения государственных планов.

Литература

1. Путин В.В. Выступление на совещании по вопросам ценообразования и уровня тарифов 31 мая, 2010г.//Председатель Правительства РФ. Архив официального сайта <http://premier.gov.ru/events/news/10800/>
2. Гапеев В.Н. Сущность арбитражной формы защиты права: автореф. дис...канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1971, с.6
3. Краснокутский, В.А. Очерки гражданского процессуального права. Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судостроительству (Кинешма, 1924) (Извлечения) / В.А. Краснокутский// Гражданский процесс. Хрестоматия: учеб. пособие/ Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ред. М.К. Треушников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2005
4. Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2004. (Классика российской цивилистики). С. 74.

Казанцев Ю.И.
*Д-р ист. наук, профессор,
заведующий кафедрой истории Отечества
Новосибирского государственного
архитектурно-строительного университета
г. Новосибирск, Россия*

РЕКРЕАЦИОННЫЕ ТЕРРИТОРИИ ПРИГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ В СИБИРИ

До начала XX в. страна представлялась соотечественникам и иностранцам в двух измерениях: как Европейская Россия и как самобытная Азиатская Россия. Восточный компонент в динамике России с каждым годом набирал вес. На протяжении столетия Азиатская Россия оставалась приложением к России центральной, являлась основной базой углеводородного сырья и других природных ресурсов. Интерпретация историко-культурного наследия восточной части страны осуществлялась на основе упрощенных представлений об азиатском компоненте как синтезе европейских и азиатских начал, хотя жизнь на деле нигде не соединила тюркско-монгольский и славяно-русский компоненты. На просторах Сибири столетиями соседствовали многоукладность культур и многослойность историко-культурного наследия.

Проблема соотношения общего и особенного, европейского и евразийского поставлена в научной литературе представителями разных научных школ и направлений. Среди ярких исследователей проблемы можно выделить имена С.В.Бахрушина, который исследовал процесс освоения Сибири русским народом и внес большой вклад в разработку истории коренных народов Сибири. Н.И.Конрад доказывал идею единства мирового исторического процесса и в то же время постоянно подчеркивал самобытность культурных ареалов.¹⁷

Среди современников, активно изучавших проблему азиатской части российского государства и его отдельных регионов, следует отметить труды В.В. Алексеева, В.Л. Соскина, Н.А. Миненко, Л.М. Горюшкина и других исследователей.¹⁸ Автор предлагаемой статьи долгое время изучал проблему

¹⁷ Бахрушин С.В. Новейшие странички истории Сибири (о книге С. В. Киселева. Старая история Южной Сибири. М.–Л., 1949) // Новый мир, №4.С.283–285; Бахрушин С.В. Снаряжение российских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторические памятники российского арктического мореплавания XVII в. М.–Л., 1951, Изд. Главсевморпути. С. 86 – 92; Конрад Н.И. Запад и Восток / Н. И. Конрад. М., 1972; Конрад Н.И. Из истории средних веков стран Восточной Азии / Н.И. Конрад // Н.И. Конрад. Избранные труды. История. М., 1974. С.334–460 и др.

¹⁸ Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX вв. / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В., Побережников. М.: Наука, 2004. 600 с; Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начала XX века: Сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск: РИПЭЛ, 2007. 320 с. и др.

сохранения памятников индустриального наследия Сибири и вел поиск вариантов их музеефикации и использования.¹⁹

Постановка проблемы носит не только теоретический, но и прикладной характер. Патриот России Н.К. Рерих в середине 30-х годов XX столетия предложил человечеству «Пакт о защите культурных ценностей» в случае вооруженного конфликта. Идею Рериха поддержал президент США Ф.Рузвельт и руководители многих государств мира. В поддержку Пакта выступили Ромен Роллан, Бернард Шоу, Рабидранат Тагор, Томас Манн, Альберт Эйнштейн, Герберт Уэллс и другие выдающиеся личности. Предложив народам программу сохранения цивилизации «Мир через Культуру», Н.К. Рерих с волнением писал о том, что и без грома пушек в каждодневной суете люди часто совершают такие же «непоправимые ошибки против культуры». Этим объясняется страстное стремление Н.Рериха охранять историко-культурные ценности не только во время войн, но и в условиях мира.

Действительно, огромная часть памятников гибнет не от снарядов, а разрушается от старости, уничтожается стихийными бедствиями и стирается с земли потомками, равнодушными к наследию предшественников. Для Азиатской России, имеющей сравнительно «короткую историю», проблема сохранения историко-культурного наследия приобретает особый смысл. Памятники истории, архитектуры, индустриального наследия азиатской части страны имеют возраст не более 250 лет.

Этнокультурное переплетение на просторах Азиатской России являет собой уникальную палитру, в которой нашли свое отражения культуры коренных народов, кочевых этносов, а также пришедших сюда русских, украинцев, немцев, поляков. Социальная память народов Сибири складывалась из многих составляющих. Одной из них стали памятники архитектуры, истории и индустриального наследия. Данный банк хранит огромный пласт информации и передает ее следующим поколениям. Памятники материальной культуры дают возможность «увидеть историю» и надежно ее запомнить. Не случайно развитые страны мира подчеркнуто уважительно относятся к своей истории и ее материальным носителям – памятникам. В последнее время во всем мире набирает силу тенденция создания так называемых коридоров наследия. Это направление переключает

¹⁹Казанцев Ю.И. Проблемы изучения индустриального наследия Новосибирской области.// Страницы истории Новосибирской области. Люди, события, культура. (ч.1). – Москва, 1995; Казанцев Ю.И. Сохранение и использование промышленных памятников Сибири (исторический и социальный аспекты).// Общественно–политическая жизнь Сибири. XX век. Вып. 4. –Новосибирск. 2000; Казанцев Ю.И. Азиатская Россия в диалоге культур// Проектирование и строительство в Сибири. 2001. N1; Казанцев Ю.И. Металлургические предприятия уральских заводчиков Демидовых в Сибири // Развитие металлургического производства на Урале. Сборник докладов и сообщений историко–экономической секции Международного конгресса, посвященного 300–летию металлургии Урала и России 4 октября 2001 г. – Екатеринбург, Изд–во Академкнига, 2001 и др.

внимание специалистов с отдельных памятников на имеющие историческое значение районы, области и более обширные территории.

Подход к выявлению, оценки значимости, музеефикации и использованию памятников, существовавший прежде, нуждается в существенной корректировке. В этом смысле показателен пример уникального памятника Западной Сибири – Сузунского медеплавильного завода. Село Верх-Сузун было основано в 1526 г. беглыми крестьянами из России еще до похода в Сибирь Ермака. В 1764 г. на берегу реки Нижний Сузун началось строительство завода, а в 60-е годы Сузунский медеплавильный завод вошел в состав Колывано-Воскресенского округа. Предприятие действовало с 1766 по 1914 г. Здесь был один из трех монетных дворов Российской империи, где с 1766 по 1781 г. чеканилась «Сибирская монета». На Сузунском заводе в 1806 г. была изготовлена первая русская турбоустановка Поликарпа Залесова, а так же были сделаны котел и цилиндр для машины известного русского изобретателя Ивана Ползунова. Здесь же была изобретена камнерезная машина Филиппа Стрижкова. Любое из этих изобретений выходит по своему значению далеко за рамки регионального масштаба и давало основание для внесения памятника в кадастр важнейших охраняемых государством объектов.²⁰ Но этого не случилось! К сожалению, этот уникальный объект индустриального наследия оказался за рамками кадастра важнейших памятников. В силу разных причин бывший завод оказался разрушен. Частично сохранился лишь корпус толчельни, где измельчали руду. В настоящее время предпринимаются попытки по воссозданию частично сохранившегося корпуса толчельни, но основная часть строений завода безвозвратно утрачена. А между тем этот уникальный памятник индустриального наследия мог быть предметом гордости сибиряков.

Существовавшие методики определения исторической ценности памятников были не совершенны и политизированы. Скажем, в центре г. Новосибирска сохранили и оберегают Дом музей С.М.Кирова. Этот дом не является уникальным памятником зодчества, он лишь напоминает горожанам о том, что в их городе проездом бывал видный деятель партии большевиков С.М. Киров.

Встает ряд принципиальных научных и практических вопросов: переход от узко политического к общенациональному критерию оценки памятников; отказ от практики раскассирования памятников и вывоз из провинций наиболее ценных экспонатов в областные и центральные музеи; пересмотр отношений собственности в сфере недвижимых памятников с целью их реставрации и использования.

Опыт убеждает в том, что для сохранения, реставрации и популяризации исторических памятников недостаточно только административных решений.

²⁰ Памятники Новосибирской области: сб. ст. / сост. Л. М. Горюшкин и Б. И. Семко. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. – 198 с.; Памятники истории, архитектуры и монументального искусства Новосибирской области: каталог в 4-х кн. / Ю. И. Андрианова, Т. В. Воеводина, Ю. В. Иванова. – Кн. 2. Новосибирская область (памятники, состоящие на гос. охране). – Новосибирск, 2003. – 241 с.

Памятники принадлежат нации, и заботиться о них нужно всем миром. Важно пробуждать историческое самосознание и начинать широкое общественное движение в защиту историко-культурного наследия России. Концептуальная модель широкого общественного движения должна строиться с учетом экономических, социальных, национально-конфессиональных параметров. В итоге, нужно выстроить такую модель, которая была бы научно выверенной и приемлемой современным обществом.

В обыденном сознании российского человека исторические и архитектурные памятники представляются малоценным препятствием на пути развития городов. Можно ли прогрессировать, разрушая историю, не приведет ли этот путь к духовной стагнации общества? К огорчению мало кто сегодня усматривает в памятниках истории ресурс возрождения и обновления страны.

Потенциал культурно-исторического наследия Азиатской России огромен и позволяет реализовать крупные проекты. Только вокруг г. Новосибирска узловыми элементами такого проекта могут стать уникальные памятники разных эпох и народов Сибири: это археологический комплекс на северо-западном въезде в г.Новосибирск у села Катково Коченевского района, расположенного неподалеку от первобытного поселка «Крохалевское городище»; Колывань – один из старейших населенных пунктов Новосибирской области с великолепными образцами сибирского зодчества; исторический комплекс «Ирмень» у места последнего сражения русских с сибирским ханом Кучумом в августе 1598 г.; реликтовый Караканский бор, внесенный в правительственную туристическо-экологическую программу; уникальный заповедник Умревинский острог; древнее татарское городище Юрт-Ора и другие объекты.

Создание такого туристического комплекса гарантировало бы сохранность уникальных объектов древности и открывало возможности организации на их базе внутреннего туризма. Одновременно с уникальным археолого-историческим комплексом может быть создан современный высокоэффективный комплекс сервисного обслуживания. Так возможно совмещение двух уровней задач, с одной стороны, – охрана и рациональное использование исторического наследия края, с другой стороны – создание современной туристической инфраструктуры, формирование современного уровня сервисного обслуживания туристов, что может стать частью программы динамичного развития Азиатской России в XXI веке.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ КОНИНЫХ НА ФОНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ЭССЕ, ЗАПИСАННОЕ СО СЛОВ ПЬЯНКОВОЙ (КОНИНОЙ) ВЕРЫ ИВАНОВНЫ²¹

Светлой памяти

Пьянковой (Кониной) Веры Ивановны посвящается...

По маминой линии наша семья родом из Юрлинского района Пермского края. В селе Юрла²² жили наши предки – прадед и прабабка, дедушка и бабушка. Там же родилась и выросла наша мама. В морозные январские дни, сидя у горячей натопленной русской печки, наша бабушка любила вспоминать о своей молодости, о том, как жила ее семья, кто были ее прародителями. Эти истории были нами записаны и оформлены в эссе, рассказывающее историю жизни нескольких поколений семьи Кониных, которая протекала на фоне революционных событий и гражданской войны начала XX столетия.

²¹ История была записана в 2001–2002 гг. В 2006 году работа принимала участие в конкурсе работ «Корнями дерево сильно» в городе Перми и была отмечена членами жюри в одной из номинаций.

²² Для справки: В прошлом Юрла, не считая Кудымкара – самый крупный населенный пункт в Коми округе. Юрла расположена в «яме», в долине реки Лопва (приток Косы). Поселение в 1773 году значилось как село Емь-Лопвинское. В селе была построена деревянная церковь, в 1879 году заложена каменная церковь. Это был сильный экономический, и по тем временам, заметный культурный и административный центр для захолустной местности, со значительной концентрацией в нем торговых и кулацких элементов, хотя постоянно проживало в Юрле немногим больше 600 человек (в 1909 г. здесь было 626 жителей – 136 дворов). Особенно велики здесь были хлебные базары и ежегодная конская ярмарка (8–21 сентября), на которой продавались на мясо старые лошади уфимским, глазовским и осинским татарам. На эти базары и ярмарки приезжало большое количество торговцев из Вятки, Перми, Ильинского. Вятские торговцы привозили сбрую, обувь, мануфактуру, пиломатериалы. Из Перми шла мануфактура, кондитерские изделия, железо. Ильинцы снабжали сибирской рыбой, хмелем. В Юрле находились казенная винная и 13 торговых лавок. Промышленность была представлена кузнечно-слесарным заведением, работавшем на рынок и заказ, 3 кузницами, 4 столярными мастерскими, кирпичеделательным заведением, пекарней, пряничной, синильной, экипажным заведением, изготавливавшим сани. В Юрле земством был организован небольшой склад сельскохозяйственных машин и агрономический пункт. С 1869 года в Юрле уже имелось приходское училище. В селе находились: четырехклассное и одноклассное смешанное земские училища, библиотека-читальня, земская больница с врачом и медперсоналом, ветеринарный лечебный пункт и земская почтовая станция. Для четырехклассного училища земство в начале XX века построило большое двухэтажное кирпичное здание, для больницы – кирпичное одноэтажное, причем обширное, красивой архитектуры. В селе также находились квартиры двух членов земства, камера земского начальника, волостное правление, ссудо-сберегательное товарищество при волостном правлении. Главные средства для существования населения извлекались от земледелия и сельского хозяйства, для улучшения которого земской агрономией сделано немало. В начале XX века посевами клевера и вики вели 6 домохозяев, имелось 8 конных молотилок, 10 веялок-сортировок, 3 простых веялки. Многими домохозяевами породы местного скота улучшились, для чего содержались племенные жеребчики и свинки. Подсобными заработками являлись: перевозка кладов до г. Перми, ст. Савиной Сибирской магистрали, до Усть-Пожевской паромной пристани на Каме, с которой село было соединено хорошим земским трактом. Избытки хлеба юрлинцы возили в Кайгородок Вятской губернии и Кажимский завод Вологодской Губернии, также занимались заготовкой и бурлачеством по сплаву лесов по рекам Коса, Лолог, Лопан. В 1903 году в селе был заложен сад. Довольно редким фактом было ночное освещение улиц села, для чего были поставлены фонари с керосиново-калильным освещением. [Из статьи А.В. Патырбаевой «Село Юрла» // URL: <http://letopisi.ru/index.php/%D0%AE%D1%80%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 8.02.2013г.)]

КОНИН ИВАН ИВАНОВИЧ

Конин Иван Иванович – наш прадед – родился в 1870 году в семье крестьянина Ивана Кониного в селе Юрла. Из пяти братьев он был последним, самым молодым. Иосиф был старше его лишь на несколько лет, а о старших братьях, к сожалению, ничего найти не удалось. Были еще у них две сестры, которые когда выросли, вышли замуж и разъехались по деревням Юрлинского района.

Жизнь крестьянина всегда была тяжелая, а поэтому все приходилось зарабатывать собственным трудом. Но терпение и трудолюбие, передаваемые от отца к сыну в семье Кониных, были в характере и прапрадеда Кониного Ивана и его пяти сыновей.

В селе им принадлежали кирпичный завод и несколько двухэтажных домов, которые целы и поныне, и там расположены жилые квартиры.

Когда братья выросли, отец передал в их распоряжение дома и завод. Братья были очень трудолюбивыми и дружными, поэтому работа спорилась в их руках, и все получалось ладно и хорошо. Кирпичный завод (ныне поселок Кирпичный) приносил хорошую прибыль. Хотя по нынешним меркам это сооружение трудно назвать заводом, ведь он представлял собой небольшой деревянный сарайчик, рядом – яма, из которой использовалась глина (территория района богата торфом, кирпичной глиной, гравием, песком мергелем) на производство различных ремесленных изделий. Глину приходилось замешивать ногами и лошадьми. Иногда приходилось нанимать работников (опять же из крестьянской среды). Но это была сезонная работа, так как когда наступала зима, работать было невозможно. Поэтому, чтобы получить хороший заработок, приходилось работать быстро и качественно. Зато и продукция их ценилась в народе. Их кирпичи имели славу как очень прочные, подходящие для любых построек. Конечно, ведь братья изготавливали их из прекрасной глины по проверенным технологиям, оставленным им еще прародителями. Кроме кирпичей братья изготавливали глиняные горшки, корчаги (некоторые из них еще можно увидеть в домах старожилов Юрлы).

Братья любили и знали цену своей работе, но сезонная работа была невыгодна, поэтому братья организовали производство выпечки хлебобулочных изделий: калачей, пирогов, пончиков. Эта работа также была успешна в умелых руках. Выпечка прекрасно раскупалась на ярмарке, которая регулярно проходила в центре села.

Ярмарка была для народа радостью, праздником. Люди надевали свою самую лучшую одежду и спешили на ярмарочную площадь. Особенно велики были здесь хлебные базары (Иван Конин и его братья поставляли туда свою продукцию) и ежегодная конская ярмарка.

По воспоминаниям нашей прабабушки (а ей об этом рассказывал наш прадед Конин Иван Иванович, который был на двадцать пять лет старше ее), на эти базары и ярмарки приезжало большое количество торговцев из Вятки, Перми, Ильинского и многих других, даже самых отдаленных, мест.

В феврале 1917 года царизм пал. С этого времени начал разрушаться старый российский уклад, формировавшийся в течение многих лет. Это становится заметным даже в таком отдаленном от центра России месте, как Юрлинский район.

В 1918 году и в Юрлинском районе состоялся волостной съезд, объявивший Юрлинский волостной Совет единственным органом власти.

В 1918 году Конин Иван Иванович служил казначеем Земской управы. Часто приходилось ездить по различным делам. И вот, возвращаясь однажды из какой-то деревни пешком (пешком ходить приходилось часто, лошадь в то время считалась роскошью) он наткнулся на белогвардейцев. Известно, что осенью 1918 года адмирал Колчак начал свой поход против Советской России и уже в декабре 1918 года имел превосходство в живой силе и вооружении, благодаря усилиям стран Антанты. Колчак взял г. Пермь. Войска Колчака продвигались дальше на север и проходили через с. Юрла (Юрла тогда была очень значимым районным центром, вторым по значению после Кудымкара).

Вот нашему прадеду и «посчастливилось» повстречаться с одними из колчаковцев. Колчаковцы – хоть и белые, а тоже люди – видят, человек одет небогато, денег при себе немного, побеседовали, побеседовали, расспросили его, да и отпустили его подобру-поздорову.

Люди – народ сомневающийся, кто-то увидел, кто-то подслушал эти разговоры, да и проболтались Советским властям (тем более, что люди завидовали успеху братьев Кониных): а не шпион ли? А не колчаковец ли?

А зимой 1919 года в Юрле вспыхнуло самое крупное в Коми-Пермяцком АО крестьянское восстание, о котором в советское время вспоминали как о кулацком. Но если контрреволюционным это восстание можно назвать, то кулацким – вряд ли.

И хотя Конин Иван Иванович и его братья вовсе не были связаны с подпольными контрреволюционными организациями и почти не участвовали в политической жизни, власти стали приписывать им содействие восставшим, вспоминая недавнюю «встречу» Кониного Ивана Ивановича с белогвардейцами, и то, что он сумел уйти целым от них, и послужило основным доводом в их обвинениях.

Преследования (пока только на словах) продолжались, теперь братьев стали называть кулаками, тем более что они имели большое хозяйство, владели кирпичным заводом и хлебопекарней, а при изготовлении продукции использовали наемный труд. Хотя без наемного труда было не обойтись; а люди сами нанимались к братьям Кониным на работу: и платили хорошо, и за стол общий с собой приглашали, и обходились с работниками по-дружески, по-свойски.

Оставаться в Юрле стало очень опасно. И однажды ночью, оставив все, братья бежали в Сибирь. Запаслись едой, взяв все, что посчитали

необходимым, забрав прислугу, братья прямо в телегах, на лошадях, двинулись в путь.

Именно в Сибирь во все времена ссылали мешающих властям людей – каторжников, среди которых часто страдали и прекрасные, умные люди (писатели, поэты, политические деятели). Братья Конины бежали в Сибирь по своей воле и далекий Новосибирск стал для них второй родиной.

Но путь туда был очень тяжелый, продовольствия не хватало, тем более, что здоровье старших братьев было подорвано столь долгим переездом.

Трудолюбивые и сильные характером, они и в далекой Сибири сумели организовать свое дело, построить дома и переждать сложное для всей страны время. Когда же появилась возможность вернуться на родину – в Юрлу, старшие братья уже состарились, здоровье не позволило сделать им это. Наш прадед – Конин Иван Иванович – все же решил прожить остаток жизни в родных местах, хотя здесь у него была дочь Александра Ивановна, родившаяся уже в Новосибирске от прислуги.

И вот, в 1925 году, оказавшись в родных краях, вернувшись в Юрлу, Иван Конин понял, что он остался без всего; чудесные двухэтажные дома, некогда принадлежавшие роду Кониных, отданы правительством под жилые квартиры, завод разрушен и разворован, от хлебопекарни не осталось и следа. Конин Иван Иванович – бывший «кулак» – остался на улице без всего – без дома, братьев, жены – в рваных от долгой дороги штанах.

В Юрле, по улице Октябрьской, недалеко от бывшего дома Конины Ивана Ивановича, жил его друг – Пашка Мишин, сумевший сохранить свой дом, хозяйство, наладивший отношения с юрлинской властью.

Конин Иван Иванович обратился за помощью к нему. Крепкая дружба связывала их, и поэтому Пашка Мишин, помнивший все добро, что сделала для него семья Кониных, не мог отказать старому другу. И на время Конин Иван Иванович остался у него.

В то время у Пашки Мишина в доме работала батрачкой красивая молодая женщина – Трушникова Фёкла Егорована (из деревни Кротова Юрлинского района). Она была старательной и аккуратной при выполнении работы и заворожила Конины Ивана Ивановича, несмотря на то, что она была на двадцать пять лет моложе его.

Вот и говорит однажды Иван Конин своему другу Павлу:

- Отдай мне свою работницу Фёклу Егоровну в жены!

Спросили Фёклу – она дала согласие, тем более, что ее первого мужа убили на войне, ребенок (от первого мужа) умер. Так они и поженились, со временем очень полюбив друг друга.

Конин Иван Иванович – бывший «кулак» – пошел под венец с батрачкой Фёклой Егоровной в домотканых льняных штанах (Фёкла сама соткала и сшила их, одежды у Ивана Ивановича здесь не было). Власть разрешила им поселиться в небольшом домике, почти у самой реки Лопвы, по улице Колхозной. Прожили вместе всего десять лет, дав жизнь двум дочерям – Анне и Вере.

Конин Иван Иванович умер в 1931 году, когда нашей бабушке Вере было всего три года. Фёкла Егоровна Трушникова-Конина растила девочек одна, посвятив всю свою жизнь их воспитанию.

ТРУШНИКОВА-КОНИНА ФЁКЛА ЕГОРОВНА

В небольшой деревне Кротова Юрлинского района жил крестьянин Трушников Егор Трофимович (нам он – прапрадед) со своей очень красивой женой. У них была маленькая дочь Фёкла (она родилась в 1895 году).

Однажды Трушников Егор Трофимович пошли со своей женой в гости. Там его жену и «изурочили» злые языки:

- Ой, Егор Трофимович, и хороша у тебя жена!

- Ой, и работаща, и красива!

- Ой, да жить вам, не тужить...

Через несколько дней его жена слегла и не поправилась, оставив сиротой свою малолетнюю дочь Фёклу.

Жизнь крестьянина тяжела. Мужчина работает в поле, в огороде; женщина – следит за домом, за хозяйством. Поэтому без хозяйки было нельзя (тем более Фёкла была еще слишком мала). Во второй раз, женившись на другой женщине, Трушников Егор Трофимович и не предполагал, как тяжело будет расти Фёкле в родном доме.

Новая мать сразу недолюбливала Фёклу. Иногда поступала с ней несправедливо и даже жестоко.

Когда Фёкла выросла, и ей исполнилось двенадцать лет, ее стали брать с собой на работы в поля, часто уходя на целый день. Отношение мачехи к падчерице оставалось таким же. Уходя в поле и беря себе и отцу Фёклы, Егору Трофимовичу, пшеничный хлеб, яйца, Фёкле она оставляла картошку да репу.

Воспитанию детей в крестьянской семье с одной стороны почти не уделяли внимания, а с другой – отношение к детям было строгим, от детей требовалось послушание и уважение. Например, когда семья садилась за стол и хозяйка ставила на стол котелок с едой (супом, кашей и т.п.) первым из него вкушал глава семьи, затем его жена, а после – дети по-старшинству. И упаси бог младшим сунуться вперед. А обычными средствами воспитания были розга, подзатыльники, замаливание грехов, стоя на коленях (на горохе) в специально отведенном в доме месте. Однажды мачеха жестоко избила Фёклу, когда та без спроса взяла стряпню.

В другой раз Фёклу за сеном послали на луга. А дело – под зиму. Она поехала на санях (в розвальнях). Одежда крестьянской девочки была простой и даже убогой. Приехав на место, она сумела только разгрести снег, скинуть сверху стога сено в розвальни, под полог, а больше – ничего, замерзла. Прыгнула на сани, сжалась, закрылась пологом и чувствует – силы ее иссякли. Направила лошадку к дому, лошадка приехала, встала у ворот и стоит. Брат Егора Трофимовича в это время проходил мимо дома, смотрит – лошадь нераспряжена, тряхнул полог, а оттуда Фёкла и выпала. Егор сидит, лапти плетет, мачеха – кудель прядет. Брат кликнул Егора, и занесли они

Фёклу в дом, принесли деревянное корыто, налили холодной воды – она и оттаяла.

У мачехи родились двое детей: Спиридон и Клавдия. Их жизнь также оказалась тяжелой. Вначале Спиридон учился в медучилище в Кудымкаре на фельдшера. В Кудымкар ходил учиться пешком, а это ни много ни мало сорок километров.

После учебы его направили в Ныроб на практику. А в сорок первом его забрали на войну. Больше его не видели.

Клавдия всю жизнь провела в деревне Кротова. Ее жизнь была такой же сложной, как и жизнь любой деревенской женщины: нескончаемая работа в доме, содержание хозяйства, воспитание детей... Работала она конюхом (при Юрле содержался конезавод). Прожила она недолго и умерла в Юрлинской больнице во время голода в 1936 году.

Однажды, когда Фёкле было шестнадцать, все семейство поехало на ярмарку (отдохнуть, продать товар). Сосватали Фёклу за Фёдора в деревню Кырова. В восемнадцать она родила. Совсем недолго прожили они вместе. Вскоре Фёдора взяли в армию. Вначале солдаты находились в Верещагино, на учениях.

Еще было неизвестно, отправят ли их на фронт, и вот, Фёкла и несколько молодых женщин, у которых мужья – в солдатах, решили добраться до Верещагино и во что бы то ни стало увидаться с ними. И вот Фекла с другими бабами оделись потеплее, взяли еды и пошли пешком до Верещагино. Лошадь в деревенской семье была редкостью. Дорога была сложной, тем более, что время – холодное, к зиме ближе; но с молитвою да с помощью добрых людей (кто покормит, кто переночевать пустит) добрались они до Верещагино. Сначала их не хотели пускать к мужьям, все-таки время военное, шла Первая Мировая война, но, пожалев измученных женщин, им позволили увидеть мужей.

Повидавшись с Фёдором, Фёкла вернулась в дом его родителей, теперь она стала жить у них с ребенком, который вскоре умер (болезни, даже такие как грипп и простуда, в то время, особенно в деревне, вылечивались с трудом, так как врачей не хватало). За одной трагедией последовала вторая: мужа Фёклы убили на войне. В доме родителей Фёдора жить стало очень сложно: его мать укоряла ее то в том, что она плохо работает, ленится, то в том, что не сумела сберечь ребенка и мужа. Несчастливая женщина перебралась в районный центр – Юрлу – и устроилась работать батрачкой в доме друга Ивана Кониного Пашки Мишина. Здесь ее и сосватал Конин Иван Иванович.

Она была моложе его на двадцать пять лет. Ее терзали сомнения:

- А вдруг и этот брак не удастся?..

Но она увидела в нем человека серьезного, умного и с очень доброй душой. Они поженились. Фёкла привязалась к Ивану Ивановичу, полюбила его, и от их любви родились две дочери – Анна и Вера...

ЖИЗНЬ СЕМЬИ КОНИНЫХ

Иван Иванович и Фёкла Егоровна прожили вместе недолго – 10 лет, но за эти годы Иван Иванович ни разу не обидел Фёклу Егоровну, ни разу не укорил и не поднял на нее руку. И хотя они жили бедно, но это действительно был счастливый брак. Это время Фёкла Егоровна вспоминала (рассказывала дочери Вере) как одно из самых счастливых в своей жизни.

Но это было сложное для всех время, и людям приходилось тяжело. Нужно было работать, работать, работать...

Когда Фёкла Егоровна уходила на заработки (то нанималась к людям позажиточнее на работу в огороде, то уносила кое-что на базар продать), Иван Иванович сам пестовал девочек.

Часто рассказывал им сказки, многие из которых оказывались взятыми из собственной его жизни.

Вот одна из этих историй о речке Табараширке, которая, по легендам, протекает недалеко от Юрлы.

Когда-то давно, еще при царской власти, ценилась вода в речке Табараширке как целебная. Съезжались сюда со всех волостей купцы с женами и детьми; раскидывали шатры и оставались в этом заветном месте на несколько дней. Каждое утро, еще до солнышка, умывались больные этой волшебной водой и излечивали глаукому (трахому).

Существует эта речка и в наши дни, удалось и нам однажды повидать ее. Однажды, заплутав в этих заповедных местах, вышли мы к той речушке. Дно у нее – темного болотного цвета, зато вода – чистейшая... И (первый раз в жизни мне довелось видеть такое) множество моллюсков (беззубки) – все живые – собрались в заводи...

Придя домой, рассказав бабушке Вере об увиденном, мы и услышали эту историю о волшебной речке Табараширке. Может, вода там и вправду лечебная?

Несмотря на то, что теперь семья Кониных не была зажиточной, напротив, ее можно было отнести к бедняцкой, преследования продолжались.

Однажды подзаработав и подкопив средства, Фёкла Егоровна и Иван Иванович купили швейную машинку, в надежде с помощью нее и себя обшить, и людям помочь. Но, оказывается, и это было «роскошью».

Что делать? Уже и приходили дом обыскивать. Взяла Фёкла Егоровна машинку и отнесла ее за болото, в лес, там и захоронила.

После вернулась эта машинка в дом Кониных, когда семья встала на ноги и отношение властей к подобным «роскошествам» изменилось. А в голодное время именно эта вещь помогала семье (уже без Ивана Ивановича) выживать.

В 1931 году Фёкле Егоровне пришлось пережить еще одну – возможно, самую дорогую в жизни – потерю. Заболев однажды, Конин Иван Иванович умер, оставив любимую жену и дочерей (Анне тогда было 7, Вере – 3) Теперь Фёкле Егоровне пришлось воспитывать девочек и кормить семью одной.

В тридцатые годы наступил голод. Где-то в это же время умер отец Фёклы – Трушников Егор Трофимович. Теперь Фёкла не могла даже навестить родной дом. Мачеха и раньше относилась к ней не очень-то хорошо.

Но по иронии судьбы именно Фёкле пришлось хоронить эту женщину.

Такую смерть, как у нее, и врагу не пожелаешь. Однажды мачеха Фёклы пошла на праздник в Зулу (деревня недалеко от Кротова), там жила ее родня.

Возвращаясь домой через лес, – сплутала. А в лесу ее загрызли животные. Ее останки нашли не сразу, а найдя, сразу сообщили Фёкле, которая опознала мачеху по останкам одежды.

Ей пришлось по косточкам собирать останки, хоронить свою мачеху, которая всю жизнь ненавидела падчерицу...

В голодные годы (1933–1936) и во время Великой Отечественной войны Фёкла всеми силами старалась для любимых дочерей. Благодаря ей они почти не знали голода. Всю жизнь держали корову, поэтому питались своими сметаной и молоком.

Когда появилась возможность вернуть швейную машинку в дом, это стало еще одним средством заработка.

Днем она работала (вначале в больнице санитаркой, в 1939 году вступила в колхоз), вечером (часто и после полуночи) шила для людей. За сшитые вещи люди платили ей, кто чем мог: кто деньгами, кто муки, кто маслица со сметанкой принесет. Так и жили...

В то время трудно было достать даже хозяйственное мыло, но Фёкла научилась его делать сама.

Тут в Юрле была скотобойня, так она иногда приходила туда подзаработать, а заодно приносила домой брюшнину (из которой готовила ливерные пироги) и падаль. Вот из падали-то она и умела делать мыло. Из больницы она приносила каустик, затем этот каустик вместе с падалью ставила в истопленную русскую печь. Затем это выливалось в посуду и нарезалось на кусочки. Так в домашних условиях Фёкла Егоровна изготавливала прекрасное хозяйственное мыло, которое использовали в домашнем хозяйстве и продавали людям.

Фёкла имела успех в работе и домашнем хозяйстве. Ее трудолюбие и огромная любовь к людям стали неизменными спутниками ее жизни, поэтому люди относились к ней с большим уважением

Фёкла Егоровна знала много целебных трав, умела варить мази, вправлять вывихи, а поговорив с ней, люди облегчали свою душу, поэтому к ней обращались за помощью как к целителю. Именно от Фёклы сохранился рецепт приготовления серного пластыря, который умела варить и наша бабушка, и который использовался для лечения гнойных нарывов.

Умерла эта женщина 22 апреля 1971 года, сохранив светлую память о Конином Иване Ивановиче, пережив разруху и голод, пройдя через годы войны, вырастив двух чудесных сестер – Анну Ивановну (в замужестве Мелехину) и Веру Ивановну (в замужестве Пьянкову), которые продолжили славный род Кониных...

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ V. ПСИХОЛОГИЯ, СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА	3
Катунина Н.С. Роль времени в познании психики человека	3
Яковлев В.А., Филатова И.Ю. Влияние самооценки на формирование отклоняющегося поведения у подростков женского пола	12
Босс А.А. Паралимпийские игры: история и современность	16
Музыченко Л.С. Психологическая природа насилия	19
Фортулатова Л. И. Теоретические аспекты проблемы возникновения аддиктивного поведения в подростковом возрасте	21
Черемискина И.И., Леун Е.В. Отношение к работе у аттестованных и неаттестованных сотрудников противопожарной охраны	27
Шергин Д.А. Политическая социализация школьников среднего города ...	30
Родионова В.А. Профессиональный портрет медика-педагога школы пациентов	32
Лоза М.Д. Инклюзивное образование как условие позитивной адаптации и социализации детей с ограниченными возможностями здоровья	37
Хандогина О.В. Компьютерная игра как опосредованная форма общения	40
Чернявская Е.Ю. Социальное сиротство как социально-экономическая проблема воспроизводства человеческого ресурса в современной России	42
Бесулин А.М. Анализ теории сценариев Эрика Берна	49
Логунова В.В., Вартамян М.С. Развитие личности подростка в современных условиях	53
Логунова В.В., Вартамян М.С. Дидактическая игра как средство умственного развития	55
РАЗДЕЛ VI. ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА, СОВРЕМЕННЫЕ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ	57
Смолина Л.И. Обучение иностранным языкам и иноязычному общению в игровых ситуациях	57

Борисова Я.И. Особенность отражения философии Ф. Ницше в творческой системе М.П. Арцыбашева	61
Конде Прадо Алаин Родольфо Языковая интерференция на примере испанского языка	64
Родникова О.Ю. К вопросу о комплексном подходе при обучении иностранному языку в неязыковых вузах.....	67
Булахова О.Н. Типичные тенденции функционирования грамматических форм 17 в. в художественном произведении (на материале исторических романов)	70
Видишева С.К. Ассоциативный эксперимент и лингвистический анализ данных (на примере компьютерной терминологии)	77
Полиенко З.В., Рогова Л.Н., Катомахина Т.А. Учебник как составляющая системы профессионально – ориентированного обучения в неязыковых вузах	81
Потапова Н.Л. Взаимодействие языковых систем при переводе научных статей по математике	84
Пупа С.Ч. Проблема разграничения терминологических областей нанотехнологий на примере подсистемы нанохимии	87
Фенина В.В., Фенина О.Е. Некоторые интенциональные характеристики речевого жанра ‘статус в социальных сетях’ (о результатах социолингвистического эксперимента)	91
Четверикова О.В. Пунктуация в зеркале авторского мировидения	99
Полиенко Я.В. Лексико-семантическая классификация ментальных глаголов как основа дифференциации типов ментальных ситуаций	103
Табункина И.А. Интерпретация литературной и графической образности О.Бердсли в романе Д.Голсуорси «Белая обезьяна»	107
Катлишина Т.С. Особенности развития лингвистической семантики	113
Козоріз О.П. Іншомовні запозичення та термінологічні кальки у юридичній термінології сучасної китайської мови	116
Каржанова Н.В. Особенности формирования межкультурной компетенции при обучении иностранным языкам	122
Ходоренко А.В. Номинации объединений людей в дискурсе конца XVIII – начала XX века	127

Рутц Е.В. Номинации компьютерных игр: к постановке проблемы	132
Щеголь Л.Д. Становлення історичного сербського роману у контексті літературної традиції 60-80-х років ХХ століття	134
Шиканова Т.А. Медицинская терминология: реальное и нормативное значение (теоретико-экспериментальное изучение)	138
Реброва Н.Е. Дифференциация эвфемизмов от смежных языковых явлений	152
Семенова М.Ю. Формирование постстандартного рунглийского языка в условиях языковой глобализации	156
РАЗДЕЛ VII. ИСТОРИЯ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО	161
Смулов А.М. Монашеские съезды 1909 и 1917 гг. и современное миссионерское служение РПЦ	161
Федотова О.О. Ідеологічне обмеження дитячої літератури в УСРР-УРСР (20-30-ті рр. ХХ ст.)	174
Иванюк И.А. Структура фондов монастырских библиотек Киева в XIX ст.	178
Соловьева Е.А. Поступление государственных сборов и местных повинностей в Казанской и Симбирской губернии во второй половине XIX - начале XX вв.	186
Малофеев П.Н. Лысьвенский краеведческий альманах «Культурная жизнь провинции» (книга 2)	189
Пелькова Т.Ю. Создание архивной службы Южного Урала (1920-е гг.)	191
Гусева Ю.Н. «Дальневосточная» эмиграция Закира Кадыри в 1920-е годы в свете источников восточного отдела ОГПУ	193
Плындина С.И. Образ святого Георгия в легенде «Чудо Георгия о змии»	199
Горбатюк О.О. Учителство Києва та київщини в умовах реформи загальноосвітньої школи 1959 року	204
Голотин А.В. Клубная деятельность в Симбирско – Ульяновском регионе в 20-ые годы XX века.....	212
Калугина С.В. Начальный этап музеефикации археологического наследия в г. Омске в процессе подготовки празднования 300-летия	216

Тырнева Д.В. Инновационные методы работы с художественными изображениями на уроках истории в болгарской средней школе	220
Воронин Д.В. К истории о сущности хозяйственных споров в советской экономической системе	226
Казанцев Ю.И. Рекреационные территории пригорода: проблемы сохранения и использования памятников в Сибири	228
Патырбаева К.В., Патырбаева А.В. История семьи Кониных на фоне революционных событий 1917 года и гражданской войны: научно-популярное эссе, записанное со слов Пьянковой (Кониной) Веры Ивановны	232

Научное издание

СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Часть 3

**Филология, лингвистика, современные иностранные языки,
психология, социология и социальная работа,
история и музейное дело**

Материалы второй заочной международной
научно-практической конференции (25–28 февраля 2013 г.)

Издается в авторской редакции

Компьютерная верстка *К.В. Патырбаевой*

Дизайн обложки – А.В. Патырбаева (wolveran@mail.ru)

Подписано в печать 04.03.2013.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 14,3.

Тираж 100 экз. Заказ № 33.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного университета
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано на ризографе ООО «Учебный центр “Информатика”»
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15

